

*Джессика
Дрейк*

На 310

ВСЕМ ЗАКОНАМ

Успешный адвокат по бракоразводным делам с острой болью попадает в руки наглому врачу, который «перекраивает» не только её саму, но и всю её жизнь. Все принципы, привычки, планы главной героини летят... короче, далеко летят... откуда не возвращаются. Сможет ли выдержать такой натиск уже состоявшаяся в жизни женщина, побывавшая замужем и решившая, что не для неё эта дорожка? Или всё же сдастся на радость нахалу?

На зло всем законам
Хельга Франц

Глава 1

Развод...

Как много значений вложено в это слово.

Это и судебный процесс, когда ты перестаёшь быть чьей-то женой и превращаешься в вольную птицу.

И в зависимости от ситуации, он может нести в себе различные результаты. Один — депрессия, ты в слезах, потому что тебя бросили, предали, не удовлетворили, обидели. Второй — хэппиэнд, когда ты идёшь с подругами в бар и отмечаешь свободу, потому что достал этот хорёк с ушами за годы супружества.

А может означать обман, когда ты попала на крючок мошеннику, и тебя как глупую девочку обвели вокруг пальца.

И там, и там ничего хорошего. Везде присутствует горечь, потеря, страх.

Я сегодня принимаю участие в первом сценарии. Но лишь косвенно. В качестве адвоката клиентки, которая требует развода у мужа.

Сижу, вполуха слушаю коллегу, что представляет интересы мужа моей подзащитной. Он не говорит ничего нового. Тот самый муж требует образумить жену и вернуть её в семью, ведь у них двое детей.

Интересно, где он был, когда изменял с секретаршей? Думал ли о детях и жене?

Конечно же нет. Весь мозг утёк в штаны, и от чесотки в трусах этот индивид напрочь забыл про семейные клятвы.

Каждый раз одно и то же. Хоть бы оригинальное что-то придумали.

Отключаюсь скучающе от монотонного мужского вещания, где взывают к семейным ценностям и нерушимости брака. Размышляю о смысле жизни... супружеской.

Есть ли жизнь после ЗАГСа?

Для меня — нет.

По статистике за прошлый год развод достиг рекордных цифр — девяносто пять процентов.*

Девяносто пять!!! Неслыханно!

Как мы к этому пришли? Как?!

Куда девается любовь? А уважение к матери твоих детей?

Что интересно, в семидесяти процентах инициатором процесса является женщина.

А причина, занимающая первое место — бедность. Печально, но факт. Рай в шалаше нынче не популярен.

Меня часто одолевают на заседаниях философские и риторические вопросы. Мысли сами уплывают в невиданные дали...

Так о чём мы? Ах да!

Вторая по популярности причина разводов — взаимное непонимание. Забавная туманная фраза. Перед ЗАГСом, значит, друг друга понимали. А после, что? Вдруг стали разговаривать на разных языках?

Лингвистический парадокс...

Третье место... о, да!... моё самое любимое — неверность одного из супругов. Чаше всего мужчины.

Почему моё самое любимое? Потому что это мой хлеб. Восемьдесят процентов моего

дохода от клиенток, пришедших ко мне с жалобой «Он мне изменил! Помогите оставить его без штанов!»

И я помогаю.

Люблю снимать штаны с мужиков. С таких не жалко. В переносном, конечно же, смысле...

Хотя...

Но я снова отвлеклась. О другом же речь.

Так вот, я настолько поднаторела в своём деле, что теперь моя клиентура — это обеспеченные люди. Сливки общества.

И сейчас одна известная «вишенка» справа от меня, что двенадцать лет нежилась в тех самых сливках, захотела плюнуть косточкой в глаз своему благоверному, потому что у того лопнула резинка на трусах и спровоцировала несанкционированный выгул мужского достоинства... в чужую вагину.

Я — циник?

Ну да, я — циник.

А как вы хотели? Как им не стать за всю мою многолетнюю адвокатскую карьеру? К тому же я сама девять лет назад проходила эту удручающую процедуру. И в моём случае в графе причины развода красовалась фраза: «отсутствие общих интересов и отдаление друг от друга».

Витиевато?

А я такая. Оригинальная...

Скучаяще прохожусь взглядом по двум мужчинам напротив. Так себе Аполлоны. Один с животиком и некрасивой плешью на голове. Это, который пока ещё муж.

Второй, мой коллега Дятлов (говорящая фамилия, кстати, в моих контактах в телефоне так и значится — «Дятел», ни одного дела у меня не выиграл), вроде стройный, но что-то в нём упорно отталкивает. Может салфетка, которой он то и дело стирает пот со лба и верхней губы? Вспотел, бедняга.

Ну да-к это и понятно. Я — женщина видная, ухоженная, в дорогом костюме. Маникюр, педикюр — всё при мне. Любой мужик в радиусе пяти метров вспотеет. И он не исключение.

Я — стерва?

Ну нет, я хорошая...

Ой, ну ладно, если только немножко...

Чёрт с вами, множко!

А там, где я работаю, нельзя быть пушистой зайкой. Тут кругом серые волки. Злые. Голодные. Сцапают зайку и не подавятся.

А мной подавятся! Поэтому я не зайка.

Непростая ситуация.

Я так-то обычная. Как все. И очень хочу быть хорошей. Но в силу обстоятельств чаще приходится быть плохой.

Печалька...

Меняю от скуки положение тела. Второй день внизу живота раздражающе ноет. Месячные скоро, что ли? Вроде ещё рано. И неожиданно складываюсь, как раскладушка, над столом от жуткой рези в правом боку.

Падлас радригис, как больно!

Не могу сдержать стона.

Присутствующие мужчины от этого звука стекают... мозгом в штаны. Ну, а куда ещё они могут стечь?

Хорошо, судья и моя практикантка — женского пола. Жить буду!

Аня что-то бормочет про машину и папу. Она вместе с секретарём судьи хватают меня за подмышки и сопровождают до автомобиля. Укладывают на заднее сиденье, и Аня-практикантка, как заправский гонщик, газует с парковки суда.

Я в таком состоянии, что согласна на любой кипиш, лишь бы уняли уже боль.

От каждой кочки всё громче ой-каю, а Аня извиняется. Так и едем в этом странном музыкальном сопровождении: «Ой», «простите», «ой», «простите»...

И только одна мысль поддерживает меня в сознании: «Эх, как не вовремя всё. Даже выступить не успела. А я такую речь готовила. Зря!»

*Реальная статистика разводов за 2022 год в России

Глава 2

В приёмном покое, куда меня доставила Аня, опрятно и дорого. Глаз радуется. Хорошая клиника, Слава Богу. Это, к счастью успокаивает. Но почему не вызвали Скорую, всё равно загадка.

Совсем рядом за шторкой слышен разговор.

— Папа, пожалуйста, помоги. Это мой куратор Морозова.

Ох, Господи, вот только родственников мне ещё чужих не хватало.

— Да хоть сам Ленин. У меня смена уже закончилась, Ньюта. Её посмотрит другой врач.

— Но ты же ещё здесь! Я тебя очень прошу. Ты же лучший доктор в этой больнице.

Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста.

Лучший? Это хорошо. Это очень хорошо.

— А я буду всю следующую неделю посуду мыть. Слово даю.

— Ну-ну. Руки покажи. Скрестила за спиной пальцы, небось. Успокойся, посмотрю я твоего куратора.

— Йес!* Спасибо!

— Уйди, подхалимка. — Добродушно журит свою дочь мужчина.

В смотровую, где я лежу, заходят двое. Высокий широкоплечий мужчина в белом халате и моя практикантка Анна.

Девчонка явно нервничает. Руки заламывает. Посматривает настороженно на отца.

Я, наверное, представляю сейчас жалкое зрелище. Эх, весь имидж коту под хвост.

Как я после такого позора «строить» всех буду? Кроме жалости я сейчас ничего другого у окружающих не вызываю.

Скрюченная в букву «ЗЮ» от боли пытаюсь разглядеть отца своей студентки. Но получается плохо.

Во-первых, больно двигаться, и в таком положении взгляд доходит только до плеч. А во-вторых, от жутких мук в моих глазах стоят слёзы, и всё вокруг видится размытым и нечётким.

Хватаюсь взглядом за бейджик на халате. Буквы расплываются. Более-менее ясно вижу только заглавные. И то, что я вижу превращает меня в айсберг.

«З...Л...О...»

Мать твою, меня собирается лечить доктор ЗЛО?!

Чур меня! У него, кажется, смена закончилась? Идите с Богом, доктор ЗЛО!

— А можно мне другого врача? — Блею я.

От неожиданного заявления Аня и её отец замирают, во все глаза смотрят удивлённо на меня.

— Можно, но не нужно. Это чем же я нашей королевне не угодил?

— Папа лучший, Ирина Сергеевна. Вот увидите он сделает всё по высшему разряду.

Ага. Угу. Вот только его бейджик говорит совсем о другом.

— Похоже королевна сомневается?

— А вы своё имя видели?

— Каждый день в документах.

— И вас ничего не смущает?

— Нет. А должно?

Многозначительно молчу.

— Ну давайте, жгите. Прямо заинтриговали.

— Если убрать лишнее и оставить только инициалы, то меня сейчас осматривает «Доктор ЗЛО». И что-то мне не по себе.

Отец моей практикантки запрокидывает голову и начинает откровенно ржать.

— Ой, пап, а она права. Никогда не замечала.

— А как вас зовут? — Надо же понять, как прилюдно правильно обращаться к этому ЗЛу.

— Лев Олегович.

— А фамилия, видимо, как у Ани — Зорин?

— Потрясающая сообразительность в экстремальных ситуациях. — Комментирует с сарказмом этот доктор, ощупывая мой живот. — А вот если я сделаю так?

Нажимает на какую-то точку и резко убирает руку.

— А-а-а! Мамочки...

Меня ещё сильнее скручивает от острого приступа боли. Везёт мне на говорящие фамилии. Изверг!

— Аппендицит. В операционную.

После его строгой команды как из ниоткуда появляются двое санитаров и отвозят меня на каталке в белый блок. Парочка медсестёр готовят меня к операции. Укладывают на «пыточный» стол. Фиксируют руку на специальной подставке.

От мучительных ощущений мне хочется провалиться сквозь землю.

Как только в поле моего зрения появляется собирающееся оперировать меня ЗЛО, я тут же атакую:

— Учтите, если вы мне навредите, я вас засужу.

— Разведёте? — Ухмыляется доктор.

В курсе, что я спец по разводам? Какой прошаренный.

— Да хоть бы так.

— Для этого вам сначала придётся выйти за меня замуж.

— Вы мне угрожаете?

— Господь с вами... Ваню, усыпляем пациентку.

Звучит как-то не очень.

— Принято. — Доносится до меня ещё один мужской голос.

— А я проснусь? — Чёрт, я же мастер статистики. Вот зачем я это спрашиваю.

Просто страшно.

— Куда ж вы денетесь...

— Имейте в виду, если нет...

— Да понял я, понял. — Раздражённо обрывает мои угрозы врач. — Вы ко мне в кошмарах приходите будете... с судебным иском.

Мрачно соплю.

— Я вас запомнила, доктор ЗЛО.

— Вот и чудненько. Я всегда умел произвести впечатление.

— Готово. Считаем от десяти до одного. — Говорит анестезиолог.

Я начинаю обратный отсчёт. Последние цифры получаются вяло и негромко.

— Прекрасно. Ну поехали. — Слышу я словно сквозь вату уже ввевшийся в подкорку наглый баритон. А потом чуть громче. — Окей гугл! Как сделать лапароскопическую

аппендэктомиию?!

Господи, спаси и сохрани! Куда я попала?

В шоке уплываю в царство Морфея под аккомпанемент дьявольского смеха анестезиолога.

Йес — Yes (англ.) — Да

Прихожу в себя после наркоза в реанимации. Ко мне сразу же подбегает медсестра.

— Вы очнулись! Чудесно. Сейчас позову Льва Олеговича.

Почему его? Он всё ещё здесь?

В данный момент я бесполезное бездвижное тело. И всё, что остаётся — это смириться с решениями людей в белых халатах. Даже если видеть ЗЛО не очень хочется. Но куда деваться?

— А можно мне телефон? — С трудом шевелю пересушенными губами.

Пить хочется адски.

— Боюсь, что в реанимации нельзя. Вот как только вас переведут в палату...

— А когда меня переведут?

— Дождитесь врача. Он всё скажет.

Через некоторое время приходит Зорин.

— Как вы себя чувствуете?

— Как после операции.

Рот Зорина искривляется в усмешке. Он внимательно смотрит на приборы, к которым я подключена.

Вслед за Зориным заходит незнакомая женщина. Миловидная. Своим видом сразу же располагает к себе.

— Лев Олегович? Вас тоже вызвали? Какие-то проблемы?

— Нет, Марина Петровна. Я по личной инициативе.

Отходит в сторону, чтобы не мешать женщине-врачу провести осмотр.

— Здравствуйте, Ирина Сергеевна. Меня зовут Нарышкина Марина Петровна. Я вап лечащий врач.

Мысленно ликую.

Да! Есть боженька на свете! А ЗЛО тогда зачем пришло?

— Давайте-ка посмотрим, что тут у нас. Ага. Показатели в норме. Как вы себя чувствуете? Нормально? Чудненько. Операцию Лев Олегович провёл на «отлично». Вам повезло попасть в такие золотые руки. Думаю, можно переводить в послеоперационную палату. Сейчас скажу медсестре.

Марина Петровна выходит из палаты реанимации, оставляя меня с чудо-хирургом.

А он смотрит на меня зачарованно, как будто я экспонат в лаборатории.

— Очень хочется пить. — Тихо выдавливаю из себя, смотря в наглые разглядывающие меня глаза.

ЗЛО отходит в сторону, выпадая из поля моего зрения, а потом вновь возвращается. Склоняется близко-близко и подносит к моим губам что-то влажное. Медленно проводит от уголка слева направо, а потом обратно. Зачарованно следя за своими движениями.

От прикосновения прохладного ватного диска и напряжённого взгляда врача внутри меня начинает звенеть невидимая струна, отдаваясь внизу живота тёплыми волнами.

Этого ещё не хватало!

— Мне нужно позвонить. — Хриплю я, развеивая наэлектризованную атмосферу, сгустившуюся вокруг нас.

— Здесь нельзя. — Отвечает мне ЗЛО, держа своё лицо в каких-то сантиметрах от

моего. — Как только переведут в палату, вам сразу же отдадут ваши личные вещи.

Облизываю влажные губы. Взгляд мужчины следит за моим бессознательным рефлексом. Его кадык подпрыгивает.

Мысли путаются. Но образ дочери проясняет поплывшее сознание.

— Боже, у меня ребёнок один дома. Надо мужу позвонить. Они же даже не в курсе.

Мужчина от моих слов резко выпрямляется. И уже более строгим и деловым голосом спрашивает:

— Маленький?

— Кто?

— Ребёнок дома маленький?

— 15 лет.

— Ну уже вполне самостоятельный. — Смотрит на меня внимательно врач.

— Это только так кажется. Она даже готовить не умеет.

— А муж?

— Обьелся груш. Мы разведены. Живёт отдельно.

— Вот как. — И снова расплывается в улыбке ЗЛЮ. — Что ж, тогда надо спасать.

— Вот-вот.

— Говорите мне её телефон и имя. Я позвоню и всё решу. — Достает из кармана белого халата телефон.

Здесь же нельзя? Или некоторым — если очень хочется, то можно?!

С трудом выуживаю из памяти номер телефона Ленусика. Проговариваю его вслух. Зорин выходит.

Когда меня переводят в палату, первой ко мне приходит Нарышкина. Долго рассказывает про диету, которой придётся некоторое время придерживаться, об ограничениях, сроках выписки.

После её монотонной речи уплываю в сон.

А что ещё остаётся? Жизнь мне теперь предстоит безрадостная. Без копчёной рульки, без острых куриных крылышек, без солёных огурчиков. Даже харчо, ироды, запретили в ближайшем будущем.

Одно радует, лежать мне под наблюдением этих строгих церберов всего три дня.

После обеда в мою одиночную палату врываются две фурии: моя дочь Лена и дочь Зорина, Аня.

За их спинами появляется сам Зорин. Принесла нечистая!

Пока девчонки расхватали свободные стулья, мужчина остался стоять за их спинами, нависая над головами совершенно непохожих друг на друга девчонок. Моя светло-русая скромняшка в школьном костюме, с румянцем и ямочками на щеках. Вторая — брюнетка с цепким, как у отца, взглядом в деловом брючном костюме и папкой подмышкой.

— Мамуль, привет! — Обеспокоенно тарыхтит Ленуся. — Вот ты попала! Как себя чувствуешь? Сильно болит? Тебя хоть можно обнять?

Привстаёт и осторожно обнимает меня моя лапочка. Прохожусь ладонью по родным волосам и плечам. Обожаю свою девочку до дрожи.

— Нормально. Болит немного, но терпимо.

— Ирина Сергеевна, может вам что-то принести? Вы только скажите. — Более спокойно спрашивает практикантка.

— Как там заседание, Ань? — Отпуская Ленусика, перевожу взгляд на студентку.

— Перенесли из-за вашей срочной госпитализации. Судья сказала, дату сообщит позже.

— Хорошо. Держи меня в курсе дела.

— Да, конечно.

— Ну хватит о работе. — Делает замечание дочери Зорин. — Ирине Сергеевне отдыхать сейчас надо. Ещё пять минут и на выход.

— Да я не устала. Всё в порядке.

— Здесь главный я. Пять минут, девочки.

— Хорошо-хорошо. — Улыбается Зорину мой Ленусик.

Она у меня ласкуша. В кого только такая? У меня самой довольно жёсткий и принципиальный характер. Отец девочки — сплошное разочарование. А вот дочка получилась нежная и кроткая девочка.

— Ленусь, ты до отца дозвонилась? Он заберёт тебя до моей выписки?

— М-м-м... папа сейчас в командировке. Только послезавтра вернётся. Меня Лев Олегович к себе забирает на это время.

— То есть? Как это?

— Очень просто. Вы же сказали, Лена готовить не умеет, надо спасать. Я всё организовал. Несколько дней побудет со мной и Ньютой.

Аня активно кивает:

— Вы не переживайте, Ирина Сергеевна. Мы позаботимся о Лене. С ней всё хорош будет.

— Неудобно как-то. К чужим людям поедет. А вдруг ваша жена будет против?

— Я разведён. Живу с дочерью. А она, как видите, не против.

Ах, да. Он же говорил что-то подобное перед операцией...

— Мамуль, да мы уже всё решили. — Гладит меня по руке Леночек. — Не волнуйся. Завтра я после школы опять забегу. Отдыхай.

И не дожидаясь моих последующих протестов, уходят.

Я растеряна, но в своём положении не могу ничего изменить. Это меня удручает.

За девять лет я так привыкла «рулить» сама, что новый поворот оставляет внутри неприятный осадок.

Не люблю быть слабой. И должной кому-то тоже. А сейчас, как ни крути, именно такой я и оказываюсь.

Как-то неожиданно моя жизнь понеслась по наклонной. Без тормозов.

И без машиниста... которого старательно пытается заменить доктор ЗЛО.

Ай-яй, Морозова! Не порядок! Скорее вставай на ноги!

Не надо нам псевдо-машинистов. Мы сами с усами.

На следующий день рано утром первого кого я вижу в своей одиночной палате, конечно же ЗЛО. Ну куда теперь в моих новых реалиях без него? Правильно, никуда.

— Как тут у нас дела? Ничего не беспокоит?

— Вы же меня отдали другому врачу. — Замечаю строго я.

— Обиделась? — Как ни в чём не бывало, просматривает мою карту Зорин.

— Мы взрослые люди, Лев Олегович. К тому же юристы не обижаются, а делают выводы. Просто непонятно, почему именно вы каждый день продолжаете проверять все мои анализы и назначения?

— Потому что ты куратор моей дочери, и от этого зависит, сдаст ли она практику.

Что? Неслыханно!

Если бы можно было убивать взглядом, ЗЛО бы было уже повержено.

— Ты меня сейчас заморозишь взглядом, Морозова. — Ухмыляется врач. — Это была шутка юмора. Расслабься. Я же тебя оперировал. Кишочки твои перебирал своими нежными руками. После такого интима ты мне теперь ближе, чем дочь родная.

Демонстративно закрываю глаза. Даже не пытаюсь улыбнуться.

Острил так, что можно порезаться.

— Сдача практики вашей дочери напрямую зависит от её знаний, а не от того, будете ли вы в курсе моего здоровья или нет. — Строго выпаливаю я.

— С тобой не поспоришь. Но я всё же предпочитаю перестраховаться. — Замечает между тем доктор, а потом уже самому себе совсем тихо. — Беда с юмором, да? Ну ничего. Поднатаскаем.

От наглости врача никак не могу сложить слова в предложения. Я, конечно, всяких мужиков встречала в зале суда, но чтобы вот так... беспардонно и бессовестно протиснуться в мою зону комфорта без спроса...

— А мы уже на ты?

— А чего тянуть? Мы с тобой не в том возрасте, чтобы ходить вокруг да около.

Собираюсь с силами от возмущения. Подбираю вежливые слова. Всё же он меня спас. Да и является отцом моей практикантки. Не хотелось бы уходить в конфликт.

— Мне кажется, Лев Олегович, вы там что-то для себя втихаря решили, а меня и известность поставить забыли.

— Хм. Вот как. Ну что же, тогда, раз ты такая недогадливая, заявляю прямо — ты мне нравишься, Ирина. И я собираюсь пригласить тебя на свидание. Именно поэтому я отдал тебя другому врачу. Неправильно в нашем деле лечить близких людей. Экстренную операцию в расчёт не берём. Учти, протесты и отказы не рассматриваются.

— Боже упаси! Я педантичный, сварливый и совершенно скучный человек, который с утра до ночи читает законы, применяет их на практике и «рушит» семьи.

— Не переживай. Моего веселья хватит на нас двоих.

Ну вот как от него теперь избавиться?

Пока я хлопаю своими красивыми глазами, мой ЗЛОбный врач надевает на руки медицинские перчатки и нахальным образом откидывает одеяло, задирая мою больничную ночнушку.

Отклеивает край большого лейкопластыря, осматривая рубцы от проколов.

Я с запозданием пытаюсь от него прикрыться, так как остаюсь ниже пояса в одних трусах. Брендowych, ажурных... но трусах!

— А ну прочь грязные руки. — Рычит ЗЛО, отпихивая мои ладони. — Не порти мой шедевр. Тут всё стерильно. Повязку тебе сегодня поменяют и рубцы обработают.

Как только он приклеивает пластырь обратно. Натягиваю ночнушку до колен и накрываюсь одеялом.

Не то чтобы мне было стыдно. Уже не двадцать, чтоб от такого краснеть. Но мужик-то посторонний. Ещё и пытается протиснуться в самый близкий круг.

Вот только я против! Хотя я не заметила, чтобы меня особо спрашивали.

Ладно, и не таких на место ставили.

И только я набираю в лёгкие побольше воздуха, чтобы словами прибить этого наглеца к плинтусу, как он разворачивается, и уже на выходе кидает через плечо.

— Выздоравливай, я к тебе позже зайду.

И вперившись ядовитым взглядом в захлопнувшуюся дверь, я сдуваюсь... словно шарик...

Весь кайф обломал! Сволочь!

Обидно до слёз.

Никогда я ещё не испытывала такого разочарования.

Целый день внутри всё бурлит от злости и протеста. Безделье в больничных белых стенах только сильнее обостряет мои чувства.

Прокручиваю в голове то один, то другой вариант диалога со ЗЛОм. Вот только он так и не появляется у меня больше. Ещё один брехун на мою голову.

Давно я стала сама себе хозяйкой. И с отцом Ленуси развелась, потому что толку от него было, как от быка молока... никакого. Воздушные замки, которые он для меня строил никогда не превращались в реальность.

На диване после работы я и сама могу полежать. Да и к слову сказать, слабака рядом с собой я бы в итоге сломала... задавила. Вот поэтому и отпустила бывшего на все четыре стороны.

И нисколько об этом не жалею. Потому что, когда рассчитываешь только на себя, силы и возможности берутся словно сами из ниоткуда. Не смотря на маленького ребёнка, карьера строилась, квартира ремонтировалась, еда готовилась, машина покупалась.

Сейчас оглянувшись назад, даже удивляюсь самой себе, когда только всё успевала, откуда брала деньги, которых вечно в то время не хватало.

На алименты от раза к разу надеяться не приходилось. Бывший муж то работал, то без работы бил баклуши и доставал своим нытьём, что хочет попробовать возродить семью.

А я уже остыла. Отвыкла. Да и, как выяснилось, отношения с ним меня тяготили и тянули вниз.

Всё же, как ни крути, а когда женщина остаётся одна, она матерееет и обростает непробиваемой чешуёй.

Душа становится настолько привередливой, что невольно бракуешь всех уже в начале подката.

Поэтому «оставь надежду, всяк сюда входящий»!

И с высоты своего опыта, не могу сказать, что в одиночестве есть что-то плохое.

Никто на тебя не орёт, никто не высказывает своё «фи», никто ничего не требует. Живёшь в своё удовольствие.

Хочешь баранки ешь, хочешь — халву. А хочешь — пиццу закажешь и с дочерью с аппетитом полакомишься за просмотром семейного доброго кино.

Дочка у меня просто ангел. Мы с ней как половинки одного целого. Везде вместе. Всегда по-доброму и по любви.

Денег на наши нужды я зарабатываю достаточно.

Не жизнь, а сказка.

Ну и спрашивается, зачем в наш мирный оазис впускать ЗЛО?

Никого нам не надо!

Пусть идёт, куда шёл... мимо...

Глава 5

Сегодня последний день моего нахождения в этой «пыточной». А как ещё назвать место, куда мне запретили проносить ноутбук (по личному указу Его Величества, заведующего клиникой Зорина Льва Олеговича) и где меня кормят какой-то пресной невкусняшкой?

Пора рвать когти!

Скорее бы уже получить выписку на руки.

Не могу дождаться...

Вчера ЗЛО ко мне так и не зашло. А сутки спустя я слегка подуспокоилась.

Как-то пыл совсем пропал. И даже стало немного жаль.

Всё же не часто находишь достойную пару для обмена колкостями.

Хотя, чего ради мне тратить силы на спор с незнакомым мужчиной? Пусть и врачом, спасшим мне жизнь. Пусть и отцом моей практикантки.

Изыди, ЗЛО... изыди!

Но как только мне делают перевязку, ЗЛО тут как тут.

— Привет. Вчера я что-то закрутился с делами. Когда появилось время заглянуть, ты уже спала. — А потом вдруг так по-мальчишески улыбается. — Ты очень красивая во сне. Нежная. Беззащитная. Без этих своих дневных колючек.

И я давлюсь своими резкими словами, что заготовила ещё вчера.

— Как ты? Скучала? — Бьёт по нервам приятный бас.

Трясу головой, чтобы отогнать это густое марево, в которое так старательно пытается меня втянуть чужой низкий голос.

Он серьёзно? Вот так просто? Как будто мы уже близкие люди?

— А должна была? — В своей едкой манере отвечаю я.

— А что нет? Ну ничего, ты просто пока ко мне не привыкла. Дело наживное.

— И даже не собираюсь...

— Куда ж ты от меня денешься. — Ухмыляется ЗЛО. — От судьбы не уйдешь.

И ведь не понять: то ли смеётся, а то ли взаправду.

— Боже. Это какой-то сюр. Вы мне не нужны, Лев Олегович. Уж простите, что так прямо и может быть резко. Я не знаю, что вы там напридумывали себе, но, пожалуйста, вычеркните меня из своих фантазий.

— Хм. Значит, нет.

— Нет!

— А мы могли бы создать отличную пару, Ир.

— Мне кажется ты не понимаешь. — Тоже перехожу на «ты». — Мы оба занятые люди. У нас дети. Работа отнимает большую часть времени...

Не дослушав мою речь, Зорин просто садится рядом на кушетку и вливается в мои губы поцелуем.

Уверенно и нагло проникая в рот языком. Метя своим вкусом с нотками ментола каждый сантиметр. Облизывая. Поглаживая. Запутываясь пальцами в волосах.

Я от неожиданности млею и таю, ныряя поглубже в этот морок. Вку-усно...

Но уже через несколько минут прихожу в себя и начинаю отталкивать наглого гипнотизёра.

— Тихо-тихо. Без резких движений. — Отпускает меня Лев. — Вся мою работу сведёшь насмарку.

— Не смейте меня целовать!

— Не удержался. Ты такая притягательная, когда злишься. Тебе ведь понравилось, из гордости отталкиваешь, что не по-твоему пошло. Зря. Только время тратим впустую. А ты сама сказала, мы оба люди занятые, могли бы после выписки встретиться в красивом месте, а не выплясывать вокруг друг друга джигу-джигу. Нам не восемнадцать, проверять свои чувства не нужно. Мы уже знаем, чего хотим от жизни. Зачем эти игры, Ир?

— Что? — Не верю я своим ушам.

Он за меня всё решил? А мне это надо?

По виду Зорина так и есть. Уверенный в себе, ни капли сомнений в глазах.

Но выяснить всё до конца не получается.

В палату заходит мой бывший муж.

— Ирин, я как узнал, сразу к тебе. Как ты?

Лев медленно встаёт и отходит к окну. Даже не пытается изобразить тактичность и оставить нас наедине.

— Нормально. — Не теряя времени перехожу я сразу к делу. — Макс, Лену заберёшь на пару-тройку дней, пока я не приду в себя и не начну уверенно передвигаться на своих двух?

— Конечно. Без проблем. А где она сейчас?

— Она у Льва Олеговича.

— У кого?

— Познакомься, Лев Олегович, заведующий этой клиники и папа моей практикантки. Она собственно и привезла меня экстренно сюда, когда мне стало плохо.

— Вот оно как. В таком случае, вы воспитали очень сознательную и умную дочку. Спасибо ей от нашей семьи передайте.

— Обязательно. — Без улыбки выдавливают из себя Лев.

— Лена к пятнадцати часам подойдёт. Как раз после занятий. Ты её отсюда заберёшь или из дома?

— Лучше из дома, Ир, я из аэропорта сразу к тебе. Надо хоть переодеться, на работу заглянуть. Слушай, раз уж тут так получилось... Я бы хотел через пару недель забрать Лену с собой в отпуск.

— Чего вдруг? — Настораживаюсь я.

Это что-то новенькое. Морозов никогда раньше не брал дочь в отпуск. Почему вдруг сейчас?

— Я женюсь. — Бывший делает паузу и внимательно смотрит мне в глаза. А я равнодушно жду продолжения объяснений. — И хочу, чтобы она присутствовала на моей свадьбе в Екатеринбурге. Моя невеста оттуда. Отмечать решили у неё на родине.

С любопытством разглядываю Макса, пытаюсь объективно разглядеть в нём то, что находят другие. Симпатичный. Упитанный. С виду уверенный в себе. Но на деле... на любителя. И, видимо, я гурман.

Вот субъективного во мне всё же больше.

Но ведь о вкусах не спорят. Нашёл себе пару, ну и Бог с ним.

— Хорошо. Если обещаешь, что проследишь за ней.

— Это всё, что тебя волнует?

— А есть что-то ещё? — Удивлённо замечаю.

— Ничего не хочешь сказать по поводу моей свадьбы?

— Макс, мы уже девять лет в разводе. Что я должна сказать? Поздравляю?

— Тебе действительно всё равно?

Лев за спиной Макса скрещивает руки на груди. Ему явно не нравится, куда привёл нас разговор.

И мне, если уж откровенно, тоже. Хочется поскорее свернуть наш обмен бесполезными фразами.

Ну не чувствую я уже к этому человеку ничего. Не чувствую! А ему всё неймётся.

— Макс, ты же взрослый человек. И делаешь осознанный выбор. Будь счастлив.

— Что ж. Ладно. Хотя я ожидал от тебя других эмоций.

— Если у вас всё, Ирине Сергеевне прописан покой и здоровый сон. А время приёма посетителей заканчивается.

Строго цедит сквозь зубы ЗЛО и демонстративно смотрит на наручные часы. И здесь я с ним не спорю. Макс и впрямь пора. Пусть с дочерью поможет, а его личная жизнь меня уже давно не касается.

— Да, конечно. Пока, Ир. Выздоровливай. Если что-то надо...

— У неё всё есть! Дочка и близкие люди обо всём позаботились. — Строго прерывает Лев.

— Ах, да. Леночка — умничка.

— Хм. — Сверлит недобро глазами доктор. И от этого даже мне становится как-то не по себе.

— Ну я позвоню, Ир. — Быстро сворачивает свой визит Макс.

Трус! Что и требовалось доказать.

Молча киваю, не желая дальше участвовать в этом треугольнике абсурда.

Как только за Максом закрывается дверь, прикрываю глаза, давая понять, что хочу остаться одна.

Но намёки и ЗЛО вещи несовместимые.

— Ты его ещё любишь?

Обречённо вздыхаю и обращаю скучающий холодный взгляд на любопытного мужчину.

— Нет.

— Почему он всё ещё зависит от твоих эмоций?

— Я не могу отвечать за другого человека. Надо было спросить у него.

Да и не хочется. Не в том этот человек статусе, чтобы лезть в мою душу и копаться там.

— Сократи с ним общение до минимума. Не нравится мне его навязчивость. Такое чувство, что он жениться собрался лишь для того, чтобы вызвать твою ревность и вернуть обратно. Скользкий и трусливый тип. Где ты его только откопала?

Пожимаю плечами.

— Там таких больше нет.

— Надо думать. Штучный экземпляр.

— Эксклюзив. — Иронично подтверждаю.

Мой бывший редкостное... обременение. Неподвижный камень. Абсолютно не подходящий мне по характеру. Тяжелый на подъём, вечно ноющий и недовольный ворчун. С ним невозможно договориться. Ему, чтобы принять решение, нужны годы. Даже на выбор какой-то плитки мы тратили месяцы драгоценного времени. Месяцы! А я хочу жить сейчас.

Поэтому пусть женится. Скатертью дорожка!

Лев отвлекается на телефон.

На тумбочке рядом начинает вибрировать и мой. Беру в руки и поворачиваю экраном к себе.

Незнакомый номер.

— Это мой. Запиши. Пригодится.

— Зачем? — Недоумённо спрашиваю.

— Вдруг Ленчик что-то у нас забыла. Будет куда сообщить.

Скептически приподнимаю брови. Мне так-то через Аню удобнее будет.

— Записывай. Это всего лишь номер, Ир. Он хлеба не просит.

Сдаюсь. Всё-таки он за дочерью приглядел. Приютил девочку. Не оставил в беде.

Сохраняю в телефонную книжку номер Льва, и пишу... как есть, так и пишу — «Доктор ЗЛО».

А потом меня озаряет...

Судорожно вспоминаю свои инициалы — Морозова Ирина Сергеевна — Адвокат МИС. Ну не так чтобы очень. Но лучше, чем доктор ЗЛО.

Всё-таки хорошо, что он меня отдал другому врачу. Этому человеку дополнительные вопросы не задашь, а вот с Мариной Петровной мы легко обсудили мой режим, питание, больничный, следующий визит.

Зорин спешит к своим пациентам. Я вся в предвкушении возвращения домой.

Всё встаёт на свои места.

Замечательно.

Но под ложечкой сосёт...

Необычное чувство. Особенно для повидавшего жизнь... а точнее массу разводов адвоката.

Сожаление? Неоправданные надежды?

Я ждала чего-то другого? Что меня станут добиваться настырнее?

Глупость какая. Не мог человек запасть в душу за каких-то пару-тройку дней. Да и виделись мы урывками. И про кого речь? Про ЗЛО? Тоже мне, нашла объект для вздыхания.

Не дури, мать. Хорошо же жила.

Не порти себе жизнь.

И даже думать не смей об интрижке с отцом своей студентки. Это непрофессионально.

Он, конечно, сексуальный, но не для тебя. Слишком серьёзный и наглый. Ты таких не любишь.

Вот и не люби дальше!

После обеда ко мне заходит мой лечащий врач и объявляет, что меня оставляют ещё на два дня, объясняя это дополнительным обследованием у других специалистов.

Когда пытаюсь выяснить подробности и повозмущаться, Марина Петровна отсылает меня в Главноему.

А главное ЗЛО в этой преисподней, кто? Гадский Зорин. Чтоб ему икалось!

Он мне нравился? Этот царь всея хирургии? Надо быть больным на всю голову, чтобы хоть что-то доброе чувствовать к этому мужчине.

В ярости выхожу на сестринский пост, но мне говорят, что заведующий сейчас на операции.

И куда уж нам смертным его беспокоить в такой момент. Вот вроде нормальный мужик, но меня всё время выбешивает. Откуда столько эмоций из-за постороннего человека? Надо успокоиться.

Приходит смс: «Мамуля, иду в кино с Аней. Забегу к тебе вечером.»

Как вечером? Я же жду! Мы же как бы вместе домой планировали поехать, когда выпишут. Но Ленусика уже кто-то проинформировал. И я даже знаю, кто!

Через час ещё одно от бывшего: «Говорил с Леной. Она хочет остаться на эти два дня у подруги Ани и её отца. Так и решили. Выздоровливай.»

Всё не так, как я планировала. А когда всё идёт кувырком, то я дурею. Сейчас бы кое-кого побить и расчленить.

Мне кажется, Зорин меня спеленал, как сумасшедшую в смирительную рубашку своими поступками. Лишил даже тех, кому можно было бы пожаловаться всласть.

Вот чего он добивается?

С огромным трудом дожидаясь вечера и момента, когда Ленуля заходит вместе с пропавшим Зориным. Девочка моя довольная и радостная.

У Зорина глаза наглые. С искринкой. Но ему идёт. Вот бывают люди, которым наглость к лицу.

Уже донесли, что я его весь день ищу? Ну и пусть.

Обнимаюсь с дочкой. Обмениваюсь ласковыми фразами. Выясняю, как её учёба. Да и в целом, дела.

Ответы меня успокаивают.

Когда она торопится пойти делать уроки, я остаюсь со ЗЛОм один на один.

— Я не давала согласия на дополнительное обследование. — С места в карьер ныряю я.

— Это ежегодный профосмотр. Ничего криминального. Чего ты всполошилась?

— Я его уже проходила.

— У меня лучшие профессионалы. Результаты будут надёжнее.

— Я доверяю тому медицинскому центру, в котором уже не первый год наблюдаюсь.

— Тогда тем более, не о чем беспокоиться. Пройдешь завтра нескольких специалистов, и послезавтра поедешь домой.

— Ты пытаешься за счёт меня повысить доход клиники? — Специально злю его.

Он не похож на мелкого мошенника. Просто я бешусь, и его тоже хочу довести до ручки. Иначе лопну от того напряжения, что скрутило грудную клетку.

— Конечно. Если бы не ты, разорились бы уже. — Хохмит ЗЛО.

— Я не буду платить за этих специалистов.

— Эх, придётся твоему мужчине счёт отправить.

— Ну да, ну да. Осталось найти того самого осла, который за всё это будет платить.

— Зачем женщине осёл, когда рядом есть лев, который сам будет нести ответственность за свою семью. И финансовую в том числе. Всё. У меня ещё куча дел. Отдыхай.

Я не поняла сейчас. Это он себе счёт решил отправить?

Нет. Нет! Нет!!!

Мы так не договаривались!

Я не хочу никому быть должной!

Рядом с этим несговорчивым мужланом переживаю целую гамму разнообразных чувств. Ему удаётся одной фразой вывести меня на эмоции. Как школьницу.

От этого закипаю ещё сильнее. Кажется, ещё чуть-чуть и из ушей повалит пар.

Я же всегда отличалась хладнокровием. Сколько раз меня пытались вывести из себя, чтобы я на эмоциях начала делать ошибки и проиграла судебную тяжбу. Ни разу... ни разу не вышло! А тут...

Вот как это называется?

От невозможности выплеснуть свой негатив на объект раздражения, хватаю телефон и пишу ему гневное смс:

«ВЫ НЕ БУДЕТЕ ЗА МЕНЯ ПЛАТИТЬ! ВЫ МНЕ НИКТО!»

Вот тебе! Хотел, чтобы я сохранила твой номер, оказалось — не зря!

Но ответ приходится ждать долго. Хожу по палате, поглядывая на тёмный экран. А он так и не загорается.

ЗЛО у нас занятое. Пока всех обойдёт, все проблемы решит... или кому-то создаст... много времени может пройти.

И это меня ещё сильнее подстёгивает! Потому что мне-то по его милости заняться нечем, а могла бы отсюда поработать. Столько документов надо перелопатить перед судом. На мне несколько дел сразу, клиенты ждут, паникуют.

А у меня тут непробиваемый заведующий, что чревато последствиями — ЧП, одним словом.

Невозможный мужчина!

Даже пособачиться нормально не даёт!

Через несколько часов, когда уже ничего не жду, приходит запоздалый ответ:

«Не поднимай на меня шрифт, женщина! Уймись, буйная. А то переведу в другое отделение. Целую. Не скучай.»

Он меня — что?!

Ну как бы не так! И я снова на взводе. Хожу по палате, как потревоженная раненная рысь.

Мне бы сюда одного облезлого льва...

Я б от него даже косточки не оставила.

Без выписки уйти не могу. Мне её ещё в суде предъявлять. А от ЗЛа за неповиновение всего можно ожидать.

Поэтому смиряюсь и жду следующего дня. Может оно принесёт мне просветление?

Но чуда не случается.

На четвёртый день в больнице меня будят рано, чтобы направить на множество анализов, обследований. До обеда ношусь... ну нет, конечно, скорее ковыляю по различным

специалистам. После обеда паломничество продолжается. И я уже на полном серьёзе чувствую себя больной... и душевно, и психически.

Больницы для меня стресс. Я по ним с дочерью в детстве набегалась. У малых детей всегда сопли, кашель... кашель, сопли...

А меня это каждый раз до жути пугало. Мне постоянно казалось всё самое плохое: гайморит, пневмония, коклюш...

Накручивала себя, доводила педиатра.

Поэтому сама стараюсь без особой надобности в такие заведения не попадать.

ЗЛО на глаза так и не появляется.

Весь день меня кто-то осматривает, что-то спрашивает, куда-то записывает. Мой пока ещё не окрепший после операции организм сдаёт.

К вечеру выматываюсь так, что засыпаю едва прикоснувшись щекой к подушке.

А на следующее утро получаю выписку и чистые вещи, принесённые в пакете медсестрой. Их приготовила моя Ленуся. Даже записку приложила.

Счастье моё ненаглядное! Вот ради кого я работаю и живу.

И выбросив из головы глупые мысли об одном навязчивом враче, собираюсь домой и вызываю такси.

Но уже сев в машину, все же ловлю себя на чувстве разочарования: «Мог бы и попрощаться».

Тем лучше, Морозова. Тем лучше. Он тебе никто.

Смотрю через окно отъезжающей машины на клинику, где моя нервная система стала выдавать помехи.

«Прощайте, доктор ЗЛО. Надеюсь больше не увидимся».

Дома, медленно передвигаясь, готовлю незамысловатый ужин: паровые котлетки из индейки и тушеные овощи. Котлетки я настряпала ещё до больницы, они дожидались своего часа в морозилке. Овощи зацепила по приезду в ближайшем магазине.

Праздника с тортиком нам пока с Ленуськой не светит. Лучше выдержать диету, чем снова попасть в руки эскулапам. Пусть даже эти руки трижды золотые.

Но мы с моей девочкой умеем веселиться и без сладкого.

И в этот раз я делаю красивую необычную нарезку из свежих овощей.

Обожаю, когда аппетитно накрыт стол. Везде чисто и убрано.

Это мой пунктик. В прошлом у меня было много неопрятных съёмных квартир с бывшим и постоянная нехватка денег. Поэтому сейчас я стараюсь избавиться от гнилых воспоминаний, которые въелись в душу. А изгоняются они только уборкой и красивой сервировкой. Чтобы та самая душа пела и плясала.

Услышав звук открываемой двери, спешу в прихожую встречать свою радость.

— Мамочка, что-то мне нехорошо. — Едва шепчет дочь.

Ленусик еле-еле передвигает ногами, держась за стенку, и вся зелёная тут же направляется в туалет. Её выворачивает наизнанку.

А я в шоке и растерянности стою, прибитая к полу, и не могу сдвинуться.

В такие моменты быть рядом с человеком, которого рвёт, мне невыносимо. У меня начинаются те же симптомы. Жду под дверью, проклиная себя и свою «особенность» самыми ужасными словами.

Лена едва живая выползает из туалета. Обнимаю её за плечи и помогаю дойти до кровати, куда она падает, как подкошенная.

Куда бежать? Кого звать?

И мозг сам подбрасывает готовое решение. Хватаю телефон и звоню доктору ЗЛО.

Через пять долгих гудков мне всё же отвечают:

— А я хотел дать тебе время соскучиться, а ты уже?

— Чем ты кормил мою дочь?! — Цежу я со злостью.

— Не понял...

— Какую гадость ты ей давал? Ей безбожно плохо. Вся бледная, как простыня. Как тебе доверяют больных, если ты за подростком усмотреть не можешь?

Меня понесло. Но когда Ленусик болеет, я всегда впадаю в панику. Потому что ни черта в медицине не понимаю. А то, чего я не знаю, меня пугает.

— Стоп, женщина! Кратко и по существу. Её тошнит?

— Её рвёт!

— Температура есть? Педиатра вызвала?

— Не знаю. Надо проверить. — Растерянно отвечаю я.

Господи, это же так логично. Позвонить в детскую поликлинику и вызвать врача, а не орать на ЗЛО.

Но я помешанная мамашка, и болезни ребёнка меня просто сносят в панику.

— Ставь градусник и звони в поликлинику. Я скоро приеду.

— Спасибо. — Уже совсем тихо шепчу я.

Бегу проверять температуру у дочери. Запихиваю подмышку электронный градусник.

Нахожу в телефонной книжке нужный номер для вызова педиатра. Но автоответчик сообщает, что «заявки на вызов врачей на дом принимаются до четырнадцати часов дня».

А уже больше. Гораздо больше.

Как давно она так серьёзно не болела. Насморк пару раз в год я даже не считаю. С этим она сама всегда ходила в поликлинику и брала больничный. Девочка у меня обязательная и сознательная. Участковый педиатр в курсе, просто передаёт мне лист назначений и сроки повторного прихода через дочь.

А тут напасть, откуда не ждали...

С тяжестью на сердце сажусь рядом с Ленусиком и глажу её по голове. Сама в телефоне читаю симптомом какой болезни может быть тошнота и рвота.

— Как мне тебе помочь, моя девочка? Лучше бы я сама ещё раз переболела, чем наблюдать, как плохо тебе.

Беспомощность выбивает дух, когда ты не можешь ничего сделать для собственного ребёнка — самое худшее, что может случиться с матерью. Не люблю оставаться один на один с проблемой. Когда дочь здорова, я любую гору сверну, пройду там, где никто не пройдёт. А вот сейчас я просто переживающая мама.

Пищит градусник. Температура есть, но небольшая.

Сколько таких бессонных ночей я провела возле её кровати. Не счесть.

Ленусик снова подрывается в уборную. Её снова выворачивает от рвотных спазмов.

А я не могу туда войти, чтобы даже просто придержать её волосы. Чёрт бы побрал мою сверхчувствительность!

И мне стыдно. Чувствую себя недоматерью, потому что всё, что я могу предложить своему ребёнку в трудную минуту — это лишь погладить её по голове.

Дожидаюсь возвращения дочери. Помогаю ей устроиться поудобнее на кровати.

И опять впадаю в недобрые мысли...

Я была ей и мамой, и отцом. И родителем, и другом. Мы так сроднились, что я с ужасом жду момента, когда придётся её отпустить.

Я понимаю, что рано или поздно это случится. Но что тогда останется у меня? Работа? Зачем она мне, если Ленусик найдёт другую опору и поддержку?

Не взрослей, моя девочка, так быстро. Не торопись жить самостоятельно.

Глубоко уйти в меланхолию не позволяет дверной звонок.

Бегу скорее открывать.

Смотрю на Льва, как на Бога, сошедшего с небес.

Я искренне рада видеть Зорина. И мне плевать на наши споры и колкости, разногласия и недопонимания. Главное, что он тут. Приехал. Мне сейчас нужен кто-то рядом, чтобы не загнаться и не свихнуться.

— Температуру померила? — С порога спрашивает Лев.

— Да. Тридцать семь и шесть. Её опять вырвало. Ей так плохо. Педиатра на дом уже поздно вызывать, только завтра. Может скорую?

— Не надо скорую беспокоить такой ерундой. Сами разберёмся.

Зорин проходит сначала в ванную и моет руки. Я иду за ним. Подаю полотенце для рук.

А потом направляется в спальню к Ленусику. И я сползаю по стенке рядом в коридоре. За стеной моя дочь со Львом, бросившим всё и примчавшимся ей помочь.

Я не одна. Всё будет хорошо. Я не одна.

Глава 8

В больнице время летит по-особенному. Утром пришёл, начал обход, а потом... бац... и ночное дежурство. Куда, спрашивается, девается день? Чёрт его знает!

Но от этого выходные дни я люблю ещё больше. Там время тянется медленно. Успеваешь насладиться жизнью. Выпить кофе утром с оттяжкой... не торопясь. Перекатывая горячий напиток на языке.

Понаблюдать за прохожими в окно. Заняться готовкой основательно, а не наспех.

А ещё традиции...

Обожаю традиции!

С дочерью у нас есть одна отработанная годами. Раз в две недели мы идём туда, куда хочет Нюта, и проводим вместе время так, как хочет она.

Я безропотно подчиняюсь.

И в прошлом месяце она меня оба раза водила на открытые судебные заседания, где блистала адвокатша Морозова. К ней она мечтала попасть на практику. На неё молилась и с её именем на устах засыпала.

Надо сказать, потрясающая женщина. Я оценил.

Царская поступь. Цепкий хищный взгляд. Гордая осанка. Изящные жесты. Глубокий очаровывающий голос.

В суде она королева! Это видят все. Это понимают все. С этим согласны все.

Ни у кого не возникает даже мысли оспорить сей факт.

Она затыкает за пояс самых именитых адвокатов по разводам. Выигрывает дела легко и беззаботно.

Всегда на высоте. Всегда выглядит на сто баллов. Составляет свою речь так, что не просто макает неверных мужей в грязь лицом, а топит в ней целиком.

И это заводило сильнее, чем стриптиз или откровенные наряды.

Оба раза, наблюдая за ней в работе, приходилось скрывать от дочери своё возбуждение.

Её голос проникал в меня так глубоко, что я его слышал даже во снах.

Искал её в лицах других женщин.

И вроде те были ничего. Привлекательны, опрятны, сексуальны. Но мне хотелось другую.

Зациклило.

И я уже был готов к ней подкатить. Познакомиться. Но! Моей Нюте крайне повезло. Она выиграла джек-пот, став практиканткой Иры.

Все карты мне спутала. Неэтично как-то стало приглашать в ресторан наставника дочери.

Судьба надо мной сжалилась. У королевны воспалился аппендицит. И дочь её привезла не куда-нибудь, а ко мне в клинику.

Умница моя! Не зря растил, кормил, одевал!

Я даже для вида поворчал, чтобы не так бросалась моя заинтересованность Нюте в глаза.

И воспрянул духом.

Чего меня тянет к этой женщине, сам себе объяснить не могу.

Но то, что она при общении вживую понравилась мне ещё больше, стало понятно с

первой минуты. Она единственная, давшая мне достойный отпор. Смело держит удар, даже в полуобморочном состоянии.

Не могу сдержать подколов в её сторону. Мне кажется, эта манера общения уже выросла в меня. Не искоренить. Не все её выдерживают. А Ира с первой минуты показала, что не даст сесть себе на шею.

Я слишком близко к сердцу принял её проблемы. Такое мне не свойственно. Обычно я держу голову холодной.

Операцию другому врачу не доверил. Хотелось самому убедиться, что всё пройдёт, как надо. Среди нашей братии по отношению к своим близким, такое не допускается. Но тут я ещё не настолько проникся новыми чувствами, чтобы руки дрожали. Было просто упрямое ревностное желание — не отдавать её под нож другому врачу и проконтролировать всё самому.

Ну, и её неверие в меня, как специалиста, тоже сыграло немалую роль.

И даже после повёл себя как подросток, передав её не Смирнову, а Нарышкиной. Мнительный идиот. Грёбанный ревнивец.

С этим надо что-то делать. И я даже знаю, что. Затащить в постель и не выпускать оттуда несколько дней. Но на сближение моя королева идти не хочет. Важная вся из себя. Никто ей не нужен.

Кочевряжится немного. Ну, пусть...

Во время выписки провожаю её взглядом через окно. Не смог спуститься. Нервы не к чёрту.

С трудом держу себя в руках. Мне хочется к ней всё время прикасаться. Занять важное место в её жизни, чтобы она спрашивала моего совета, делилась своими проблемами.

Накаркал!

Сегодня выныриваю из завала документов раньше обычного, от звонка королевы.

Срываюсь, бросив всё на старшую медсестру. Не счесть, сколько раз она меня выручала. Придется делиться премией или сглаживать свою наглость подарком, но проигнорировать жалостливые нотки Иры не смог.

Приезжаю за рекордные полчаса. Меня не тормозят даже пробки в час пик.

Как только вхожу и вижу Иру, понимаю, что мой стойкий боец на грани срыва.

Осматриваю Ленчика. На вопросы о школьной еде девчонка предсказуемо рассказывает, что подружка угостила домашним жирным пирожком с мясом. И мясо ей показалось сыроватым. Но обижать подружку не захотела, доела пирожок полностью.

Предлагаю Ире перейти на кухню.

Пока идём по коридору женщина трещит мне в спину про болезни, вычитанные в интернете.

Как только заходим в комнату, не выдержав, разворачиваюсь и закрываю ей рот поцелуем.

Соскучился! Не передать, как! И судя по отклику, она тоже.

Но сейчас важнее другое. Отпускаю.

— Не таракти, женщина. Дай своему мужчине подумать.

Глаза Иры распахиваются. Наблюдаю эту залипательную картину. Ну хороша!

Рассказ её дочки, конечно, объясняет её состояние, но стоит всё же уточнить несколько моментов.

— Так. Беременность исключаем?

И наслаждаюсь, как её очаровательные глазки становятся ещё больше. Казалось бы, куда ещё? Но организм человека непредсказуем. Такое, сука, в шоковой ситуации выдаёт, что остаётся только поражаться и наблюдать. Прямо как сейчас.

— Да ты... Да как...

— Я же просто спросил. — Тут же сдаваясь на милость своей королевне, поднимаю руки вверх. — Ты же понимаешь, что с врачом, как и с адвокатом, никаких секретов быть не может. Так что успокаиваемся и рассказываем всё как на духу.

И тут она больно со всей дури наступают мне на ногу. А она в тапках на танкетке...

— Ай! Дурочка.

— Моя дочь не такая.

— Просто ждёт трамвая... я понял. — Тру ногу об икру другой, пытаюсь успокоить боль. А Ирочка уже приняла стойку «руки в боки». — Ой, всё, успокойся. Ну, спросил глупость. С кем не бывает.

Не дожидаясь приглашения, поворачиваюсь и включаю чайник, чтобы сделать чай себе и этим болезным девчонкам.

— Давай рассказывай, что там тебе мудрый дедушка Гугл нашептал.

Меняю тему, отвлекая от неприятного вопроса, чтобы она сменила гнев на милость.

Ира тут же переключается на насущное:

— Это может быть гастрит или язва. Или даже вестибулярные нарушения. А как понять, что у неё, Лёв, а?

И меня так прёт от этого домашнего «Лёв», что хочется снова её поцеловать. Поэтому спасаюсь привычным — сарказмом:

— Тащи монетку.

— Зачем?

— Подбрасывать будем. Если решка, то что-то кишечное, а если орёл, то, как пить дать, вестибулярка. — Ну не могу не поглумиться. Она так верит в то, что говорит. Просто сама меня провоцирует.

— Я серьёзно! — Снова начинает злиться моя беспокойная адвокатесса.

— А если серьёзно, то носи аптечку, Ир. Противорвотные, как правило, есть в каждом доме.

Ира достаёт небольшой пластиковый короб.

— Боже, как всё не вовремя. У меня же очередное заседание на днях. Столько документов надо подготовить. — Как бы ни к кому не обращаясь ворчит женщина.

Роюсь в аптечке, пересматривая то, что в народе называют «первой необходимостью».

Я сказал «как правило»? Ну так моя Ира оказалась исключением из правил.

Как не пытаюсь удержать язык за зубами, не получается. Как-то само вылетает:

— Судя по тому, что я вижу, у тебя две цели в жизни: успокоиться и не обоссаться. Хотя ничего удивительного. Русский человек же не вскочит, пока его петух в одно место... — И плавно скольжу взглядом по соблазнительным изгибам к тому самому, куда обычно клюёт петух.

Но меня резко отрывают от «сладкого», поднимая за подбородок красивым пальцем с маникюром.

— В глаза смотри. Если нет нужного, я сбегаю в аптеку.

Хорошая она мать. Заботливая. Вот не поспоришь. Совсем с другой стороны предстаёт передо мной.

И я ловлю себя на бредовой мысли, что не прочь воспитывать с ней общего ребёнка. Она будет поадекватнее моей бывшей.

Звоню своему знакомому педиатру, советуясь по поводу лекарств для подростка и дозировки. После чего, скидываю названия в мессенджер Ире. Отправляю её проветриться.

Она слишком взвинчена. Прогулка ей не повредит.

Пока Иры нет, оглядываюсь у неё дома. Стерильная чистота. Всё на своих местах. Всё подобрано по цветам. Даже стол накрыт художественно.

Тяжёлый случай мне достался!

Кто ж тебя так довёл, моя родная, что ты загоняешься на мелочах?

Нет. Я тоже люблю, чтоб было чисто, но чтоб вот так... что аж блястит*!

На глаза попадается подвешенный на стену квартальный календарь с тремя блоками. Месяцы в нём перечёркнуты ярким фломастером и явно Ленкиным корявым почерком переименованы.

С усмешкой читаю: «Слунтябрь... Моктябрь... Гноябрь...».

Любопытство берёт верх, и я листаю дальше: «Дубабрь... Пьянварь... Фигвраль... Кошмарт... Сопрель... Сымай... Теплюнь... Жарюль... Авгрусть...»

Под конец уже хохочу в голос.

Ну хоть кто-то здесь нормальный.

Дочка у Иры мне понравилась сразу. Скромная воспитанная ласковая девочка. Я сам о такой мечтал. Но у меня получилась Анька-мигрень.

Завидую белой завистью.

Не смотря на такую карьеру и занятость, Ире удалось вырастить замечательную дочь.

Я тоже растил один и вечно был занят. В чём подвох? Почему у меня пошло по другому сценарию?

Загадка, которую разгадать никому не дано.

Моя дочь не пошла, как я хотел, в медицинский, а выбрала юридический. От неё не дождёшься лишней раз поцелуя или искреннего сочувствия. На моё одно слово она выдаёт двадцать своих. Спорит. Показывает характер. Не договаривает. Трётся не пойми с кем. Учится кабы как.

А как было бы здорово поменяться с Ирой детьми. Мне — милую тихую Леночку, а ей — мою занозу Аньку.

Тем более моя прожужжала мне про своего куратора все уши. Так мечтала устроиться к ней, что, когда получилось, на радостях даже соизволила убрать квартиру и приготовить праздничный торт.

Мда... Ира была бы в шоке, увидь она наше жилище в будние дни, когда мы с дочерью вечно спешим и не успеваем убрать за собой кавардак.

Жена вообще сбежала, когда Нюте было всего пять. Не захотела ждать, когда я из студента, потом ординатора вырасту во врача. На призвание моё ей было наплевать. Хотелось, чтобы я выбрал что-то поперспективней.

А когда не удалось-таки повернуть меня в другую профессию, собрала вещи и сбежала в счастливое будущее за лучшей долей.

Даже дочь её не остановила.

*Намеренная ошибка автора

Как только я приношу лекарства, Лев приводит в более-менее человеческое состояние Ленусика.

И как ни в чём не бывало располагается в гостиной, что-то отписывая в телефоне.

Указать ему на дверь после того, как он мне помог, язык не поворачивается. Но от беспардонного нарушения моего личного пространства меня слегка коробит.

Вежливо присаживаюсь рядом.

И как только он откладывает смартфон, начинаю благодарить.

— Спасибо, Лев. Я всегда теряюсь, когда Ленусик болеет. Не люблю в такие моменты одна оставаться.

— Всё в порядке. Ты больше не одна.

Не успев осмыслить слова наглого доктора, оказываюсь у него на коленях. Верхом.

Не тратя больше времени на разговоры, Лев перекрывает мне кислород своими настойчивыми губами и изворотливым языком.

Ну что сказать? Целуется он фантастически. От его умелых действий по позвоночнику начинает разливаться жар желания. Давно у меня не было мужчины — это факт.

От накала ощущений начинаю ёрзать на его коленях, выпрашивая продолжения. Забираюсь под полы рубашки. Зарываюсь в волосатую грудь.

Раздаётся сигнал о входящем сообщении.

Лев высвобождая свои губы, утыкает меня своей ладонью на затылке лицом в шею. А мне всё по кайфу, я уже вошла во вкус, и не сопротивляясь продолжаю облизывать шею, прикусывать её губами. Отклоняясь и тем самым открывая мне больше пространства для пиршества, в параллели Лев читает пришедшее сообщение. И уже в следующую секунду беспардонно снимает меня с колен, усаживая рядом на диване.

— Минуточку. — Коротко клюнув меня в нос, уходит.

Совсем!

Одевает куртку, ботинки и хлопает входной дверью.

Я в шоке моргаю, оставшись в комнате одна.

Нет! Он — не ЗЛО, он — ЗЛОстное динамо! Так и надо было записывать в телефоне!

На место удивлению приходит раздражение от неудовлетворения.

С запозданием понимаю, что только что чуть не занялась сексом с женщиной прямо под боком своей несовершеннолетней дочери. И хоть она сейчас спит, но вдруг бы проснулась?

Ну просто мать года!

Дожила.

Поругать себя как следует не успеваю, так как входная дверь снова распахивается и в неё с извиняющейся улыбкой входит Аня.

Моя практикантка и дочь Динамо, на которого моего зла уже не хватает.

Выхожу ей на встречу с вопросом во взгляде.

Но ответить она ничего не успевает, так как вслед за ней заходит Лев. И завозит за собой два чемодана.

Па-па-дос...

Вот тут я офигеваю окончательно.

И мне уже даже неинтересно, почему всё это происходит, просто стою и жду, что будет

дальше?

А Аня, видя моё потрясение, с виноватым видом кается:

— Простите, Ирина Сергеевна. Но с моим папкой лучше не спорить. Проще просто смириться и переждать.

— Долго?

— А это уж как пойдёт. — Отвечает ЗЛО. И положив руку на плечо дочери заявляет. — Вот, прошу любить и жаловать, от сердца отрываю и отдаю тебе во временное рабство. Но к ней в комплекте прилагаюсь я. Так где нам приземлиться?

И я бы сейчас с удовольствием дала ему координаты какой-нибудь другой планеты, но при Ане как-то совестно цапаться. Да и дочь надо на ноги поставить. Смирюсь на время с наглцом, разрешая разместиться на своей территории.

— У Ленусика в комнате есть софа. Она раскладывается. А ты — в гостиной на диване.

— Принято.

Аня, раздевшись, везёт свой чемодан в дочкину комнату, оглядываясь по сторонам с любопытством.

А Лев просто оставляет свой в гостиной по середине и возвращается ко мне, заграбастав в свои объятия. Но...

— Поезд уже ушёл... — Пытаюсь извернуться из его ручищ.

— Да и чёрт с ним. Я больше самокаты люблю. — Присасывается Лев к моей ключице, оттягивая ворот футболки.

— Стоп-стоп-стоп... Дети в доме.

— Они взрослые. Всё понимают. — Снова тянется к моим губам.

Но я накрываю их ладонью.

— Зато я тормоз. Это, вообще, как понимать? Статья сто тридцать девять УК РФ? Вторжение в частную собственность?

— Ленчик дома проваляется ещё пару-тройку дней. У неё типичное отравление. У тебя заседания, документы, плюс тебе ещё покой нужен после оперативного вмешательства. У меня операции, пациенты. А Нюта поможет. Приглядит. Лекарства подаст. Температуру измерит. Тебе легче. Мне спокойнее. Дети под присмотром.

И так он складно всё по полочкам разложил, что мне остаётся лишь хлопать глазками.

А что тут скажешь?

Всё чётко и по делу.

Настолько, что мне ничего не остаётся, как позвать всех ужинать. Тем более я сегодня расстаралась. Жаль будет, если всё пропадёт.

Ленусик ничего есть до утра не станет. Ушла в спячку.

А потраченных сил жаль.

Усаживаемся за стол. Мне необычно ужинать в своём доме с едва знакомыми людьми.

Но им, похоже, норм.

Аня, не замолкая, рассказывает что-то про практику, студенческую жизнь, курсовые.

Лев аппетитно поглощает приготовленную еду. И мне кажется, совсем на меня не смотрит.

Но стоит мне только наколоть малюсенький солёненький корнишончик, как, не дав мне донести его до рта, снимает с вилки и съедает сам.

— Тебе пока нельзя. — Поясняет он свою беспардонность.

А я... облизавшись на его аппетитный хруст, захопываю свой рот, проглатывая слюну и

гада, есть ли предел развязности этого доктора.

— Когда раздавали наглость, ты, наверное, первый стоял в очереди. — Бурчу я обиженно. Ну что может случиться от малюсенького маринованного огурчика?

А ЗЛО лишь расплывается в открытой очаровательной улыбке. И такое у него солнечное становится выражение лица, как у нашкодившего мальчишки, что я слегка зависаю, любуясь.

— Да нее, зная моего папку, он несколько раз за ней подходил, расталкивая всех локтями. — Не теряется с ответом Аня.

Я закашливаюсь, давясь смехом.

— Когда я ем, я глух и нем. — С очень прозрачным намёком поучительно изрекает Лев.

Брови Нюты демонстративно наигранно взлетают вверх.

— А я нормальная. В кого только пошла?

И всё. На этом моменте моя чопорность трещит по швам. Я просто срываюсь в хохот, хватаясь за ещё заживающий бок, и чуть не падаю со стула.

Эта парочка бесподобна.

— Эй-ей. Полегче. — Подхватывает меня Лёва, стараясь не навредить ещё не зажившим рубцам. — Не надо мою шедевральную работу портить. Не каждому так везёт, чтобы эти золотые руки ему что-то штопали.

— От скромности ты не умрешь.

— Не дождётесь. Я буду жить долго и счастливо, и ещё всем вам надоем.

Завершаем ужин в непринуждённой расслабленной обстановке. Расходимся по комнатам. И только начинаю готовиться ко сну, Ленусика снова сметает с кровати новый приступ. Бедную девчонку колбасит не по-детски.

Я вся бледная замираю в коридоре под дверью, так и не сумев себя заставить зайти, отключиться от происходящего и помочь дочери.

Лев, видя моё состояние, с ворчанием «Всё понятно. Марш в постель.» сам идёт на помощь моей дочке.

Заботится о ней. Умывает. Укладывает обратно в постель. Даёт выпить лекарства.

Так о ней не заботился даже родной отец. Так бы не смогла даже я.

От него разит такой нежностью, что хочется заплакать, глядя на воркование этих двоих.

Моя благодарность готова перелиться через край. Зорин в этой ситуации стал моим спасением. Моя совесть успокоилась, что дочь под чутким присмотром Льва. А как же я себя корила...

Но поддержка мужчины так кстати, что смиряет меня с его дерзостью и беспардонностью.

В целом всё не так плохо, как казалось поначалу.

Единственным неудобством стала одна единственная ванная на такую толпу. Пришлось всем друг друга дожидаться. А как хозяйка, я была замыкающей. Поэтому до кровати доплелась в полусонном состоянии чёрте во сколько. Как упала, так и отрубилась.

Глава 10

Ночью намаявшись на неудобном диване плюю на всё и иду спать на кровать к Ире. Она спит, как сурок, даже не почувствовав, что уже не одна.

Устраиваюсь поудобнее на ортопедическом матрасе.

Во-от... Совсем другое дело!

Не могу себе чётко объяснить, почему эта семья так запала мне в душу, но то, что мне нравится быть её частью, меня наполняет внутренним теплом.

Решение остаться с ночёвкой на несколько дней пришло спонтанно.

А я привык поступать так, как велит в данный момент мой разум и логика. Не люблю нерешительность и долгие раздумья. Мне ближе алгоритм «решил, что так лучше — встал и сделал».

В моём возрасте размениваться по мелочам уже не солидно.

Нравится женщина — бери. Хочешь что-то поменять — действуй.

Жизнь так коротка, чтобы выплясывать непонятные танцевальные па, вопреки тому, чтобы жить в удовольствие.

Со стороны это может удивлять, но мне не нужно пять свиданий для того, чтобы понять подходит мне женщина или нет. Я чётко знаю, что мне нужно. И если я это нахожу, то делаю всё, чтобы добиться своего.

Под утро ощущаю мучительный стояк. И уютно спящая на моём плече адвокатесса так прижимается к моему боку, что ещё чуть-чуть... и утреннему незащищенному сексу быть.

Веду рукой по её спине... ниже по полушарию попы. Сминаю, вжимая в себя сильнее.

Чёрт бы всё побрал!

Поворачиваюсь на бок и приоткрываю сонные веки, чтобы впиться в потрясающие мягкие губы со вкусом вишни.

Но... натыкаюсь на опасный кошачий прищур...

— Зорин, твой барзомер не зашкаливает?

Эх, а как всё хорошо начиналось. Но злющая рысь мне тоже нравится. Мне в этой женщине вообще всё нравится. Ничего бы не стал менять. Всё в идеальных пропорциях для меня.

— А что не так? — Невинно спрашиваю я, продолжая сонное рукоблудие.

— Я тебе выделила целый диван в гостиной. Ты как здесь оказался?

— Я уже дяденька взрослый, в некоторых местах даже перезрелый, и моя спина категорически не согласна спать на неудобных диванах.

— То есть хочешь выселить меня из собственной кровати?

— Ни в коем случае! Как плохо ты обо мне думаешь. Нам обоим здесь места хватит.

— Это! Моя! Комната! Ты переходишь границы.

— Я ещё даже не начинал их пересекать, а ты уже шумишь. Тише, буйная моя. Детей разбудишь. А так у нас есть в запасе ещё полчаса. Нам хватит.

И впиваюсь в пухлые губки с жаждой испить их сладость до дна.

Углубляю поцелуй, заглушая протесты. И для полной отключки адвокатского сознания нахожу волшебную «кнопочку», при круговых движениях по которой моя дикая кошечка превращается в ласкового котёнка, прогибающегося от удовольствия в спинке.

Вот так! А то — моё, границы, дистанция.

Не может быть никаких границ между желающими быть вместе мужчиной и женщиной. А я желаю! Не передать как! И она тоже!

Остаётся только показать насколько сильно...

И я показываю. Довожу пальцами до полубессознательного бреда, что вырывается из вишнёвых уст.

Мгновенно освобождаю обоих от белья, и уже готовый ворваться во врата рая... остаюсь на кровати один.

В квартире раздаются шаги и хлопают двери. Ира, как ужаленная, подпрыгивает и натягивает на себя первую попавшуюся тунику до середины бедра.

С отрезвляющим разочарованием падаю на спину.

Моя кошечка в мою сторону уже не мурлыкает, а шипит:

— Одевайся. Не хватало, чтобы девочки тебя здесь увидели.

— А что не так?

— Всё не так. Я не вожу домой всех подряд и тем более не сплю с кем попало.

С одной стороны, её слова радуют, а вот с другой...

— Я не кто попало. Мы живём вместе. — Смотрю на немую пантомиму с открытым ртом и часто мигающими глазами.

А что? Пусть возразит. Чемодан в соседней комнате, ночевали вместе — разве это как-то по-другому называется?

— Да ты просто...

Но Ира не успевает закончить мысль. Дверь в её спальню распахивается, и на пороге застывает с искренним удивлением Ленчик.

— А что вы тут делаете?

Я, стараясь не слишком очевидно палиться, прикрываю выпирающую под одеялом возбуждённую так некстати часть себя.

— Лев Олегович заглянул проверить... эм-м-м...

Да-а, с фантазией у Иры не очень...

Прям даже не знаю, чем ей помочь и что я мог у неё проверить, кроме одного...

— Судя по всему, ортопедический матрас. — Раздаётся из-за спины Ленчика едкий голос моей дочери. — Ну и как? Хорош?

Вот у кого с изворотливостью просто зашибись. Практика, и ещё раз практика.

— Неплохой. Но могло быть лучше. — Цежу я.

Моя, конечно, обо всём сразу догадалась. Ей до скромности и наивности Ленчика, как до Луны.

— Так для этого надо было лучше готовиться. Мы, например, как раз с Ленчиком обсуждали концерт одной клёвой группы. Осталось найти спонсора.

Намёк понят. И в словах дочери есть здравый смысл, но хотелось бы наладить неприкосновенность спальни, пока у нас закрыта дверь. Лена к такому не привыкла. Это понятно. Придётся тактично поговорить. А где найти эту самую тактичность? Я свою давно растерял.

— Девчонки, вы бы не врывались без стука в закрытые двери, а то вдруг здесь я голый переодеваюсь.

И стеснительно ойкая Ленчик закрывает быстро дверь обратно.

Над её головой успеваю заметить руку Нюты с большим пальцем вверх, который тут же поворачивается вниз.

И стоит нам снова остаться одним, как Ира уже не просто шипит, а готова наброситься на меня и разодрать.

— Ты что несёшь? С какого перепугу тебе переодеваться у меня в спальне? Что Ленусик подумает?

— Подростки сейчас продвинутые. Всё она правильно поймёт.

И засмотревшись на красивые ноги, пропускаю летящую мне прямо в лицо подушку.

Ёпт...!

— Проваливай! — Показывает пальцем на дверь разозлившаяся фурия.

А я медленно встаю. Одеваю трусы. Огибаю кровать. И против воли целую этого бесёнка, держа обеими руками её лицо. Целую долго... основательно. И отпускаю только тогда, когда её руки перестают колотить меня, переходя в поглаживания.

— Не надо. Так. Со мной. Разговаривать. — С расстановкой произношу каждое слово, выделяя интонацией. — Хамство оставляй на работе. Тут не с кем сражаться на шпагах. Я тебе не враг.

— Это как посмотреть. Я не приглашала на ПМЖ. Тут мой дом. Только мой.

Обидели тебя сильно, да? Но не я же. Что ж ты всех подряд кусаешь?

— А кто-то оспаривает твоё право собственника? Ленчик выздоровеет, и я уеду.

— И когда же настанет этот великий день?

Тяжело с ней придётся. Ни в какую не хочет уступать даже на миллиметр.

— После выходных.

А куда деваться? Ленчик, конечно, очухается раньше. Но мне-то нужно время присмотреться и найти слабые места.

И уже себе под нос, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Всё-таки предстоит цыганочка с выходом.

— А? Что? — Удивляется моей фразе невпопад Ира.

— Говорю: прямо, как я привык, не получится. Придётся искать обходные пути.

Понятнее ей не стало. Но я уже закрываю за собой дверь, отрезая дальнейшие расспросы.

И на кой мне такая головная боль?

Может плюнуть и уйти?

Ну не хочет она близких отношений. Зачем навязываться?

Прям бумеранг закона подлости. Тех, кому нравишься — посылаешь ты. А те, кто нравятся тебе — посылают тебя.

По-быстрому раздражённо собираюсь и, не завтракая, отправляюсь на работу.

Глава 11

Он даже кофе не попил.

И меня от этой мысли весь день бьёт по совести. Болезненно так бьёт.

Пытаюсь запихнуть это чувство подальше, но не получается.

Ну чего я переживаю? Большой же мальчик. Ну что он не найдёт, где позавтракать?

А я переживаю.

И боюсь, что уйдёт. А это уже вообще за гранью.

Мне кажется, если он после выздоровления Ленусика соберёт вещи и уедет, то это будет конец нашего общения.

А я не хочу. Я хочу продолжения.

Но и жить на одной площади с мужчиной — тоже не мой вариант. Мне этого даром не надо.

У меня уже выстроен свой тихий стабильный мирок.

А мужчины — это там... в мире за дверью.

Повстречалась, побаловала себя, и обратно домой.

Я больше не хочу ни от кого зависеть. Я сама себе и хозяйка, и негодяйка.

Всё же всегда работало по схеме. Семья — отдельно, мужчины — отдельно.

Почему вдруг перемешалось?

Почему с ним так сложно?

Как вернуть своему миру стабильность и предсказуемость?

Так, чтобы сохранить доктора ЗЛО в любовниках. Для здоровья. Я уверена, в этом он не подкачает.

Работа не идёт. Мысли летают где-то в личном. Скидываю лёгкую часть на Анюту.

Чтобы отвлечься, принимаюсь за уборку. И в гостиной натыкаюсь на его вещи. То тут... то там...

Он, как специально, развесил маячки-напоминалки для меня.

И снова уплываю в размышления на тему: быть или не быть... отношениям со ЗЛОм.

А ещё, мне кажется, я сильно его обидела.

Ну и пусть...

Уйдёт, значит не моё.

Но внутри от этой мысли что-то сжимается.

Господи, глупости какие. Да что в нём вообще может нравится?

Наглый хам!!! Самовлюблённый самец!! Бессовестный ловелас! Обаятельный гад. Сексуальный мерзавец...

Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Ну куда меня опять несёт?

Прекращаю убираться в гостиной, расставив всё по своим местам.

Иду в ванную, а там...

Его шампунь... его гель для душа... его лосьон после бритья...

Токсикоманю, отвертев колпачок последнего.

И мне кажется, он просачивается в мои поры... и запах... и мужчина...

Нагло... неотвратно...

Парализуя все рецепторы...

И что-то подсказывает, что моя жизнь прежней уже не будет.

А это страшно — терять уверенность в завтрашнем дне! Я такого уже наелась.

Закручиваю колпачок, выгоняя ненужные разбушевавшиеся чувства.

Пора вспомнить, сколько мне лет, и как я докатилась до такой жизни.

А не мечтать и пускать слюни на какого-то доктора.

Все они одинаковые.

Сегодня жизнь за тебя отдают, а завтра...

Чёрт с ними!

Выхожу на кухню. Предлагаю девочкам помочь замесить тесто для пирога и печенья.

Время мы проводим втроём на «ура!»

Дурачась и смеясь.

Пока настаивается тесто, успеваю сбежать на встречу с клиенткой. Встречаемся с ней в кафе рядом с моим домом. Её история настораживает меня. Муж у девушки сидит в местах, не столь отдалённых. Она хочет развестись. И пожалуйста. Хозяин — барин. Её разведёт любой суд. Только справку принеси, что муж в колонии.

Но она почему-то хочет, чтобы разводом занялась я. И только я собираюсь задать ей мучающие меня вопросы, как на экране моего телефона появляется сообщение: «Еду домой, привезти что-нибудь вкусненькое?»

И я уже совсем в другой реальности. Потому что его «домой», так приятно и подкупающе... потому что его «что-нибудь вкусненькое» означает, что он тоже обо мне думает и больше не злится...

И я как запрограммированная на него женщина сворачиваю встречу, отбрасывая сомнения и обещая всё подготовить для суда.

И срываюсь домой... Туда, куда едет он...

Вот как так получилось, что я вся трепещу от сообщения мужчины?

Какое-то смс. А я уже не в себе... в нём... мыслями, порывами, желаниями... вся целиком.

Не мужчина, а профессиональный захватчик. Пленных не берёт, поражает в самое сердце прямо на месте.

А я бы сдалась. Сама и добровольно.

Поэтому отправляю в ответ: «Нет. Девочки сами приготовят вкусненькое. Ждём тебя.» и бегу домой. Подгоняю девчонок, раскатываю тесто, пока они вырезают формами печенье. Чередую закладку, сначала ставлю пирог, потом печенье, потом ещё один пирог, и снова партия печенья.

К приезду Льва у нас уже накрыт красиво стол, заварен вкусный травяной чай, нарезаны пироги и художественно выложено печенье.

И мы втроём ждём нашего главного мужчину.

Слышим, как он открывает дверь, как первым делом идёт мыть руки.

И как только он появляется на пороге кухни, сначала срывается Ленусик. Бросается ему на шею, обнимая как родного отца.

Я от такой неожиданности теряюсь. Просто наблюдаю за домашней встречей таких далёких, но за несколько дней ставших абсолютно родными между собой людьми.

Опасно. Я-то со своими чувствами ко Льву так и не определилась. У меня всё сложнее.

— Ты как себя чувствуешь? — Лев, обнимая крепко в ответ, целует мою дочку в лоб, проверяя температуру.

— Я пила все лекарства, как ты и написал.

— Я проверила. Всё так и было. Салют. — Машет рукой Анюта, привлекая к себе внимание. Она даже не встаёт со своего места за столом.

— Отлично. С понедельника можно в школу. Справку я тебе нарисую.

— Спасибо.

— Не болей, ребёнок. — Ворошит волосы на голове Ленусика Лев.

А я даже не знаю, как мне быть.

Как я должна его встретить? Вроде бы я его ждала. С нетерпением. А сейчас при детях как-то неудобно проявлять нежности. Как мы им это объясним? Что их мама и папа просто встречаются? Как-то не солидно в нашем возрасте. Или нормально?

Застываю с салфетками по середине комнаты.

После развода я с мужчинами встречалась исключительно тайком.

Опыт тайных отношений мне сейчас очень мешает проявлять свои чувства на людях. Всё, как обычно, спрятано внутри.

Зато у Лёвы этих проблем не наблюдается.

Он спокойно, как будто так всегда и было, подходит ко мне, обнимает и целует в губы.

— Ну привет. — Выдыхает мне в рот мужчина.

— Привет. — Смирненно отвечаю я.

Кошусь смущенно на девчонок, а они совершенно не обращают на нас внимания. Каждая уже спешит разложить себе по тарелкам мой фирменный пирог с печенью.

— Пап, мы тут такого наготовили. Давай скорей за стол, а то ничего не останется. Вкуснятина-а-а.

— Ну корми меня, хозяйюшка. — Говорит мне Лев, даже не поворачиваясь в сторону Ани. — Я такой голодный...

И почему-то я уверена, что речь сейчас совсем не о еде.

Но я молча отхожу от него, усаживаясь за стол. Накладываю ему самые аппетитные кусочки. Наливаю большую кружку чая.

И мы дружной большой семьёй съедаем всё до крошки.

— Просто отвал башки. — Комментирует Анюта, наевшись досыта. Она оказалась незаменимой помощницей. Помогала мне с документами, проследила за Ленусиком. — Ирина Сергеевна, может вы меня удочерите?

— Конечно. Запросто. — Подмигиваю девушке.

— Я уже совершеннолетняя. Со мной много хлопот не будет.

Смеясь и шутя расходимся по комнатам. Я снова последней принимаю душ.

И когда возвращаюсь в спальню, разочарованно смотрю на пустую постель.

Если честно, я надеялась, что наглый доктор будет ждать меня в кровати.

Но, видимо, утреннее моё «Проваливай!» сделало своё дело. Мужчина послушно устроился спать в гостиной.

А мне опять не так.

Вот что со мной творится? Нагло лезет на мою личную территорию — плохо, покладисто следует моим указаниям — ещё хуже.

Совсем крышей поехала.

И только я устраиваюсь спать и собираюсь выключить ночник, как дверь открывается и заходит Лев.

Сердце грохочет, обезумив от радости.

Задержав дыхание, наблюдаю, как он приближается ко мне. Отворачивает одеяло. Задирает ночную сорочку. Снимает широкий лейкопластырь. Обрабатывает ранки от проколов. Прилепляет новый.

— Всё хорошо заживает. Через парочку дней приедешь снимать швы. — И наклоняясь целует целомудренно в губы. — Спи. Спокойной ночи.

Встаёт и уходит.

Это всё?

От сожаления хочется выть.

Я разочарована?

Ужас! Но именно так я себя и чувствую!

Сумасшедшая. Утром выгнала, вечером хочу вернуть. Надо быть последовательной.

Обнимаю подушку и приказываю себе уснуть.

Получается с трудом. И не с первого раза. Но сон всё же спасает.

Глава 12

Я даю себе три дня. Можно сказать, даже два. Потому что пятница уже почти пролетела. Время на работе проходит молниеносно.

Если за это время не смогу сдвинуть ситуацию с мёртвой точки, значит не суждено. Отпущу Иру. Не стану ломать её под себя.

От такого решения внутри протест, но если ей проще одной — что ж, пусть так и будет. Обалденные пироги на ужин меня обнадеживают. По глазам вижу, что ждала.

Но давить не спешу. После душа обрабатываю швы и ухожу в гостиную спать.

Ворочаюсь полночи на дурацком диване, представляя её на удобной кровати... без одежды... в моих руках... Rrrr...

Снова меняю положение тела...

Эротические фантазии с адвокатом в главной роли выматывают меня сильнее, чем напряжённый рабочий день в больнице.

Засыпаю под утро и в дурном настроении.

Но биологические часы не обманешь, не выключишь — не дают, сука, выспаться как следует.

Я уже привык по утрам бегать в парке рядом с домом. А тут пришлось отложить свои привычки. Но тело требует. Мышцы ноют, колени возмущенно пощёлкивают.

Встаю, одеваюсь в спортивный костюм, умываюсь и иду будить Иру.

Ну а чего одному-то бегать?

Целую её в шею, заползая рукой под одеяла и поглаживая бедро.

Ира мурчит во сне. Просто спящее искушение...

Покусываю губы, проскальзывая языком в рот. Мне отвечают... но не просыпаются.

— Ира-а-а...

Зову негромко.

— М-м-м? — Приоткрывает сонные глаза моя женщина.

— Пошли на пробежку.

Она удивлённо и недоумённо смотрит в ответ.

— Я на полном серьёзе. Пошли. — Усмехаюсь я. — Надо поддерживать тонус в теле.

Подъём.

— Не-е-ет...

— Да-а-а... Вставай, лентяйка.

— Я каждый день бегаю, как олимпийский чемпион...

— Да ладно...

— ...с криками «Капец! Проспала!»

— Ну-ну. То-то я смотрю на боках уже жирок отложился. — Щипаю за незначительный и незаметный взгляду жирок.

— Это мои единственные накопления, которые не просачиваются сквозь пальцы.

— Вставай, я покажу, что с ними делать.

— Не встану! У меня больничный.

— Я тебе прописываю ЛФК, сейчас будем делать комплекс упражнений для восстановления.

— А ты не мой врач.

— Я заведующий клиникой. Начальник твоего лечащего врача.

Вытаскиваю за руку эту ленивую тушку из постели, хотя самому хочется залезть к ней, ещё тёпленькой со сна. Но выдержка — наше всё!

Мы не спешим. Мы же не спешим? Осталось донести эту мудрую мысль до предателя в штанах. Он почему-то в корне со мной не согласен.

Помогаю одеться Ире. Завязываю ей на ногах кроссовки.

Вот так и становятся подкаблучниками. Но с её проблемами Ире это нужно. А мне не жалко.

В лечебных целях можно и так...

Выходим на улицу.

— Парк рядом есть?

Ира вяло разводит руками в сторону. Недавно переехала в этот район? Ладно...

Залажу в карты на телефоне. Парка поблизости не нахожу. Но есть длинный бульвар. Направляюсь к нему, ведя сонную Иру за руку.

Заставляю пробежаться со мной туда и обратно. Слежу за её состоянием. В целом, она неплохо держится. Под конец только хватается за бок. Но, к счастью, за другой.

Для начала неплохо.

Я планирую быть с этой женщиной долго, и мне на её здоровье не наплевать.

Именно с этой мыслью я заставил её пройти диспансеризацию в моей клинике.

Если всё пойдёт, как я хочу, то мы ещё успеем родить общего малыша. Её репродуктивные органы в норме. Есть небольшие замечания в силу возраста, но это мы решим.

Возвращаемся домой. Помогая своей уставшей королевне раздеться, проверяю рубцы. Всё в норме.

Потихоньку будем наращивать нагрузку.

Приняв по очереди душ, идём вместе готовить завтрак. Я готовлю глазунью. Ира нарубает салат из свежих овощей и зелени. Нарезаю батон, чтобы макать в желток. Варю нам всем кофе: себе чёрный, ей добавляю сливки, корицу и мёд. Дочерям — кофейный напиток со сливками.

Когда всё готово, подтягиваются наши девочки.

Да! Уже «наши»! Привязался я к этому милому созданию — Ленусику. Не меньше, чем к Ире.

Завтрак съедается за обе щёки.

— Может мы всегда так будем жить? Здорово же. — Замечает Ленчик.

Потрясающая девочка. Мои мысли читает. Я бы за такую всё, что угодно, отдал.

С улыбкой наблюдаю за реакцией Иры. Она настораживается. Не хочет подпускать слишком близко. Пока ещё не готова.

— Не будем торопить события. — Заключаю я.

И вижу, как Ира незаметно выдыхает.

Для кого-то незаметно, а я читаю её, как книгу. Чувствую каждую эмоцию. И мне хочется её излечить, напитать новыми впечатлениями, чтобы перестала бояться, чтобы не пряталась от меня в своей чопорной скорлупе, чтобы не сметала всех мужиков в одну кучу.

Но сдерживаю себя и продолжаю беседу с девочками.

Сегодня суббота. Мы освобождаем Иру от обеда. Готовим его с Ньютой и Ленчиком втроём. Борщ по бабушкиному рецепту.

Наваристый. Густой. Пальчики оближешь.

Пока Ира отдыхает, скидываю Нюте деньги на карту и настраиваю их на концерт. Мне нужно пространство и тет-а-тет, чтобы наладить контакт.

После обеда девчонки дружно собираются уходить.

— Мам, мы на концерт с Аней. — Информировать наша предупредительная младшая лапочка-умничка.

— Хорошо. Сейчас я тебе денег дам. — Ира идёт к сумке.

— Не надо. Папа уже перевёл. — Отмахивается моя оторва.

— Он для тебя перевёл. А я за Ленусика отдам.

— Ой, он там столько скинул, что нам обеим и на концерт хватит, и на поужинать.

— Неудобно...

— Неудобно на потолке спать — одеяло спадает. — Пресекаю дальнейшие обсуждения отдельных финансов. — Только без всякой гадости, Нюта. Ленчику нельзя чипсы, колу, и прочую дрянь.

— Да поняла я, поняла. Всё будет зашибись. Расслабьтесь, родители. Верну в целости и сохранности.

И звучит это так, словно мы одна большая семья.

Хорошо звучит...

Проводив девочек, Лев тянет меня обратно на кухню.

— Пошли чай пить.

Разливает чай. Ставит тарелку со вчерашним домашним печеньем.

— Не устаю удивляться на Ленчика. Может махнёмся не глядя? Я за такую дочку готов отдать машину и квартиру. На съёмную перееду. Классная у тебя девчонка получилась.

Тихо смеюсь.

Ленусик у меня и правда чудесная. Спокойная, вежливая, тактильная, скромная. Сама по себе такая. Совершенно не похожа на нас с бывшим.

— Лев, давай я тебе деньги за дочку отдам? У тебя карта к телефону привязана?

— Успокойся, женщина. Я в состоянии обеспечить своих девочек. Пусть развлекаются.

Своих? Он это так легко произносит, как будто Ленусик и правда его дочка.

— Неправильно это... — Ворчу я.

— Неправильно никому не доверять и поставить крест на личной жизни.

Молча встаю, чтобы убрать кружки в раковину. А что тут скажешь? Что есть — то есть. Это уже проросло во мне и дало свои плоды.

Со спины подходит Лев. Разворачивает меня к себе лицом и, подхватывая под бёдра, усаживает на кухонный гарнитур.

Я не успеваю издать и звука, как мой рот оказывается запечатанным сладким поцелуем.

Наглые руки доктора избавляют от верха. Горячий рот вбирает в себя сосок.

Как же это захватывающе бесподобно...

И так правильно... именно так, как мне снилось в эротических снах с этим ЗЛОм...

Во мне расцветают вспышки эмоций, закручивая в свой водоворот.

И я себя отпускаю... на волю... прямо в самое пекло нашего притяжения...

Сама рвусь поскорее раздеть мужчину. С нетерпением целую его шею и прикусываю мочку уха, наслаждаясь довольным урчанием в его груди.

И во всем этом лавинообразном угаре мы не слышим открываемого замка.

— Пап, это я! Я на секундочку, телефон забыла! — Раздаётся по квартире.

Я — уже в одних трусах — застываю в руках Льва. Он — в одних штанах — прижимает меня крепко к груди.

Быстрый топот ног в обуви туда и обратно.

— Всё! Я ушла!

И снова хлопает дверь.

— Твою ж мать. — Выдыхает мне в плечо Лев.

А меня разбирает от смеха. Я так испугалась, что сейчас страх выливается в нервную истерику.

— Смешно тебе? — Недовольно ворчит Лёва.

А я заливаюсь ещё сильнее. И серьёзная мина мужчины медленно стекает, преобразуясь в очаровательную улыбку с ямочками.

Потрясающий образец мужского племени. Широкоплечий, с мощным торсом, крышесносный индивид с ужасным характером. Но тут уж, как говорится, для баланса. Не может же быть всё идеально.

Но я тоже за словом в карман не лезу. Поэтому мы друг друга стоим.

— Вот я тебе покажу...

Взлетаю хохоча в руках мужчины. Он несёт меня в спальню. Неласково скидывает на кровать. Стягивает последнее препятствие с меня, остатки одежды с себя.

И нежно осматривает моё тело с ног до головы.

— Давай-ка поищем твои эрогенные зоны.

— Хочешь найти мою точку G? — Всё ещё посмеиваясь, тяну я.

— Тоже мне невидаль. Это мы оставим на десерт. А пока поищем другие.

— А их много? — Распахиваю удивлённо глаза.

Секс с доктором обещает быть интересным и познавательным...

— Темнота-а-а. — Закатывает глаза Лев. — Придется исправлять.

И как только он отправляется в свой удивительный квест, мой смех перерастает в стоны и похныкивания.

Я никогда не думала, что можно погрузиться в гипноз от поглаживания губ подушечками пальцев.

Улетать в другую реальность от посасывающих ласк рта и шаловливого языка на моих сосках.

Извиваться от легких касаний и поцелуев в локтевой ямке.

Подрагивать в страстном желании от ласковых поглаживаний языка на внутренней стороне бёдер.

Таких ярких выкручивающих всё моё тело ощущений я не представляла даже в своём воображении наедине с собой. Ни бывший муж, ни те два любовника, которых я всё же подпустила к себе после развода так и не смогли для меня открыть тайны моего тела.

Всё, что я о себе знала, это то, что мне нравятся поглаживания клитора, оральные ласки и секс на животе.

Но Лёва открыл для меня совсем новый мир из прикосновений и поцелуев.

Он изводил меня прелюдией до невыносимых страстных судорог.

Отказывался переходить к решающим действиям, не смотря на мои жалобные «пожалуйста!» и царапающие его спину ногти.

Этот дерзкий гад свёл меня с ума... превратил в мягкий, послушный только в его руках, пластилин... отключил от сознательной части себя...

Я забылась в своих эмоциях... не могла вспомнить даже своё имя...

Вся превратилась в эту чёртову наэлектризованную эрогенную зону, которую он так хотел найти...

И когда меня подвели к самому краю, мне уже было наплевать на позу, на то, что я никогда не кончала на спине и без дополнительной стимуляции клитора.

От одного его глубокого проникновения я сокращаюсь так, как будто меня подключили к оголённым проводам на двести двадцать вольт.

А он продолжает врезаться, догоняя меня в этом непередаваемом блаженстве...

Чёрт бы побрал этого доктора ЗЛО! Любовник он бесподобный. Щедрый...

Мой «заживляющий пластырь» для покалеченной и разочарованной души.

Приходя в себя и нежась на мужском плече, я рисую узоры на его волосатой груди.

— Так ты нашёл точку G? — Пытаясь скрыть улыбку, подзуживаю я Лёву.

— Понятия не имею, но твой оргазм я отыскал. Он был фееричным. Кончала так, как будто кроме тебя здесь больше никого не было. А партнёр вообще не при делах.

И я в отместку слегка прикусываю его кожу рядом с соском.

— Ауч! Кровожадная женщина. — Стискивает мою попу властная рука. — Мы обязательно её найдём. Если хочешь, даже нарисуем карту, чтобы больше не потерять.

И так мне легко с этим наглецом, что даже страшно...

Я не хочу это всё терять, но ведь счастье, оно скоротечно. Оно не бывает постоянным. Всегда сменяется нерешаемыми проблемами. Стирается напрочь надоедливый бытом. Пугается финансовых проблем. Сбегает трусливо от квартирного вопроса.

А как бы хотелось, чтоб навсегда... замереть в счастливом моменте...

— Не так страшно довериться кому-то, как оказалось, да? — Вдруг спрашивает Лев.

Мой пальчик замирает на его животе...

Я никогда не избегала откровенных разговоров. Даже наоборот, всегда старалась высказываться честно и открыто. Единственное, я позволяла это себе только с по-настоящему близкими мне людьми. Чужих не подпускала.

Мой внутренний мир — не Красная площадь, чтобы без спроса заходить в него и топтаться в грязной обуви.

А вот Лев проник, как шпион, довольно быстро в самый близкий круг...

Если бы меня спросили «как?» и «почему?», я бы даже себе не смогла дать чёткий ответ.

Он словно просочился через поры, растворившись под кожей.

— Ты меня в клинике, если честно, очень напугал.

— Так у меня профиль такой: напугать и отрезать. А за «поговорил и полегчало» — это к другому доктору.

— Да уж. От разговоров с тобой потом глаз начинает дёргаться.

И получаю по попе уже звонкий шлепок.

— Чем ты недовольна, королевна моя?

— Окей, гугл! Как делается лапароскопия? — Припоминаю ему я.

А этот наглец раскатисто смеётся.

— Это чтобы взбодрить тебя перед операцией. Я знал, что ты ещё в сознании. Веки дёргались.

— Тебе повезло, что я не склеила ласты в тот же момент от сердечного приступа.

— Ты была подключена к кардиографу, твоё сердце я отслеживал. Всё было под контролем. Не наговаривай.

— Всё равно. Нельзя так пугать пациентов.

— Смотря каких. Такое я позволил себе только с тобой. Это ответочка за твои угрозы засудить.

Вскакиваю и сажусь на Лёву верхом.

— Ах, вот оно что. Мстительный, значит. А я просто не очень жалую докторов. С детства. Что есть, того не отнять.

Веду провокационно руками от плеч к месту, где мы соприкасаемся. Слегка царапаю ногтями.

— Я после окончания медицинского тоже боялся врачей... особенно своих однокурсников. — Смешно играет бровями наглец.

И вжимает мои бёдра в свой уже восстановившийся стояк.

Мне хочется добавить ещё что-нибудь едкое, но захваченный его ртом сосок и скольжение клитора по его члену укрывают мои мысли вязким туманом. Из которого выбираться совсем не хочется.

Мы позволяем себе безумствовать... раскрепоститься... и даже покричать...

А соседи... потерпят соседи...

Ну невозможно сдержаться, когда так хорошо...

Воскресенье проходит неожиданно весело и по-домашнему. Мы вместе готовим. Играем, до рези в животе от смеха, в настольные игры.

Я довольный, как слон. Всё идёт как по маслу.

И лишь к вечеру уже уставшие и довольные затихаем за столом, чтобы поужинать.

Но я с Ньютой долго просидеть в тишине не способен. Наши тараканы друг с другом не ладят. От этого постоянно споры и разборки.

— Я через час иду гулять с друзьями. — Заявляет дочь, помогая убрать оставшуюся еду со стола.

— В одиннадцать чтоб дома была.

— В смысле? — Удивлённо поднимает на меня глаза Ньюта.

— Уши обвисли! — Рыкаю в ответ.

— Пап, я с друзьями иду. Там мой парень будет.

— Это который вечно ходит в штанах «семеро насрали, один носит»? — С недовольной миной изрекаю. Терпеть не могу парней, которые носят это уродство с мотнёй ниже колена.

— Па-а-ап... Ну хватит! Это сейчас модно, и называются они «кюлоты».

— И название такое же дебилное, как и сами штаны. — Закатываю показательно глаза, покачиваясь на задних ножках стула.

— Ты просто ничего не понимаешь в молодёжной моде.

— Куда уж нам уж выти замуж...

— Всем пока. Приду рано — вы ещё спать будете. — С улыбкой едко замечает Ньюта.

— Я сказал, в одиннадцать домой. Что непонятного?

— Мне вообще-то уже двадцать лет. Я совершеннолетняя.

— Ага. Только ещё почти три года тебе учиться и сидеть на иждивении.

— Ирина Сергеевна, миленькая, ну хоть вы ему скажите.

— Что... сказать? — Не желая вступать в этот спор, осторожно встаёт Ира и начинает убирать посуду со стола.

— Видимо, чтоб я закрыл глаза на гулянку и отпустил подольше. — Облокачиваясь на спинку стула, закидываю вальяжно руки за голову и наблюдаю за своей королевной в домашней обстановке.

— А поможет? — Разворачивается она ко мне с вопросом во взгляде.

Не всё так просто, милая моя. Не всё так просто!

— Сомневаюсь. — Переключаюсь на Ньюту. — Что ты там собралась дольше делать? На поболтать — времени вагон.

— Если ты переживаешь, что я с кем-то могу заняться сексом, то это, папочка, и днём можно сделать.

— Тш-ш-ш, а давайте об этом не при Ленусике. — Шикает на нас Ира.

— А с ней ты о сексе уже давно должна была поговорить. Месячные ведь уже начались? — Как ни в чём не бывало продолжаю разговор.

Девчонки уже взрослые. Чего она тушует? Не вижу смысла делать из разговоров про секс табу. Эти подростки в интернете гораздо больше успели увидеть и прочесть. Пусть лучше от нас узнают, как правильно.

— Да мама поговорила. Не сомневайтесь. — Подключается к разговору Лена.

— С твоей мамой в этом сомневаться и не приходится. Я удивлён, что она только с тобой беседу провела, а не со всеми мальчиками и девочками в классе.

По характеру Ира — мать-наседка. И не факт, что для Ленчика это хорошо.

— Так она провела. В прошлом году...

Выразительно смотрю на свою раскрасневшуюся королеву.

Уводит смущенный взгляд в сторону.

Оппа! Вот я почему-то так и думал.

— ... нам всем как раз паспорт надо было получать. — С тяжёлым вздохом рассказывает девчонка. — Мама нашу класску специально попросила провести открытый урок, где она и рассказала про уголовную ответственность, которая для нас в тот год наступила, зачитывая отдельные статьи и поясняя, при каких действиях их предъявляют. Очень познавательно было. Даже кодексы мальчикам подарила... уголовные.

Занавес!

А она ещё дальше пошла, чем мои фантазии.

Не женщина, а фейерверк.

— Может ты и Нюте прочитаешь лекцию, что беременеть в её возрасте непрактично и губительно для дальнейшей жизни?

— Про беременность — это к тебе. Ты же врач. Я лишь статистику матерей-одиночек могу привести.

— Ой, ну хватит меня лечить. — Взрывается Нюта. — Сама я знаю, когда и с кем спать или не спать. Мне ваших лекций не надо. Моя личная жизнь вас не касается.

— Не стоит задирать свой нос так, чтобы все видели твои сопли. — Осаживаю дочь.

Поговорить она горазда. А потом накосячит, а мне — расхлебывай.

А она бежит в комнату переодеться.

— Всё. Я убежала. — Вскрикивает Нюта.

— В одиннадцать! — Кричу я вдогонку.

— Да поняла я. — Разочарованно отвечает из коридора.

— И часто у вас так? — Спрашивает Иришка, когда хлопает входная дверь.

— Постоянно. Её хлебом не корми, дай поспорить.

— Хорошим будет адвокатом.

— Думаешь, ей в жизни это пригодится?

Ленчику звонит подруга по телефону и она убегает в свою комнату. А я хватаю рядом мельтешащую Иру и усаживаю к себе на колени.

Залажу руками под футболку и захватываю мягкую упругую грудь, играя с соском.

Моя кошечка зажмуривается от удовольствия.

— Ещё как. Для адвоката важно уметь спорить и выигрывать в дебатах.

— В этом она ас. Зуб даю.

Целую чувствительное место на шее. Ира очень отзывчивая на ласки. Играть с ней в эрогенные зоны — одно удовольствие. Сразу видно результат. Даже напрягаться не надо.

И я уже готов к продолжению, о чём она несомненно догадывается, из-за упирающегося органа ей в бедро.

Но вряд ли позволит так рано затащить себя в спальню.

Поэтому позволяю себе игру против правил — лёгкий петтинг. Довожу её до точки невозврата. И оставляю в покое...

Обещание расплаты в её глазах доставляет мне особое удовольствие. Она в сексе такая

же резкая и взрывная, как и в жизни.

Опасное сочетание. Но если знать, что с этим делать, и как осторожно инициировать детонатор, то последствия затмевают любую эротическую фантазию.

После пожелания Ленчику спокойной ночи, не стовариваясь идём вместе в ванную. Ира проскальзывает в дверь первая и перед самым моим носом захлопывает её и запирает.

Зараза! Закона на неё нет!

Порыкивая, иду в спальню. Королева моя с норовом. Но на лице у меня блуждает улыбка...

Дожидаюсь, когда освежившись после душа, она сама придёт в комнату.

И как только появляется в дверном проёме, перехватываю за пояс, заваливаю на кровать и зажав руки, наглядно показываю, как она неправа...

Реакции тела моей женщины играют на моей стороне. Довожу её до неразборчивых шептаний... мольб... угроз...

Нам уже не до прелюдий. Мы оба находимся в нужной кондиции.

Но вхожу в неё с осторожностью... словно на минное поле ступаю...

А её прёт... и выгибает...

Она почти на вершине. В эмоциях страсти. В тумане похоти.

Глядя на этот калейдоскоп чувств, довольно шурюсь, чтоб не ослепнуть... от собственного величия.

Финишная прямая близко...

Разгоняюсь до нужной скорости. И довожу свою женщину до взрыва...

Сразу следом улетаю сам...

Ярко и безвозвратно.

Утыкаюсь ей в шею, позволяя медленно затухать нашему оргазму, продолжая медленно по инерции двигаться в ней. Целую плечико.

А она лишь довольно мычит...

Прерывисто дыша, закрывает глаза и расслабляется.

— Ты ЗЛОстный беспредельщик. — Заявляет моя сытая нежная королева.

А я лишь улыбаюсь. Сама напросилась...

Если эта игра обоих торкает, почему бы и нет.

Новая неделя нас встречает осенними ливнями и сильным ветром.

Ленусик возвращается на учёбу, я — на работу.

Лёва с Анютой продолжают жить вместе с нами. Никто не заикается об их переезде. Об этом даже не заходит разговор.

Нам хорошо. Мы дружно проводим вечера. Девочкам в одной комнате тесновато, но они не жалуются.

Тем более гостиная свободна. Лев полностью с вещам перебрался ко мне в спальню. Поэтому любой желающий всегда может найти уединение.

И каким-то таинственным образом наши дочери не врываются больше в нашу комнату. Ведут себя тактично. Лишь с улыбочкой поглядывают на скромные нежности, которые мы позволяем себе при них.

Лёва всё чаще секретничает по вечерам в обнимку с Ленусиком. У них сложился интересный тандем. Моя дочь на полном серьёзе после общения с ним собралась поступать в медицинский.

Мне и приятно, что она так легко приняла моего мужчину, но и в то же время ревностно. Однако, я стараюсь реагировать на это здраво и мудро.

Раньше мы с ней планировали, что Ленусик пойдёт на финансовый факультет. С математикой у моей девочки всегда было всё отлично.

Но с появлением наглого доктора на нашем горизонте всё пошло наперекосяк...

Мы с Анютой погружаемся в новое дело, стараясь успеть довести до конца старое. Она споро вникает в юридические документы и нюансы. На правах полноценного начинающего помощника юриста помогает мне составлять иски, заявления, отягощённые разделом имущества и спорами по детям.

Мы с каждым днём всё больше времени проводим на работе, задерживаясь из-за бумажной волокиты. Лев время от времени готовит ужин сам на всю нашу семью.

А Ленусик ему в этом помогает.

Я никогда не заставляла свою дочь готовить. Мне казалось, у неё ещё столько времени впереди, чтобы наестся этого быта, готовки, уборки. Баловала её как могла. Продлевала ей детство.

А с Лёвой она стала по-настоящему взрослеть, учиться самостоятельности. Она на глазах превращалась в более уверенную в себе девушку, знающую себе цену и умеющую за себя ответить.

Я всё больше вижу допущенные ошибки. Свои недоработки в воспитательном процессе.

А кому хочется их признавать? Дураков нет.

И мне в какой-то момент становится жалко того времени, когда мы были с ней только одни. Когда она бегала за советами ко мне. Когда мы наслаждались обществом друг друга.

Теперь ей хватает разговоров с Лёвой.

Сепарация — очень болезненный процесс. Никогда не думала, что мне будет тяжело отпускать от себя свою девочку.

Как только приближаются следующие выходные, о себе напоминает мой бывший муж новым сообщением:

«Завтра приеду за Леной. Заберу её на неделю. У меня свадьба, если помнишь.»

А я, если честно, уже забыла.

Но, да, я ему обещала, что Ленусика отпущу.

Мы разговариваем вечером с дочерью о новой жене её папы, об их свадьбе, о поездке в Екатеринбург.

Собираем ей небольшой дорожный чемодан.

Она давно приняла ситуация, где мама и папа живут отдельно. Проводила иногда выходные с бывшим. Но он не часто баловал дочь своим вниманием. Поэтому мне вдвойне удивительно, что он собрался её взять с собой на свадьбу.

Но плохого в этом ничего не вижу.

Ограничивать общение с отцом никогда не входило в мои планы. Для меня всегда было определяющим — чувства и желания дочери.

Если ей хотелось побыть с папой, я отпускала. Если нет — мы придумывали причины, чтобы отказаться от приглашения Макса.

Всё было между нами прозрачно и откровенно.

И сейчас я с лёгким сердцем отпускаю дочь с её отцом. Провожая до машины. Целую на прощание в щёку. Машу рукой, пока они не скроются за поворотом.

Возвращаюсь домой.

Анюта, видя мой одинокий грустный взгляд, готовит мне травяной чай с мятой.

Пьём вместе. Обсуждаем будущее заседание. Учю её, на что нужно делать упор, когда готовишь речь для суда.

Уже поздно вечером к нам присоединяется Лёва.

— А где Ленчик? — Тут же замечает потерю мужчина.

— Уехала с отцом в Екатеринбург на свадьбу.

— Зачем ты её отпустила? — С упрёком резко обращается ко мне.

— Что значит — зачем? Он её отец, вообще-то, Лёва. Она захотела поехать. Зачем я должна была препятствовать?

Не понимаю реакции мужчины.

— Твой бывший не внушает мне доверия. — От недовольства в его голосе я начинаю заводитьсь.

Я не привыкла, чтобы мне указывали, что я должна делать, а что нет.

— И тем не менее, он — её отец. Нравится тебе это, или нет.

— Ты даже не познакомилась с его новой женой. Откуда такая беспечность? Отпустила девчонку непонятно куда без поддержки, одну.

Встаю в позу, упирая руки в боки.

— А ты не забываешься? Это моя дочь! Она к тебе не имеет никакого отношения! Тон смените, доктор ЗЛО. Если у тебя сегодня плохое настроение, не надо портить его другим!

Разворачиваюсь и ухожу в спальню, хлопнув громко дверью.

Даже не хочу обсуждать его мотивы. Столько лет обходилась без советов, и тут обойдусь.

Эту ночь мы проводим в одной постели, но как обычные соседи... или супруги, прожившие вместе, как минимум, лет тридцать.

Без прикосновений... без ласк... без обнимашек... и поцелуев перед сном.

Очевидно, мы разучились жить с кем-то, раз малейшая ссора нас так разбрасывает на два полюса.

Оба гордые. Состоявшиеся в профессии. Добившиеся значительных результатов. Со

сложившимися упрямыми и непростыми характерами.

Как налаживать быт с такими вводными данными?

У нас элементарно не хватает терпения и опыта разруливать семейные конфликты.

Мы не привыкли советоваться. Принимать решения самостоятельно — давно стало частью нашей взрослой независимой жизни.

Поэтому и лежим сейчас каждый на своём краю, повёрнутые друг к другу спиной.

Никто не хочет уступать. Каждый считает себя правым.

Вот и первая преграда, о которую разбивается наше счастье, не протянув и месяца.

Нервничая и находясь на взводе, не могу уснуть достаточно долго. Лишь после полуночи удаётся провалиться в забытие без сновидений.

Утро мудрости не приносит.

Мы не проронив ни слова, завтракаем и разъезжаемся каждый на свою работу. Анюта едет со мной. У неё продолжается практика.

Приезжаем в офис и погружаемся в законы по семейному праву.

Сегодня у меня встреча с клиенткой. С той самой, у которой посадили мужа.

Как только она заходит в кабинет, её вид меня настораживает.

Глаза бегающие, чего-то всё время опасующиеся. Она шарахается буквального от любого громкого шума.

В прошлый раз в кафе я этого не заметила. Но тогда я была слишком рассеяна и погружена в свои личные переживания.

Сейчас внутри тоже раздрай, но я заставляю себя собраться и сосредоточиться на деле, выбросив всё лишнее из головы.

В этот раз всё видится совсем под другим углом. И то, что я вижу, мне совсем не нравится.

— Елизавета Дмитриевна, вы чего-то боитесь? Вам угрожают?

— Нет-нет. — Сразу же меняется в лице клиентка.

— Вы точно не хотите ничего рассказать?

— Нет. Всё в порядке.

— Ну что же. Я подготовила для вас документы. Мне нужен приговор суда по вашему мужу.

— Вот. Я принесла. — Достает копию и передает мне. — А меня разведут без его участия?

Прикладываю договор к остальным документам.

— После подачи вашего заявления, суд обязан уведомить вашего мужа о том, что вы хотите развестись с ним.

— То есть, если он будет против, мне могут отказать? — Пугливо спрашивает девушка.

Гораздо моложе меня, а выглядит так, словно у неё за плечами уже вся жизнь прошла. Очень необычное сочетание нежной молодости и уставшим от жизни взглядом. И этот её страх, проявляющийся в движениях, манерах, в захвате дамской сумочки...

— Если приговор вашего мужа уже вступил в силу и срок у него больше трёх лет, вас разведут даже при несогласии супруга. Если, конечно, у вас нет общих детей и делёжки имущества.

— Нет. Детей общих нет. — Неуверенно проговаривает Лиза. — А имущество всё принадлежит мужу. Я на него не претендую.

— Вы уверены? Мы могли бы попробовать отсудить половину.

— Нет. Мне ничего не надо. — Эмоционально заявляет Горинова. — Я просто хочу развода.

— Хорошо-хорошо. Нет, значит нет. — Успокаиваю разволновавшуюся клиентку.

— А можно мне не приходиться в суд?

— Если вы напишите доверенность на меня, то на всех этапах я могу представлять вас без вашего участия.

— Я напишу. Можно?

— Конечно. На первом этаже есть нотариальная контора. Мы сейчас с вами пройдем туда и подпишем нужную форму.

— Спасибо. — Успокаиваясь наконец, тихо шепчет клиентка.

— Пока не за что. Вам точно не нужна помощь, Елизавета Дмитриевна?

— Нет. У меня всё хорошо.

У меня есть на этот счёт сомнения. Но если она не хочет рассказывать, то я ей помочь не в силах.

Мы спускаемся к нотариусу. Оформляем доверенность. Я информирую клиентку о порядке и сумме оплаты.

Всё, как всегда. Но на душе мне почему-то беспокойно.

Очень странная ситуация у этой девушки.

После её ухода, ещё долго смотрю задумчиво в окно. Её машина уже скрылась из виду. А я почему-то не могу вернуться к своим делам.

Какое-то шестое чувство не даёт мне покоя.

Отгоняю необоснованное волнение прочь.

Возвращаюсь к документам. Проверяю дело по Гориновой. Всё с виду в порядке. Придаться не к чему. Детей и правда нет. Отказ супруги от совместно нажитого имущества. Муж уже месяц как в колонии. Обычное дело. Должно пройти легко. Вот только обычно ко мне приходят, чтобы ободрать мужа как липку. А тут просто хотят поскорее на свободу.

Отметаю ненужные мысли из головы. В конце концов, к букве закона не придаться. Тут всё чисто. А что там в душе и в жизни у этих людей — нам неизвестно. И может быть, даже к лучшему.

Позволить себе погрузиться в частный случай без согласия клиентки я не могу. Рабочая этика этого не допускает.

Готовлю документы в суд сразу по нескольким делам и еду раскидать по местам прописки клиентов.

На это уходит большая часть дня.

Анюту оставляю в конторе разбираться со стопкой накопившихся писем и занести данные в базу.

А сама решаю сделать первый шаг, чтобы помириться со ЗЛОм.

Глава 16

Меня раздражает закрытость Иры. Я вроде живу с ней, но в то же время, меня не пускают на место мужчины во главе, держа где-то в стороне.

Хочется встряхнуть её хорошенько, чтобы отпустила вожжи и вернулась на правильную позицию женщины — за спину своего мужчины.

Ещё и эта поездка Ириной дочки на свадьбу её бывшего. От такого, к гадалке не ходи, жди беды. И я весь на нервах.

Остаётся уповать на сознательность Ленчика. Но девочка она добрая. Её легко обидеть. И вот за это — я могу не сдержаться и хорошенько размазать по стенке, как масло по батону.

Так что в интересах её биологического отца вести себя хорошо, и вернуть девочку вовремя весёлую и довольную.

С утра провожу две плановые операции. Из-за должности заведующего нагрузка в операционной у меня небольшая. Беру на себя самые сложные случаи.

А ещё всегда есть платные пациенты, которые принципиально готовы доверить операцию только мне.

Ближе к обеду возвращаюсь в свой кабинет. Первым делом достаю сотовый и проверяю пропущенные.

Один от родителей. Они знают, что если я занят на работе, то перезвоню вечером. Второй от коллеги, но с ним мы виделись недавно в отделении и уже порешали вопрос.

А ещё сообщение от моей королевы: «Прости. Я немного вспыхнула. Давай мириться. Приглашаю тебя на обед.»

Довольно улыбаюсь.

Набираю Иру, чтобы согласовать место встречи.

Она отвечает после первого же гудка.

— Привет. — Раздаётся мелодичный голос в трубке.

— Привет. Извинения принимаются. Куда идём обедать?

— Ммм... Я сейчас недалеко от твоей клиники. Может у вас поблизости есть хороший ресторан?

— Есть. В «Высоте» неплохо готовят первые блюда и стейки.

— Отлично. Давай тогда встретимся там через полчаса. Ты успеешь?

— Конечно. Я закажу столик. Подъезжай. Встретимся на месте.

Сразу же звоню в ресторан, чтобы застолбить для нас столик у окна с красивым видом. Переодеваюсь. И иду на встречу со своей раскаявшейся адвокатессой.

Вот есть прелесть в отношениях уже с взрослой женщиной. Нет детских обид на неделю. Есть осознание в ценности каждого прожитого дня. И желание решать проблемы тут и сейчас, а не оттягивать до последнего из гордости и вредности.

До ресторана мне пешком — десять минут. На улице дождь. Беру из машины зонт и спешу увидеться с королевой.

Я уже успел соскучиться. И будь моя воля, я бы сейчас помимо обеда ещё и пошалил, но работа не позволяет пойти на такие вольности. Но хотя бы обнять свою адвокатессу — уже счастье.

На подходе вижу паркующуюся машину Иры. Подхожу к ней, чтобы не дать ей

промокнуть под дождём, укрывая зонтом.

И как только она выбирается из машины и попадает в мои объятия, одной рукой прижимаю так крепко, что ещё чуть-чуть, и мы сольёмся в одно целое.

Целую жадно и уверенно, напоминая, кто тут главный.

И радуюсь, что её губы податливые и мягкие. Она не пытается сопротивляться. Не пытается перехватить инициативу. Моё эго и чувство собственного достоинства приходит в равновесие. Всё, как и задумывала природа-матушка. Мужчина ведёт, а женщина следует за ним. Успокаиваюсь и провожаю её в ресторан.

Ира заказывает сливочно-лососевый суп Лохикейтто и салат Вальдорф, я же отдаю предпочтение проверенным годами блюдам — харчо и стейку из говядины с овощами на гриле.

Пока наслаждаемся первыми блюдами, к нам подходит поздороваться коллега из другого отделения.

Из-за удобного расположения, ресторан пользуется спросом у сотрудников нашей клиники. Как правило, у старшего состава.

Поэтому не удивляюсь, что тут проходной двор для медперсонала.

Обмениваюсь с Егором несколькими ничего не значащими фразами, но со стороны наш медицинский жаргон понять сложно.

— Ты мою кесарку* когда отпустишь? — Спрашивает Егор после приветствия.

— Сегодня понаблюдаю. Если всё норм, то верну к вечеру.

— Ладно. Звони. Я тебе для перевода в помощь утконосов* отправлю, чтоб не расслаблялись.

— Добро.

Егор уходит к своему столику.

— А где он работает? — Не поняв ничего из нашего обмена «любезностями», уточняет Ира.

— Сейчас очень хочется ответить по рифме «в пиз-з-з...», но не буду.

Рот Иры распаивается от возмущения.

— Ну а что, если он гинеколог? — Невинно развожу руками я.

И тут челюсть королевы с клацаньем захлопывается.

Я — сволочь, да! Но с ней не могу себя тормозить. Я тащусь от её искр в глазах, и хрен с ним, что они от злости.

— А что он хотел от тебя?

— У него беременяшка с воспалением по нашему профилю. Пришлось совместно операцию проводить. В тандеме. Но мамочка пока в моём отделении отдыхает.

— Ты ведь заведующий, а оперируешь, как и все остальные хирурги.

— Нет. У меня операций меньше. Но зато есть право выбора. И поэтому я беру самые сложные и интересные.

— У тебя и ночные дежурства бывают?

— Нет. Только в крайних случаях, когда некому выходить в ночную смену. Чаше такое бывает в пик орви и гриппа, когда врачей косит пачками.

— Тяжёлая у вас работа.

— Не тяжелее какой-либо другой.

— Может в выходные съездим куда-нибудь? — Предлагает Ира, осторожно меняя тему. Но мы опять оказываемся на тонком льду.

— Давай Ленчика из поездки дождёмся, и я возьму пару дней выходных за свой счет.

Скатаемся куда-нибудь все вчетвером.

— Почему тебя эта ситуация так зацепила? Она не в первый раз уезжает к отцу. Это нормально.

— Не знаю. Не нравится мне твой бывший.

Королевна вздыхает. А я ревную. Но ничего поделывать не могу. И Иру, и Ленчика считаю уже своими, и делиться ни с кем не хочу.

— Он её отец. Он не может ей навредить.

— Посмотрим. — Съезжаю я с темы.

Не спокойно мне от её решения. Слишком ранимая у неё дочка. Вот свою бы я не побоялся отпустить. Она бы, если что, сама кого-хочешь обидела. А Ленчика хочется стеречь и оберегать.

Как только мне приносят второе блюдо, Ира пододвигает к себе свой салат.

Мы снова замолкаем.

Чтобы разрядить обстановку, отрезаю кусочек стейка и протягиваю ей на вилке.

— Попробуй.

— У меня салат с курицей. А у тебя говядина. Солянка какая-то получается.

— Тебе ещё рано думать о проблемах ЖКТ. Открывай ротик, непослушная девочка.

И Ира, закатывая глаза, открывает рот, стягивая с вилки кусочек мяса. С удовольствием разжевывает. Стейки здесь бесподобные, тающие во рту.

И Ира оценивает мясо по достоинству, так как в следующую минуту уже сама своей вилкой лезет мне в тарелку.

— Эй-ей... мне-то хоть что-нибудь оставь. — Смеюсь я, цепляя её салат.

Жую, пытаясь оценить вкус этого шедевра. Ну так себе. Салат и салат. Ничего особенного. Ещё и яблоки сюда запихали. Вот уж где и правда солянка получилась.

Так мы, веселясь, и съедаем весь обед, таская друг у друга кусочки еды.

Наш счастливый тет-а-тет прерывает очередная моя коллега.

И всё бы ничего, но в недалёком прошлом с этой женщиной у нас была связь.

— Наш Царь хирургического отделения нашёл себе новую игрушку? — Ревниво раздаётся над нашими головами.

Меня передёргивает от высокомерности Надежды. Инициатором нашего расставания был я. А вот женщина до сих пор не может смириться с моим решением. Нет-нет, да и распускает слухи по клинике, что мы вместе. Или позволяет вольности при посторонних по отношению ко мне.

Раньше я просто отходил в сторону и игнорил её попытки. А сейчас меня поведение Нади злит. Не хочу, чтобы между мной и Ирой кто-то вставал. Третий тут лишний. Но как в любом треугольнике, один угол всегда оказывается тупым. А это уже диагноз, который ничем не лечится.

Всматриваюсь в лицо моей королевны, следя за реакцией на слова Нади. Но Ира даже бровью не ведёт.

— Не начинай, Надюх. У меня нет игрушек. Ты меня с кем-то путаешь. У меня одна единственная женщина. И нам бы хотелось насладиться обедом вдвоём.

Не обращая на мои слова внимания, Надя ехидно продолжает.

— Даже удивительно, что ты встречаешься с кем-то вне постели. Целоваться ты не любишь, музеи-театры не признаешь, цветы для тебя — это венки, подарки — ненужная

трата денег. Что ты с ними делаешь-то, когда они не в горизонтали? Да-да, девушка, наш главный хирург — тот ещё скупердый и циник. Вы бы далекоидущих планов на счёт него не строили. Он у нас слишком ветреный для серьёзных отношений.

И мне хочется встать и выволочь эту стерву из ресторана, но мы же все, сука, цивилизованные и воспитанные люди. Нам так нельзя. А как «лзья» с такой мымрой? Как я умудрился в неё вляпаться в Новогодний корпоратив?

— Почему она говорит, что ты не любишь целоваться? — Спокойно спрашивает меня Ира, провокационно сверкая глазами. — Ко мне ты присасываешься при каждом удобном случае.

По виду Иры, встреча с моей бывшей любовницей её совершенно не задевает.

— Я не целую тех, кто любит лизать чужие задницы. Слишком брезглив. — Специально для Нади отвечаю я, но продолжая смотреть на гордую королеву.

И она понимает. Улыбается мне хитро. Кивает в знак одобрения.

Надежда как раз из тех людей, что готова на всё, лишь бы взлететь повыше и поближе к кормушке. Поэтому мои слова принимает именно так, как надо.

— Ах ты гад. — Шипит моя коллега, покрываясь пятнами. Разворачивается и уходит.

— Извини. — Прошу прощения за этот неприятный инцидент.

Наверное, было глупо привести её в место, где все меня знают и желают подойти перебраться хотя бы парой слов.

Да и мои бывшие по большому счёту из этой же среды. На других просто нет ни времени, ни сил.

— За что? За глупость другого человека? Я прекрасно понимаю, что у тебя была до меня личная жизнь. И судить о тебе со слов твоей бывшей любовницы я не собираюсь. Даже не бери в голову. — Отмахивается от моих извинений Ира.

Зависаю немного, понимая, что ревнивых истерик и скандалов не будет. И от такого расклада мне хочется обнять её и зацеловать всю с ног до головы.

Моя королева знает себе цену. И если у некоторых женщин она чаще всего завышена, то у моей — тютелька в тютельку равна её заслугам и умениям.

Моя Ира воспринимает ситуацию с высоты своего статуса. И за это я её обожаю ещё сильнее. Эх, если бы можно было послать эту работу...

Но пациентов не пошлешь. Это не гуманно.

Поэтому просто провожаю Иру до машины. Прощаясь, жарко целую, обещая восполнить всё с лихвой вечером. Наблюдаю за удаляющимся автомобилем и возвращаюсь в клинику.

*Кесарка — женщина после операции кесарево сечение

*Утконос — студент-медик, проходящий сестринскую практику (выносящий утки, и т. д.)

Освобождаюсь вечером пораньше. Анюта собралась сегодня пойти на тусовку с ребятами по универу.

Забегаю в магазин, чтобы купить продукты и приготовить вкусный ужин.

Веду себя словно замужняя женщина, спешащая угодить своему любимому мужу. Не моё амплу. Вот совсем не моё. В меня будто кто-то переселился и заставляет делать всё то, что раньше раздражало.

Понимаю, что с моей стороны это перебор — так баловать мужика. Но ничего поделать не могу. Мне хочется сделать ему приятное.

Какая же отравка — это ЗЛО! Как химический наркотик поработает твою волю, вынуждая поступать вопреки привычкам.

Дома быстренько ставлю пассировку из лука и морковки, отвариваю цветную капусту. Потом хватаю противень, выкладываю слоями порубленное на кусочки филе красной рыбы, поджаренный лук с морковью, заранее отваренную цветную капусту. Сверху выкладываю порезанный на кольца помидор. И заливаю всё сливками с сыром.

Наше любимое с Ленусиком праздничное блюдо.

Ставлю в духовку запекаться, а сама бегу прихорашиваться.

Аня переодевшись и накрашившись, прощается и убегает на встречу с друзьями.

Я же копаюсь, как свинья в апельсинах, пытаюсь выбрать что-то домашнее, но в то же время нарядное. Ведь хочется сделать вид, что это обычный вечер, и в то же время свести ЗЛО с ума.

Но для женщин нет невыполнимых задач, есть лишь непоставленные цели.

Останавливаю свой выбор на платье-тунике до колена. Оно очень выигрышно подчёркивает мою грудь, а дальше, расходясь в стороны, соблазнительно обвивает бёдра при ходьбе.

Определившись с нарядом, снова спешу на кухню, чтобы нарубить греческий салат.

И только я всё красиво расставляю на столе и пищит таймер духовки, предупреждая о готовности основного блюда, как в прихожей слышится звук открываемой двери.

Достаю на плиту рыбную запеканку, слыша шум воды в ванной. Лёва неизменно первым делом идёт мыть руки.

А потом шум шагов, направляющихся в кухню.

Разворачиваюсь к двери и в ожидании замираю в красивой позе. Лёва появляется в проёме.

— Запахи такие, что можно поперхнуться слюной.

И оглядывает меня так жадно, что я начинаю подрагивать от нетерпения.

— Анюта ушла в клуб с университетскими друзьями. — Будучи ещё в здравом уме, докладываю своему ЗЛу обстановку.

— Я в курсе. Она мне отзвонилась.

— Ммм... Я приготовила нам ужин.

— Выглядит очень аппетитно. — Не отрывая от меня взгляда, замечает мужчина. — Я бы начал сразу с десерта.

— Это вредно.

— Люблю всё пикантное и вредное. Иди сюда.

И я иду. Как загипнотизированная, смотрю прямо в глаза. Не отрываясь.

Не замечая, как мужчина избавляет нас от мешающей одежды. Как заводит в спальню.

И он смакует меня, как самое экзотическое блюдо, облизывая и пробуя каждый сантиметр моего обнаженного тела.

Вызывая во мне волны ответного желания.

Он напрочь ломает мои устоявшиеся предпочтения в сексе, открывая новые горизонты и погружая на непостижимую до этого дня чувственную глубину.

Заставляет меня забыть в своих ощущениях и желаниях.

И я тону в них. И затягиваю его следом за собой.

Чувствую, как глубоко он проникает в меня сначала медленно, а потом всё ускоряясь и ускоряясь, доставая самые чувствительные точки и унося меня в бессознательные ответные реакции.

Если бы сейчас меня спросили, есть ли у меня моя вторая половинка, я бы не задумываясь ответила, что есть — мой доктор ЗЛО.

Он так совпал со мной в моих предпочтениях, что мне не нужно ему ничего объяснять и направлять. Он понимает меня интуитивно. Ведёт на вершину блаженства по самой прямой тропинке.

И я следую за ним. Подчиняюсь ему. Получаю своё вознаграждение. И снова возвращаюсь в реальность, но уже удовлетворённой и довольной женщиной.

Мой сексуальный дурдом. Моё волшебство.

Мы растекаемся в блаженстве...

До ужина добираемся спустя несколько часов. Но съедаем его со зверским аппетитом.

А потом нежимся на диване, смотря какой-то сериал.

Лёва перебирает мои пряди волос. Целует меня то в бровь, то в нос, то в родинку... дразня и избегая губ.

А потом неожиданно произносит:

— Долго же мне пришлось искать к тебе путь.

От его откровения и тихого голоса сердце ёкает в груди. Мурашки разбегаются по телу.

Это же почти признание? Или мне только кажется?

От молчания становится неловко.

— Может быть у тебя топографический кретинизм? — Ляпаю я первое, что приходит на ум.

И тут же получаю шлепок по попе.

— Ай!

— Язва.

— Ну хорошо, что не геморрой.

И Лёва раскатисто хохочет, так что я сама не могу сдержать улыбки.

— Ещё не вечер.

Вот такие у нас нежности. Острые. С перчинкой.

Но нам нравится...

Комплименты и мимимишность — это не про нас. Хотя с Ленусиком получается понежничать у всех. И даже Лёва с ней совсем другой.

Возможно, потому что по-другому с моей дочерью ни у кого не получается общаться.

Нашу домашнюю идиллию прерывает трель дверного звонка.

— Ты кого-то ждёшь? — Спрашивает Лёва.

— Нет. У Анюты есть ключи.

Выражение лица Лёвы тут же меняется, превращаясь в нечитаемую маску.

Он встаёт с дивана и направляется сам открыть дверь. Я не отстаю. Любопытство — наше всё.

Как только он распахивает дверь, мы оба застываем на месте от увиденного.

— О боже... — Тихо вырывается из меня, прежде чем я прикрываю рот рукой от потрясения.

— Бля-я-ядь... — Вторит эхом мужчина.

Нашему взору предстаёт картинка из триллера.

Аня заплаканная, с потёкшей тушью, разбитой в кровь губой и ободранной коленкой стоит облокотившись о стену подъезда.

Не хватает только мерцающего света.

— Что случилось? — Нервно спрашиваю дочь.

Мне, если честно, от увиденного приходят в голову только самые ужасные варианты, которые озвучивать хотелось бы меньше всего.

— Я рассталась с Митей. — Всхлипывает девушка, слегка пошатываясь и проходя в квартиру.

Ира её сразу заключает в свои объятия.

Я же напряженно сжимаю руки в кулаки и прячу их в карманы домашних брюк.

— Это у которого мотня по колену? Так радоваться надо, что избавилась от такого позорища.

Ира закатывает глаза. А я по-другому не умею. И Аня прекрасно об этом знает. Даже не реагирует на мои слова и резкий тон.

— Он на Таньку, новенькую из параллельной группы, запал. Говнюк.

Ира успокаивающе гладит её по голове.

— Вот сволочь. — Поддерживает королева.

— Губу тоже он разбил? — Зло спрашиваю я, готовый уже идти бить этому мудаку морду.

— Нет. Это я на тротуар неудачно заходила. Промахнулась.

И я шумно выдыхаю. Осталось как-то замедлить взбесившееся сердце.

— Истребитель, блин... — Тихо шепчу я, закидывая голову вверх и закрывая глаза.

Мне надо успокоиться. Я себе уже такого в воображении накрутил, что меня можно легко записывать в ряды маньяков.

Делаю медленные вдохи и выдохи.

— Он точно тебя не тронул? — Тихо спрашивает Ира.

А я уже как ястреб весь подобрался и вглядываюсь в лицо дочери, чтобы увидеть малейшие признаки вранья.

— Неее, из нас двоих только я могла ему накостылять. У него кишка тонка.

И снова выдох. Облегчение такое, что в висках давит.

Не врёт.

— Ты же уже расставалась с ним. Зачем надо было опять сходитья? — Ворчу я.

— Я думала, он осознал и искренне пожалел.

— Ах, ну да. Как же я сам не додумался: чему бы грабли не учили, а сердце верит в чудеса.

Нюта опять ударяется в слёзы. А я получаю кулаком под рёбра.

Ну не могу я по-другому. Хоть тресни.

Ну не хвалить же её за эту глупость.

— Успокойся. Твой папа просто забыл на минуту, что дети — это цветы жизни. — Замечает Ира.

Вот явно на меня намёк.

И выразительно начинает жестикулировать мне:

— Обними. — Тихо шипит моя королева.

А дочь уже наострила уши и с любопытством смотрит на меня, повернув своё заплаканное лицо панды.

У нас с ней это как бы не принято. И мне приходится пересиливать себя. С Ленкой как-то проще. Она сама няшка. Первая лезет нежничать.

Но глаза королевы говорят «Надо!». Сдаюсь под этим двойным прессингом, признавая себя каблуком.

— Ну иди сюда, сорняк. — Выдаю я, раскрывая руки. Или какие-то другие цветы подразумевались?

И снова получаю втык под рёбра, и шмыгающую Ньюту в объятия.

Да, что ж опять не так-то?!

— Какие твои годы. Ещё столько у тебя этих парней будет. — Гладит по спине драчливая королева.

— Одной оставаться — это полный зашквар. Даже у попы есть своя половинка.

Хмыкаю в ответ.

— Ну тут ты меня уела. Что правда, то правда. Так и быть, поплачь — легче станет.

Развели тут женское царство. Надо срочно разбавить пацаном.

Осталось дело за малым — убедить его мамочку-королеву, что нам обоим это надо.

Можно было бы, конечно, схитрить. На данном этапе за предохранением слежу я. Но боюсь, при таком раскладе мне просто откусят голову. А пацана без отца оставлять противоестественно. Пропадёт в этом малиннике.

Отпаиваем Ньюту чаем с коньяком.

Я, если что, был против. Это всё королева.

Ира помогает дочери привести себя в порядок перед сном.

А я, дожидаясь женщину в постели, уже просчитал всю нашу будущую жизнь. И так красиво всё сложилось в моей голове, что не терпится приступить к реализации.

Ира заходит в спальню и устраивается рядом. Сгребая её к себе поближе и выкладываю свои грандиозные планы.

— Давай поженимся.

— Зачем? — Недоумённо спрашивает эта неправильная буквоедка закона.

Обычно женский пол на такое предложение реагирует совсем по-другому.

— А зачем люди женятся?

— Чтобы было кому есть готовить да рубашки гладить?

— Готовишь ты неплохо. Соглашусь. Но не лучше меня. А рубашки я предпочитаю сам себе гладить. Пока вас женщин дождёшься... Ещё варианты?

— Ну не знаю...

Серьёзно? Ни одной идеи больше?

— Чтобы создать семью? Чтобы вместе состариться? Потому что вместе хорошо, и с годами будет ещё лучше? — Подкидываю свои варианты.

Ира смотрит на меня удивлённо и настороженно, как будто ждёт, что вот сейчас я засмеюсь и объявлю всё шуткой.

Но нет. Не объявлю.

Я уже распределил задачи по мере важности.

— Да ладно...

— Прохладно! — Недовольно рычу, раздражаясь от неправильной реакции своей королевы.

— Я уже была по тому адресу, куда ты меня зазываешь. Скажу тебе честно — нафиг надо! Одной лучше!

— Так туда ходить с правильными мужиками надо, а не с покемоном без батарейки.

— Не вижу разницы.

Щипаю её за аппетитную попу.

— Ой, больно же.

— Будешь так шутить, ещё отхватишь. Не видит она разницы!

— Поначалу вы все соловьём поёте. — Злится она. — А потом на диване отлёживается пузом кверху и только приказы раздаёте: жена подай, жена отнеси, жена постирай, жена накорми. А спросишь денег, так в ответ лишь фи́га: ты же сама зарабатываешь. А по дому помочь — так для вас не мужское это дело. А ничё, что я на больничных с маленьким ребёнком каждый месяц барахталась, и у меня там от зарплаты кот наплакал, и сил никаких на быт не оставалось.

— Осложнённый анамнез... — Ошарашенно слушаю речь Иры.

— Ещё какой. Диссертацию написать можно.

— Наболело...

— До сих пор свербит. Спасибо, но такого счастья мне не надо. Привита на всю жизнь. У меня теперь такие антитела к браку, что в сознательном состоянии меня в ЗАГС не затащишь.

Вот только в бессознательном мне нафиг этого не надо.

Не зря мне её бывший поперёк горла встал. А с виду тихий-тихий. Покалечил мне женщину. Как теперь исправлять?

Запускаю руку в мягкие волосы своей дикой кошки и успокаивающе начинаю массировать затылок, утыкая лицом к себе в шею.

Люблю чувствовать у себя на коже её дыхание. Оно греет и навивает домашний уют.

Цыганочка у нас с ней получается с очень длительным заковыристым выходом через лабиринт прошлого.

А я с уже принятым решением выжидать не привык.

Но стараюсь ради Иры себя сдержать и замедлить.

И, в целом, она права, нам и без штампа живётся неплохо. Но хочется мне на свою женщину иметь все права по закону. Ведь для неё закон — это не пустое слово.

Глава 19

Следующий день оказывается посвободнее предыдущих. Одно судебное заседание, завершающееся в нашу пользу, и вторую половину дня мы с чувством выполненного долга можем расслабиться и снизить темп.

Отпускаю, попросившуюся на шоппинг, Анюту. Девушке надо отвлечься от сердечных травм.

Сама иду в магазин косметики, покупаю маску для лица, пилинг для тела, увлажняющее молочко.

Сегодня у меня будет день красоты. Для себя любимой.

Вечером, когда все уже в сборе, ужин готовит Лёва без лишних слов и по собственной инициативе. Мне его даже просить не пришлось.

А мне это только на руку. Мы люди не гордые. Нас долго уговаривать подвинуться на кухне не надо. Душа просит — так пожалуйста!

После застолья отправляюсь в ванную. Провожу все спа-процедуры на дому.

Одеваю шелковый халатик-кимоно с японскими мотивами.

Наношу маску на лицо на основе Тамбуканской грязи. Читаю рекомендации на этикетке — нужно продержаться минут двадцать. Потом буду смывать и наносить увлажняющий крем. Выхожу в гостиную.

На диване вразвалочку сидит Лёва, со смурным видом глядит в экран смартфона. В кресле устроилась Анюта, щёлкает пультом и переключая каналы.

— Достала эта ненужная реклама. — Бурчит наш мужчина.

— Давай отпишу тебя от рассылок. — Предлагает Аня, продолжая что-то искать по телевизору и покачивая ногой, перекинутой через подлокотник.

— От квартплаты меня отпиши лучше. — В своей манере отвечает Лев. А Анюта лишь цокает в ответ.

Мне нравится наблюдать за их общением. У нас со ЗЛОм что-то похожее. Вроде едко и кисло, но так мило и душевно, что обоих бодрит и заводит.

Мой приход сразу привлекает ко мне внимание.

— О, круто! А можно я тоже такую масочку возьму? — Спрашивает девушка.

— Конечно, в ванной на полке. — Усаживаюсь рядом с Лёвой на диван.

И так странно он на меня смотрит. Вот точно сейчас гадость скажет, как пить дать.

— Саммит «Россия-Африка» не прошёл бесследно, да? — Не разочаровывает меня Лёва. — Пропаганда братства народов сделала своё дело.

Гад. Как знала. Я с этой грязью на лице и правда на африканку похожа. Но ничего. Пусть поёрничает, пока можно.

Анюта хохочет. А я молча вздыхаю и терплю из последних сил, чтобы не ответить на его любезность своей «любезностью». Даже прикусываю зубами кончик языка. Подмывает куснуть в ответ — просто жуть.

— Если бы эта хрень помогала, я бы себе задницу намазал. А то у меня там прыщ выскочил. — Продолжает троллить меня мужчина.

— И чешется, и зудит? Мыться не пробовал?

— Зараза...

— Да ладно тебе, я самая лучшая. Иначе бы ты здесь не сидел. А вообще радуйся, ведь

жизнь — это миг между прыщами и морщинами, а ты пока в начальной стадии. — Всё же прорывает меня.

— Будешь выпендриваться, я найду на тебя управу. — Заявляет Лёва.

— А конкретнее?

— Клизму поставлю, чтоб вся гадость из тебя вышла.

Моему возмущению нет предела.

— Это превышение полномочий, между прочим.

— Дома это называется «воспитательными мерами».

— Уууу... я лучше пойду. — Ретируется Аня.

А мне уже пора смывать маску, поэтому оставляю гордого, но вредного Льва в полном одиночестве.

Трачу на смыв довольно много времени, потому что грязь эта лечебная, только наносится легко, а смывается крайне плохо.

Уже домывая остатки, от неожиданного жуткого крика Орка:

— Нюта, едрит твоё в дышло!!!

Дёргаюсь и ударяюсь затылком о стеклянную полочку над раковиной, с которой все баночки летят со звоном на пол.

— Падлас Радригис. — Вырывается из меня.

Растирая место удара, в испуге выскакиваю из ванной, успеваю схватить полотенце с крючка.

В коридоре рядом с распахнутой дверью в спальню девочек стоит разъяренный зверь.

— Ты не оборзела? Девять штук за сумку? Серьёзно?

И нет, это не Орк, это всего лишь Лев.

В ответ ни звука. Мне со своего наблюдательного поста девушку не видно. Стою, растерянно обмакивая лицо полотенцем, и судорожно пытаюсь придумать, что успело произойти за десять минут.

— Чего молчим так громко? — Рычит мужчина.

— Я не виновата, оно само купилось. — Выдаёт девичий писклявый голос.

— А чего ж так скромно?! У тебя ж папка олигарх, а не врач в клинике! Могла бы и подороже найти. Зачем надо было мелочиться?

— Ладно, в следующий раз поищу золотую рыбку. — Едко отвечает Анюта.

— Да услышав твои желания — рыбка сдохнет. Всё! Закончилась халява, работать пойдешь и отработаете мне каждый рубль. Поняла?

А нам с Ленусиком жилось, оказывается, очень скучно. Тут такая жизнь кипит, а мы ни сном ни духом.

— У меня учёба. Куда меня возьмут — студентку-очницу? Придётся смириться, папулечка, и подождать до диплома. Другого выхода не предвидится.

— В жизни всегда есть два выхода.

— Ой, опять ты со своими медицинскими пошлостями.

Не выдерживая дальнейшего спора, вступаю в их обмен колкостями. Да и с рассуждениями девушки я в корне не согласен.

— Я могу устроить Аню к себе в контору клерком. — Предлагаю я. — Учеба у неё не на весь день. Как раз после обеда будет успевать поработать в качестве «принеси-подай». Денежка небольшая, но своя. Плюс опыта по специальности наберётся, если покажет себя, и ей начнут доверять более ответственные задачи.

— Слышала? Тебе уже работу нашли. Половину зарплаты будешь отдавать мне, пока не вернешь всю сумму.

— С ума сойти. Такой кипиш из-за какой-то сумки. — Недовольно воет Анята.

— С ума сходят те, у кого он есть. А тебе это явно не грозит.

— Как ты вообще узнал про сумку?

Лёва тут же кидает ей квитанцию.

— Чеки надо лучше прятать, партизанша недоделанная. Ты как кабриолет: крыши как не было, так и не предвидится.

— Всё! Брейк, товарищи. — Закрываю дверь в девичью спальню и увожу Льва.

Утаскиваю его на кухню, наливаю чаю, достаю конфеты «Птичье молоко». Моё любимое. Делюсь самым дорогим, к слову сказать. Себе я его позволяю не часто — фигура. Лишь в самые нервные периоды.

— Ну чего ты завёлся? Она ещё молодая. Глупая.

— А ты бы не завелась? — Тут же бурчит мужчина. — Она у меня денег так-то на сапоги попросила.

— Ну ладно. Всё. Успокойся.

А сама отворачиваюсь, чтобы не рассмеяться. Невозможная парочка. С ними не соскучишься. Это надо же было вместо сапог сумку дорожную купить. Вот Анята!

— А половину зарплаты-то зачем потребовал? Наказал же уже — на работу сослал. Завтра я обо всём договорюсь. Там же сущие копейки получатся. Дались они тебе.

— Да не нужны мне её деньги, — отмахивается Лёва, — но понять, что они не просто так с неба падают, она должна. Вот пусть и отдаст, как положено, эти девять тысяч, а потом ещё сама на сапоги накопит.

— Ох уж, это ваше мужское воспитание.

— Ничего. Один раз помучается — потом умнее будет. А то вздумала транжирить.

— У неё стресс — мальчик бросил.

— Это повод спустить такую сумму?

— Нет, конечно. — Скрываю улыбку за кружкой.

— Не хочу, чтобы из неё получилась вторая моя бывшая жена. — Вдруг выдаёт озабоченно Лёва, прикрывая руками лицо.

— Которой было мало твоих денег? — Осторожно спрашиваю я, чтобы не спугнуть откровения.

— Мать Нюты по-настоящему не любила две вещи: докторскую зарплату и колбасу.

— А колбаса-то ей чем не угодила? — Недоумеваю от его ответа.

— А она для неё была слишком дешевой.

Смотря плотоядно на меня, Лёва подпирает ладонью подбородок. Любуется.

— Вот как.

В кимоно я царица. Знаю, что выгляжу сногшибательно. И этим пользуюсь. Принимаю соблазнительную позу, но подальше от Лёвы... чтобы зверь не достал... но подразнить хочется.

— Так что со мной Канары тебе не светят. — Пожирает меня глазами мужчина.

— Да я уж поняла, что ты не миллиардер, и миллионера мне из тебя не сделать. — Наигранно печально вздыхаю я.

— Зато у меня есть дача. — Гордо произносит мужчина.

А я замираю от такой новости. Только не это!

— Только не говори, что ты ЗЛОстный огородник. — Ужасаюсь я.

Вот я влипла, если да. Терпеть не могу копать в земле.

— Нет. Но люблю бывать на природе.

А я уже представляю себя в соблазнительном кимоно среди грядок с мотыгой и грязными руками. Меня даже передёргивает.

— С какой целью? — Уточняю я на всякий случай.

— С целью отдыха, Ир. Я много работаю, и мне нужна смена обстановки для того, чтобы нормально расслабиться и разгрузить мозг.

Фух. Пронесло. Пронесло же?

Ира, как и обещала, устроила к себе Нюту. И, к счастью, у дочери не остаётся теперь времени, чтобы чахнуть и вздыхать о потерянной любви.

Хотя какая там любовь в таком возрасте? Лёгкая влюблённость. Очарование придуманным для себя образом.

А на деле, всё гораздо примитивнее и банальнее. Потому что ещё наивен и ведёшься на внешность, а не на то, что внутри.

Практика у дочери завершилась успешно. Но Ира продолжает подкидывать и объяснять рабочие моменты профессии для неё. У них отлично получается ладить.

В отличие от меня.

У нас с дочерью слишком похожие характеры. И мы всё время цапаемся, так как наперёд знаем, что у другого на уме и на сердце.

Но зато Нюта не обижается на мои резкие выпады и подколы.

И что бы я не высказывал дочери, в ней я уверен, как в себе самом. Есть, конечно, пробелы воспитания. А ещё эти женские гормональные всплески, которые заставляют делать глупости.

Но в целом моя девочка с царём в голове дружит.

А вот за дочку Иры я по-настоящему беспокоюсь. Нет, она потрясающая девчушка. Мечта любого родителя. От неё столько тепла и любви получаешь, что напрочь забываешь про проблемы и треволения дня.

Именно такие становятся любимицами отцов. И в моё сердце она уже давно проникла, как младшая дочь.

И я ловлю себя на желании всё это узаконить.

Ни разу чужой ребёнок не вызывал у меня столько эмоций и ответных чувств.

Она, как эликсир долголетия, увеличивает износостойкость сердца и успокаивает нервную систему.

И мне тревожно за её поездку. Ну какую бабу мог найти этот олень — бывший муж Иры? А она даже не удосужилась познакомиться и прощупать почву.

Меня бомбит не по-детски.

Чтобы отвлечься от дурацких навязчивых мыслей, днём загружаю себя работой, а вечером везу своих девчонок на ужин.

В соседнем районе от дома Иры открылся новый японский ресторан.

И мы вместе выбираем сет из разных видов ролл.

Наплевав на японскую культуру, я предпочитаю есть их вилкой. Мне на работе хватает тренажёра для ловкости пальцев.

А Нюта просто не умеет и никогда не пыталась научиться. Вечно втыкает одну палочку в ролл, как меч.

Но Ира мастерски управляет с палочками. Она даже бывала в Японии, как выясняется за разговором.

И наша королева, конечно же, заставляет нас есть правильно.

И мы ей без лишнего спора поддаёмся. Даже моя Нюта со смехом пытается перенять умения своего куратора и наставника.

Я заметил, она вообще во всём старается ей подражать.

Хороший пример. Одобренный мною лично.

Вот только на дорогие брендовые вещи Ира зарабатывает сама. И я на это смотрю сквозь пальцы. А вот приучать дочь к транжирству своих денег мне совсем не хочется. Она должна знать им цену.

Но учится Нюта жить по средствам с похвальным энтузиазмом.

Гордо приняла моё наказание, и даже не заикается про свои сапоги.

Вся в папочку. Я бы тоже лопался от обиды, но ни копейки бы у родителя больше не попросил.

Застолье проходит со смехом. Ира развлекает нас интересными историями из поездки в Страну восходящего Солнца.

Нюта веселит своими попытками удержать ролл двумя палочками.

У меня это получается с полпинка. Мои пальцы приучены к тонкой работе в силу профессии.

И дочь от этого злится только ещё больше, и чаще допускает ошибки, роняя в соевый соус еду и пытаюсь выловить расползающийся в жидкости рис.

А я, как всегда, не могу сдержаться колкости:

— Не сдавайся, позорься до конца. — Подначиваю я дочь.

И она зло пыхтит, стреляя в меня демоническими взглядами.

Ира, как громоотвод, всё переводит в шутку и сглаживает наши перепалки.

И получается у неё это так легко и классно, что я лишний раз убеждаюсь в правильности своего решения — связать жизнь с этой женщиной.

За нашим столом не хватает лишь Ленчика.

Мои тревожные мысли снова возвращаются к дочери Иры.

После ужина доставляю своих дам домой. Нюта, болтая по телефону с подругой, убегает в подъезд раньше нас.

Мы с Ирой, не торопясь, следуем за ней. Я обнимаю её за плечи. Она кладёт свою голову мне на плечо.

Стоит нам только попасть под освещение фонаря у подъезда, как рядом с нами тормозит автомобиль. Мы разворачиваемся на звук резко нажатого тормоза и скольжения колёс по мокрому асфальту.

Из автомобиля выходит бывший Иры и Ленчик.

Моё сердце отпускает. Ну наконец-то все в сборе. А королева могла бы и предупредить, что они возвращаются сегодня. Но мы, вроде как, на эту тему стараемся не говорить, потому что слишком остро... потому что ситуацию видим по-разному.

Ира идёт на встречу бывшему и дочери.

— Привет, Ир. Мы тут решили пораньше вернуться. Леночка немного устала с дороги. Ты её не тревожь, пусть поспит, отдохнёт. — Осторожно комментирует биологический отец.

И что-то мне в его голосе не нравится.

Ленок, спрятав голову под капюшоном и наклонив её низко вниз, лишь коротко приветствует мать и идёт напрямиком в мои руки.

Втыкается мне в грудь. Я на автомате укрываю её руками, и чувствую под ладонями подрагивающие плечи. Плачет, что ли? Ну что за нахрен?

Мой расслабон, как рукой снимает.

Ну хана тебе, папаша!

Сглатываю ком в горле и наклоняюсь к девчужке:

— Что случилось? — Тихо спрашиваю.

Но она лишь отрицательно вертит головой из стороны в сторону, и только сильнее начинает трястись.

Моё забрало срывается вниз. Тормоза не срабатывают. Вот если бы не Лена, я бы, наверное, сдержался. Наверное...

А так...

Отвожу девчонку в сторону и молча иду к недопапаше. Не задумываясь, вмазываю кулаком ему под рёбра.

Не смертельно, но от невозможности вздохнуть мужик помучается.

И он предсказуемо складывается и хрипит.

Из машины с криками выскакивает блондинка в бежевом пальто. Бежит к своему мужу, что-то угрожающе вереща.

Моя Ира что-то надрывно на эмоциях пытается мне сказать, вставая между мной и этим мудаком.

А я ничего не слышу. Да и продолжения не планировал. У меня в ушах всхлипы пятнадцатилетней девчонки. Молча разворачиваюсь, и обняв Ленчика веду её домой.

Как знал, что всё это ничем хороших не кончится.

Ну вот куда моя королева смотрела? Гордые все... до зубного скрежета...

Дома помогаю девчужке снять верхнюю одежду. На щеках слёзы, от которых моё нутро сворачивается и просит кого-нибудь прибить.

Но позволить себе полноценный мордобой я не могу. Мне завтра ещё операцию проводить. А кулак итак уже ноет.

Осматриваю Лену. Внешних повреждений не нахожу.

— Я в порядке. — Подрагивающим голосом шепчет она.

Ага. Я вижу.

Приобнимаю. Успокаиваю её. Прошу Ньюту помочь ей переодеться и уложить спать.

К приходу Иры её дочка уже мирно сопит в кровати.

А мне достаётся непонимание и море претензий.

— Это что сейчас было? — Начинает женщина, как только за нами закрывается дверь спальни.

А я ещё не остыл. У меня в груди пульсирует взрывоопасная смесь, требующая выброса негативного неадекватности.

— Ты видела, в каком состоянии она приехала? Как они довели её за неделю?

— Она просто устала с дороги.

— Да неужели? Ир, раскрой глаза. Я не знаю, что там конкретно произошло, но на Ленчике лица не было.

— Ты передёргиваешь. Макс её отец. Он не мог допустить ничего плохого. Твоя ревность, Лев, переходит границы.

— Ещё претензии ко мне будут?

Закипаю, блядь, как чайник. В глазах дымка. Челюсть от злости сводит.

— Да! Ты импульсивен, не сдержан, хамишь! И давно уже загостился!

Так значит...

Инициатива наказуема по вашим законам, госпожа королева?! Ладно...

Молча разворачиваюсь к шкафу, достаю чемодан, собираю в него свои вещи.

Ира всё это время наблюдает за моими действиями.

А я не могу так. Либо мы смотрим в одну сторону и доверяем друг другу, либо нахрен мне всё это сдалось. Она каждый раз будет защищать своего бывшего, а я — в дураках?

Спасибо. Я в такие игры не играю.

Человек пока своим умом не дойдёт, его ни в чём не убедишь.

И мне тут сейчас делать нечего.

Выкатываю в коридор чемодан. Из спальни девчонок не доносится ни звука. Будить не буду. Даже не сомневаюсь, что Ира Ньюту не прогонит.

Захожу в ванную, чтобы забрать своё мыльно-рыльное.

Королевна даже не выходит из спальни. Ну пусть так. Это тоже показатель.

Одеваю куртку, ботинки.

Оглядываю пространство на предмет, не забыл ли чего важного. Кажется, нет.

И выхожу из квартиры.

Бывшие, мать их! Загадочные личности... где бы не появлялись — обязательно всё загадят. И удивительным образом рядом с ними всегда маячат догадливые... чтоб догадать там, где не успели первые!

Поступок Лёвы возмущает. Ненавижу драки. Последнее дело — выяснить отношения кулаками.

Такое принять — выше моих сил. Сколько я этого «добра» повидала за свою адвокатскую практику. Никто ещё после рукоприкладства не становился мудрее.

Ревность — это эгоистичная претензия на обладание другим человеком. В ней нет ни капли уважения и доверия.

И либо он принимает и вливается в мой мир с моими принципами и законами, либо пусть катится ко всем чертям.

Ещё эта истеричная жена Макса, которая грозилась снять следы побоев и подать на Лёву в суд. Пришлось напомнить бывшему, что у меня есть компромат с его пьяным видео, где он чуть не сбил пешехода. Слава богу тогда всё обошлось. Но отмазать его мне дорого стоило. Хорошо, эти двое не знают про срок исковой давности. Иногда юридическая безграмотность на руку. Устрашились, прониклись и молча уехали восвояси.

На удивление утром Ньюта узнав, что мы поссорились с её отцом, не изъявляет желания переехать обратно вслед за ним. А я открыто не предлагаю. Хорошая девушка. Пусть живёт.

Ленусик ходит грустная. Она лишь утром спросила разок про дядю Лёву и всё. На мои вопросы отвечает, что всё в порядке.

Но вижу, что в ней что-то изменилось. Может расстроилась из-за свадьбы отца?

Подростки в её возрасте боятся, что их разлюбят и променяют на кого-то другого.

Не лезу к ней в душу. Пусть переварит информацию, потом обсудим.

Наш привычный уклад жизни возвращается на круги своя.

Лишь пополнение в наших рядах, и жгучее вибрирующее чувство в груди, напоминают о том, что по моей жизни пронёсся ЗЛЮстный ураган.

На работе всё идёт своим чередом. Заседания, документы, встречи с клиентами. В делах и заботах пролетает день за днём.

Анюта вливается в коллектив, как родная. Вижу, что ей нравится в нашей конторе. И ей уже доверяют не только задания «принеси-подай», но и некоторые обязанности младшего сотрудника.

И молодой адвокат по гражданским делам, который совсем недавно появился у нас, оказывает ей знаки внимания. Не раз я их видела вместе в обеденный перерыв. И старая любовь уже забыта.

Мне бы так.

Раз... и прогнал из себя чувства и воспоминания.

Но ЗЛЮ из себя изгнать так просто не получается.

Выхожу в комнату, где стоит кофе-машина и барная стойка для перекусов. Делаю себе капучино. Добавляю карамельный сироп и корицу. Присаживаюсь в задумчивости на барный стул.

Офис наш оформлен стильно и современно. Работать тут — одно удовольствие. Клиентам нравится. Красивая картинка — это важно на первой встрече.

Витая в своих мыслях, даже не замечаю, что в комнату заходит кто-то ещё.

— Помирилась бы ты со своим мужчиной уже, Морозова. — Говорит моя коллега.

— С чего вдруг ты решила, что я с кем-то ссорилась? Тем более с мужчиной?

— Бабы так сохнут только по мужику. У меня глаз намётан. — Делает себе кофе Нина.

— Так может он того не стоит, чтобы с ним мириться. — Сдаюсь. Ну раз видно, чего скрывать. — Пусть идёт лесом.

— Ты бы на простака не повелась. Да и характер у тебя тяжёлый. Так что делаю выводы — послала ты его, а теперь жалеешь. Но ты не опускай руки — научись принимать его таким, какой он есть. Опыт — дело наживное, не хитрое. Ты девочка способная. Сейчас у тебя дочка рядом. А потом... когда она замуж выскочит, с чем останешься? Кошку заведёшь?

Вот зачем на больную мозоль давить? Сама знаю. Много раз об этом думала. Одиночество — это не моё. Я от него сдохну. Но гордость, чтоб её...

— Да хоть и кошку. Нервы не треплет, мозг не выносит.

— Ску-у-у-ка... сама же завоешь.

— Не могу я так, Нин. У меня принципы.

— Держась за свои принципы, рискуешь в старости остаться только с ними. Оно тебе надо? — Забирает бокал с кофе и выходит.

Вот умеет Нинка разворошить рой ненужных мыслей и свалить по-тихому. Вновь прокручиваю день, когда Лёва ушёл. Ну права же была? Где моя ошибка?

Одна неделя сменяет другую. А тоска по Лёве неизменно сидит внутри и подзуживает.

Вот хорошо же жила до его появления? Ни в ком не нуждалась. Чёртов аппендицит!

Зависеть от другого человека — это слабость. А что делает жизнь со слабаками? Правильно, жизнь их учит. И порой уроки у неё самые жестокие.

Оформляю очередной иск. На телефон приходит смс. Читаю.

«Уважаемая Ирина, это Антонина, жена Макса. На прошлой неделе у нас гостила ваша дочь Елена. А так как мы достаточно потратились на свадьбу, я думаю, будет честно, если вы возьмёте на себя затраты на вашу девочку».

А дальше длинный список продуктов, счёт за жильё, чеки за покупку каких-то личных вещей и даже за бензин.

Подпираю щёку рукой, офигивая от прочитанного.

А ничего, что она дочь её мужа? Как бы я не одна её родила. Там двое участвовали.

Хм... Макс нашёл-таки свою вторую скупердьяйскую половинку.

Но злиться на него, сил не осталось. Ему просто нет места в моём настоящем. Вот и жена его тоже пусть остаётся там, за бортом.

Наглость — это, конечно, счастье, но недолгое.

Новоиспечённая Морозова, видимо, ещё не оценила, на кого нарывается. Придется объяснить доступным для человека языком.

И мои мышцы сводит от улыбки, которая сама собой расплывается на моих губах. Если бы меня видели со стороны, назвали бы её хищной...

Ну не получается из меня хорошей зайки. Вперёд прёт наглая рысь...

Составляю на компьютере табличку неоплаченных за девять лет алиментов, размещаю её на официальном бланке с пугающими юридическими фразами. Нахожу в интернете печать похожую на печать нотариуса с гербом России и даже с именем нотариуса В.Н.Ебенько, и с мелким-мелким шрифтом по кругу: «Сообщество с неограниченными возможностями! Да будет так!»

Распечатываю на цветном принтере. Расписываюсь. Сканирую, скидывая на смартфон, и отправляю новой жене Морозова с припиской: «Будет честно, Антонина, если вы как законная жена Морозова Максима Фёдоровича разделите долги своего мужа! Но если что,

наши судебные приставы знают, где вас искать! Не беспокойтесь!»

Спустя десять минут сообщение от новой Морозовой исчезает! Удалила и у себя, и у меня. Какая понятливая женщина. Но скрин я себе сохранила. Для общения с бывшим пригодится. Юрист во мне на автомате сохраняет все возможные доказательства.

Как приятно, когда ты уже никому ничего не должна. И даже настроение поднимается.

Удаляю весь чат. От такого мусора надо избавляться сразу.

Вечером приходит ещё одно смс от Макса: «Ир, хочу на выходные забрать Лену к нам».

Очень любопытно. А как же траты?

Отправляю ответ: «Я её спрошу».

Снова от Макса: «Спасибо. А то мне она не отвечает».

А вот это уже странно...

Доделываю работу и спешу домой.

Как только с танцев приходит Ленусик, усаживаю её за стол и начинаю непростой разговор.

— Ленусь, папа мне написал. Приглашает тебя на выходные в гости. Поедешь?

А дочь начинает прятать от меня взгляд, бегая глазами по кухне.

— А у меня реферат. Я не смогу.

И ведь вижу, что врёт. Меня переворачивает. Между нами никогда не было секретов.

— Хорошая моя, давай-ка на чистоту. Что там в поездке произошло?

Беру её за руку и слегка сжимаю.

Ленусик долго смотрит на наши сцепленные ладони и не решается начать рассказ. А потом её как прорывает.

— Его Тоня только и делала, что цеплялась ко мне со всякими замечаниями. То одета я не так, то сижу не так, то вилку держу неправильно. А когда в кафе я не доела блюдо, она мне высказала, какая я расточительная, и что так я могу вести себя со своей матерью, которая не научила меня бережно относиться к деньгам, а у них совсем другие правила. А папа рядом сидел и поддакивал. Даже слова не сказал в мою защиту. А я просто нервничала. От постоянных нападков кусок в горло не лез.

Мдаа... Макс как был тюфяком, так им и остался. Непонятно, зачем им только опять моя девочка понадобилась. И почти сразу после нашей переписки с его женой.

Беру телефон и отписываю бывшему: «Ленусик не может. У неё реферат».

Ранимость дочери мне всегда нравилась. Она совсем из другого теста. Не такая грубая, как я. Лучше. Добрее. Чище. Наивнее. И в этом нет ничего плохого. Вот только другие могут задеть очень глубоко.

А с Максом я поговорю. Обязательно поговорю.

— А по приезду ты действительно устала с дороги? — Уточняю скользкий для меня момент. Ведь если нет...

— Просто она всю дорогу пилила папу, зачем он меня взял. Что вышло им это накладно. Чеки какие-то перебирала. А когда я увидела дядю Лёву, не сдержалась, расплакалась.

И дядя Лёва сорвался... А я ему гадостей наговорила. Обвинила чёрте в чём.

Как я не заметила слёз дочери? Ну как?!

Не заслуживаю я такой девочки. И мужчины я такого тоже не заслуживаю.

Обнимаю Ленусика. Глажу её по голове и плечам.

— Не обижайся на отца. Он никогда не мог дать достойный отпор женщине. Просто он такой.

— Мне теперь с ним вообще лучше не видаться, да?

— Ну почему же. Можешь просить его встретиться один на один где-нибудь в кафе, кино, на выставке.

— А как же его жена?

— А его жену ты любить и уважать не обязана. И заставить тебя никто не может. Ты сама решаешь, с кем тебе общаться, Ленусь. Если не хочешь — не ломай себя. Есть масса решений, без стресса для себя.

— А если папа не поймёт?

— Он поймёт. Я ему доступно объясню.

— Нехорошо как-то. Получается, я жаловалась тебе на его жену.

— Про тебя я и слова не скажу. Не переживай.

— Ну тогда ладно.

И мы расходимся спать.

Перед тем, как выключить светильник, получаю сообщение от Анюты, что она остаётся сегодня ночевать у отца.

И мои мысли снова возвращаются к мужчине, который защитил мою дочь. Удивительный он человек.

Сейчас, зная всю правду, я бы сама не отказалась врезать Максусу. За дочь бы даже принципами своими поступилась.

Но Лёва избавил меня от этого неприятного момента. Решил всё сам. По-мужски.

Внутри полыхает от вины, что затапливает меня всю.

Я не привыкла к такому. Со мной никогда не было сильного и уверенного в себе человека, который бы просто встал на мою сторону.

Я всё сама. И уже сложно себя перестроить.

Забыла, как это... быть за чьей-то спиной.

Всегда играла сразу две роли: и мужскую, и женскую. И каково это — быть просто раненой женщиной — я уже не помню.

И даже подумать не могла, что мне когда-нибудь захочется ею стать.

А мне хочется...

Очень-очень...

Вот только рядом с одним конкретным мужчиной... которого я очень сильно обидела и прогнала.

Верчусь в своих буднях, как уж. А все как будто сговорились. Один врач ушел на больничный. Второй — в отпуск за свой счет, чтобы решить проблемы родственников.

Нехватка рук в отделении даёт о себе знать. У нас цейтнот.

И я уже выхожу на полную смену врача-хирурга. Мои обязанности по бумажной волоките с горем пополам берут на себя то старшая медсестра, то оставшиеся плечом к плечу коллеги.

Дважды пришлось остаться в ночную.

Вымотался так, что едва ноги держат. Когда нормально ел в последний раз — не помню.

Вчера звонила Нюта. Узнав про мой дурдом на работе, примчалась сегодня ночевать домой.

Захожу в квартиру. Наконец-то тут пахнет домашней едой. Даже желудок сводит от запахов.

— Привет. — Выскакивает в прихожую дочь.

После прожитых недель у Иры и Ленчика она стала гораздо мягче. Даже встречать меня научилась.

— Привет, коль не шутишь. — Улыбаюсь в ответ. — Как там девочки поживают?

— Нормально. Ленка грустная немного ходит. Ира Сергевна тоже что-то вся в себе.

Ленчика жалко. А Ира пусть задумается. Ей полезно. Может чего интересного надумает. Для нашей общей пользы.

Она — женщина не глупая. Должна рано или поздно сложить два и два.

Прохожу на кухню. Нюта накрывает мне стол. Накладывает большую порцию жареной картошки с куском курицы.

Садится рядом.

— А ты уже поела?

— Ага. Тебя не дождешься.

— Ну рассказывай. Как жизнь твоя протекает? Ты домой с концами?

— Неа. Мне там нравится. Ты же не в обиде?

— Я — нет. А Ира не против?

— Мне она ни слова не сказала, чтобы я уходила. И ведёт себя доброжелательно. Вообще всё супер.

— Здорово.

Я даже не сомневался, что Ира не станет прогонять мою дочь.

В плане материнства она основательная и очень ответственная.

— Ты её предупредила, что останешься у меня сегодня?

— Ой, блин. Забыла.

— Отпиши. Будет волноваться. — Настаиваю я. Ну не могу по-другому. Я нас уже не разделяю.

Королевна точно будет переживать. Повидав всякую дичь на работе, наверняка надумает всё самое худшее.

Я бы надумал...

И Нюта начинает строчить сообщение в телефоне.

Спокойно доедаю ужин. Иду мыть посуду.

— Вы же с ней помиритесь?

— Обязательно. — Уверенно заявляю.

— А из-за чего поссорились, спрашивать, наверное, не стоит?

— Ты у меня мудрая не по годам девочка. Как тебе работа у Иры в конторе? — Меняю я тему.

Наши размолвки с королевой не для обсуждения с нашими детьми. Сами разберёмся. Я даже не сомневаюсь в этом.

— Ой, супер! Там так классно. Мне уже доверяют кое-какие документы самостоятельно составлять. Там столько интересного. Я после универа к ним пойду работать. А ты знаешь, какая основная причина разводов?

— Знаю. Брак. — Ньюта улыбается от моего ответа. Нравится ей в этом адвокатском логове, и пусть нравится. Главное, чтобы голову на плечах держала. — Деньги у тебя есть?

— Ага. Мне аванс выдали.

— Если закончатся, обращай ко мне, а не к Ире. Поняла? — Поворачиваюсь к ней, вытирая руки кухонным полотенцем.

— Так точно! — Дурачится дочь.

Ухмыляюсь.

Как была вертихвосткой, так ею и осталась.

Пьём с дочерью чай и расходимся по своим спальням.

Смотрю, лёжа на кровати, в потолок. На нём временами играют блики от фар, проезжающих во дворе машин.

А сам мыслями улетаю к той, что прогнала меня из своей квартиры.

И нет, ни злости, ни обиды я не испытываю. Но больше такой возможности ей не дам.

В следующий раз будет переезжать ко мне сама. Пусть здесь устраивает семейное гнездо.

Наши квартиры равнозначны. Что у неё трёшка, что у меня. У меня даже больше квадратов будет. Комнаты просторнее.

Девчонкам комнату обустроим, как они сами захотят. Мою пусть переделывает, как ей нравится.

Только бы вернулась ко мне поскорее. А там всё решим.

Вины за собой я не чувствую. Муж её по делу отхватил. Раз дочь от переживаний и слёз не уберёт, пусть знает, с кем имеет дело. Раз из их жизни его не вытравить, значит будем воспитывать.

От этой мысли меня ведёт.

Не могу я думать о Ленчике, как о его дочери. Коробит всего. Моя она. Моя, и всё! Она дочь моей любимой женщины. Значит моя!

Вот такая логика. Кривая местами. Но какая есть.

Изнываю от желания прижать к себе королеву. Ощущаю её кожу под пальцами, как наяву. Меня аж передёргивает, как от короткого замыкания.

Свихнулся от женщины, что в пору к мозгоправам идти лечиться.

Или скорее возвращать свою королеву на законное место. Рядом с собой.

Долго вдаль от неё крышу сносит. И я уже сам себя ощущаю кабриолетом.

Мы с дочкой друг друга стоим.

Яблочко от яблоньки...

И я даже не удивляюсь, что она у Иры прижилась, как родная. Тоже почувствовала своих людей. Пригрелась. Королевна умеет создать вокруг себя домашний уют. А от Ленки просто волнами исходит любовь и искренность.

Хочу, чтоб у нас родился пацан. Если наши гены смешать, хороший мужик должен получиться.

Но от реализации своих планов я далёк, как Солнце от Земли.

Она вроде тянется ко мне, но сомневается и боится обжечься.

А навязывать бесполезно. Сама должна понять.

Поэтому я жду...

Поэтому я которую ночь туплю, глядя в потолок... тоскуя по своей брыкастой заразе.

Сегодня день проходит как обычно. Новых клиентов нет. Подтягиваем хвосты по старым делам. Отвозим документы в суд.

И только мысли о Лёве не выходят у меня из головы.

Как с ним мириться? К нему на кривой козе не подъедешь.

А я так вообще не умею прощения просить.

Но на его инициативе мы здесь не выедем. Я виновата. Сильно.

И судя по его характеру, прогнать его можно один раз. Второго шанса он не даст.

А значит, даже если позову, ко мне он не вернётся. А как тогда быть?

Вечером собираю документы в свою сумку. Послезавтра у меня судебное заседание. Надо подготовить речь. Вечером перед сном надо будет перечитать детали дела клиентки.

Анюта заскакивает, стучась в открытую дверь, чтобы привлечь моё внимание.

— Домой? — Задорно спрашивает девушка.

— Ага. Ты сегодня со мной или к отцу?

— С вами. Не прогоните?

— Нет, конечно. — Улыбаюсь ей в ответ.

Лёва и Анюта уже свои для нас с Ленусиком. Дочь тоже только «за», что у неё появилась подруга. Почти сестра.

— Папке я еды наготовила, на завтра хватит.

— Он же сам отлично готовит. — Удивляюсь я замечанию Ани.

— Так у него там нехватка врачей. Работает и за себя, и за того парня... Даже ночную смену вынужден брать. Там уж ему не до готовки.

— Что же ты не сказала? — Волнуюсь я. — У нас еды навалом. А он там голодный. Завтра захватишь, в обед ему на работу занесешь. Ему, наверное, даже в кафе сбегать некогда.

Аня корчит смешную недовольную рожицу.

— Может вы сами?

Сама? Ну можно, конечно... Но нет. Я пока не готова.

— Мне к заседанию готовиться надо. — Отмазываюсь я. И уже более строго. — Отнесешь обед отцу, хорошо?

— Ладно. — Нехотя соглашается Анюта.

Выключаю свет. Закрываю кабинет на ключ.

Из здания конторы выходим вместе с Анютой. Обсуждаем, что приготовить на ужин. Аня на своей машине. Я на своей. Поэтому задерживаемся у входа, чтобы договорить, а потом разойтись в разные стороны стоянки.

И только мы разворачиваемся, как путь нам преграждает чёрный внедорожник с номерам другой области. Из машины выходят двое мужчин.

И чует моя пятая точка, что они из лиги не очень хороших парней. Как минимум, их наколки на пальцах рук говорят именно об этом.

— Морозова Ирина Сергеевна?

— Да, это я. — Осторожно отвечаю.

— Присаживайтесь, прокатимся. С вами хочет поговорить уважаемый человек. — Мужчина кивает на свой джип.

— Пусть этот человек приходит официально в мой офис в рабочее время, там и поговорим. — Настораживаюсь ещё больше я.

— Нет, он не может светиться. Нужна... как это... конфиденциальная консультация.

И судя по тону речь пойдёт совсем не о консультации.

С такими историями я ещё не сталкивалась. И как любой нормальный человек, пугаюсь этих амбалов и их беспредельных возможностей.

— Может позвонить в полицию? — Подаёт голос Анюта.

— Это кто? — Интересуется мужчина, сразу переключаясь на девушку.

Твою же мать! Только девчонку не хватало под удар подставить. Соображай, Морозова!

— Уборщица наша. Жаловалась на маленькую зарплату. — И уже Анюте. — Вы идите. Я сама разберусь. А про вашу зарплату завтра поговорим.

И выразительно смотрю ей в глаза.

Анюта замешкавшись всё же уходит. Минус одна проблема. Теперь надо спасаться самой.

— Присаживайтесь. — Повторяет, стоящий ближе всего ко мне, мужчина и открывает заднюю пассажирскую дверь.

— Нет. Я не хочу никуда с вами ехать. — Делаю маленький шаг назад. — Если вашему боссу нужно, пусть найдёт более людный и безопасный способ со мной побеседовать.

Но уйти не удаётся. Меня грубо хватают за предплечье и запихивают в машину.

— Что вы себе позволяете? Согласно статье сто двадцать шесть УК РФ, похищение человека наказывается лишением свободы до пяти лет. На нары захотелось?

Сердце от страха бьётся где-то в горле. Руки леденеют.

Меня толкают на кожаное сиденье и закрывают дверцу. Машина почти сразу трогается.

Внутри всё превращается в камень. Что бы эти амбалы не решили со мной сделать, мне с ними не справиться. Как же тогда быть?

Телефон.

Нащупываю в сумке телефон. Включаю экран, но набрать никого не успеваю.

В салоне включается слабая подсветка, и я сразу понимаю, почему до этого было так темно. Окна закрыты чёрными шторками.

А по левую руку рядом со мной сидит мужчина средних лет. Примерно моего возраста. Может на пару-тройку лет моложе.

— Я бы не стал на вашем месте никуда звонить, Ирина Сергеевна. Мы вас не похищаем. Просто покатаемся. Поговорим.

— Я согласия на разговор не давала. — Едва сдерживая дрожь в голосе, проговариваю я. — И кто вы такой?

Отвечаю, продолжая сжимать в ладони телефон.

Но у меня его вежливо забирают и отключают, кладя рядом на сиденье экраном вниз.

— Имя — Горинов Виталий Александрович — вам о чём-нибудь говорит?

Говорит. Ещё как говорит.

— Вы же должны быть в колонии. Отбывать срок, назначенный судом.

— А я сижу... для всех. — Улыбается мужчина. А улыбка и глаза злые. — Вы знаете, что все мужчины в одной робе и постриженные под ноль — на одно лицо. Подобрать похожего на меня было несложно. А за деньги люди согласны на что угодно. Даже чалиться весь срок за другого. Мне просто нельзя отсвечивать и пользоваться своими документами. А так, живу, как все.

И мне уже становится не по себе. Этот человек не знает границ. Не признаёт законов. Наказание для него лишь помеха, от которой легко отмахнуться.

— Что вам от меня нужно?

— Хочу вернуть жену.

— Я тут причем?

— Мне нужно, чтобы ты отыграла всё назад. Никакого развода.

Вот оно что...

— Ваша жена в своём праве. Ей ваше согласие не нужно. Закон на её стороне.

— Я для неё и закон, и судья. — Наклоняется ко мне Горинов, проговаривая слова с ненавистью в голосе.

— Если вас что-то не устраивает, обсуждайте с женой. Моё дело — подготовка документов и подача их в суд. Работа выполнена. Дальше от меня ничего не зависит.

— Очень хорошо. А где она?

— Что, простите?

— Где моя жена, Ирина Сергеевна? Вы-то уж должны знать.

— Понятия не имею. На встречу она сама приходила. А сейчас — откуда мне знать? В нашем общении нет нужды. Решение суда она получит на электронную почту. Это дело для меня закрыто.

— Вы же как её адвокат можете забрать заявление?

Могу. Но знать ему об этом необязательно.

— Не могу. У меня нет таких прав. Только заявитель. Я лишь оформила всё юридически грамотно. Моё дело маленькое.

— Вот, значит, как... — Спокойно произносит мужчина.

И стоит мне выдохнуть, как меня больно хватают за запястье.

— А ты красивая, Ирина Сергеевна. Интересно, дочка в тебя пошла? Если меня разведут, женюсь на твоей дочери.

— В-вы мне уг-грожаете? — Заикаясь, спрашиваю я.

— Предупреждаю.

— У вас слишком хлипкое положение, чтобы делать такие громкие заявления. Если со мной или моей семьёй что-то случится, вас найдут. И тогда срок увеличится. И подмену вам уже никто не обеспечит — дураков нет, чтобы свои насиженные места терять.

— Ты бы не рыпалась, адвокатша. — Хватает меня больно за запястье и силой наклоняет к себе.

— Отпустите.

— Найди способ вернуть всё назад. Иначе разговор будет не таким добрым...

— Документы в суде. Отозвать их может только ваша жена. А может суд откажет в разводе по какой-то причине.

— По какой?

— Откуда мне знать. Вам виднее, какие у вас могут быть нерешенные спорные вопросы.

Со слов Гориновой их нет. Надеюсь, мне удастся заболтать её мужа и дать себе время обдумать, как действовать.

— Выпустите меня.

— Да кто тебя держит?

И меня отпихивают, как ненужную вещь.

Рвано выдыхаю. Меня трясёт, как в лихорадке.

Мужчина отдаёт приказ водителю остановиться. И как только распахивается дверца с моей стороны, я хватаю телефон с сиденья и вываливаюсь из машины, унося поскорее ноги подальше от этих уголовников.

После нескольких поворотов оглядываюсь и, никого не увидев, стараюсь успокоиться. Но получается слабо. По щекам текут слёзы. Мне холодно, даже не смотря на тёплое пальто.

Меня высадили недалеко от моей квартиры. Остаётся пройти несколько домов, и я оказываюсь в нашем дворе.

Подниматься домой не спешу. Не хочу пугать девочек. Но Аню предупредить надо. Иду на детскую площадку. Уже темно. Двор пуст. Лишь уличные фонари откидывают тусклый свет на детские качели.

Сажусь на одну. Тихонько отталкиваю ногами, раскачивая себя. Достая из кармане телефон и включаю.

Сыпется куча пропущенных. Я на них даже не смотрю, сразу нахожу телефон Анюты.

Звонить не решаюсь, голосу своему я пока не доверяю.

Пишу сообщение: «Анют, я в порядке. Около дома. Скоро буду».

Набираю Горинову. Мне нужно понять, чего можно ожидать от её почти бывшего мужа. Но абонент, больше не абонент.

Закрываю глаза и утыкаюсь лбом в холодный металлический подвес, продолжая раскачиваться.

Нервы не к чёрту. Сейчас бы сигаретку.

Вообще я не курю, когда-то давно пробовала, и иногда балуюсь на пьяную голову, но сейчас адски хочется занять руки.

Роюсь в сумке, отыскивая на дне завалившуюся пачку дамских сигарет. Это запас на крайний случай. И сейчас он как раз наступил.

Откидываю крышку пачки. Там три сигаретки и зажигалка.

Достаю одну и прикуриваю.

Прикрываю глаза, запрокидывая голову вверх, затягиваюсь, пропуская в себя дым, и выдыхаю.

С непривычки слегка закашливаюсь. Но процесс немного приводит нервы в порядок. То ли самовнушение, то ли последовательность действий отвлекает от жутких мыслей. И уже в следующую секунду снова тяну сигарету ко рту, чтобы затянуться...

Но магическим способом она исчезает из моих пальцев.

Распахиваю глаза, чтобы понять, что происходит, а напротив меня стоит злое ЗЛО и тушит мою сигарету о стенку урны, выбрасывая в неё окурок.

— Я переживаю. А ты куришь? Здоровье гробишь? Ты не волнуйся, в старости болячки сами тебя найдут. Никто ещё здоровым на тот свет не отправлялся.

— Это чтобы стресс снять. Смотри. — Протягиваю руки вперёд. — Видишь? Руки дрожат. Мне надо успокоиться.

— Для этого есть другие способы. А вот этого, чтоб я больше не видел! Я не шучу, Ир!

Оставляю его указ без комментариев. Ну, вообще, я сама буду решать, что для меня лучше, а что хуже.

— И какую альтернативу ты имеешь в виду?

— Пошли.

Подводит меня к своему внедорожнику. Открывает пассажирскую дверь.

— Девочки переживают, наверное. Надо к ним пойти. — Смотрю на окна многоэтажки

выискивая свои.

— Нюты и Ленчика дома нет. — Спокойно говорит Зорин.

— А? — Перевожу взгляд на мужчину.

— Аня как мне отзвонилась, что тебя увезли неизвестные, так сразу забрала Ленчика и поехала к моим родителям. Пусть пока там побудут, а мы разберемся в ситуации.

И меня снова затапливает чувство благодарности к этому человеку.

Раз он рядом, значит я его чем-то заслужила? Выстрадала?

Сажусь в машину. Как только Лев устраивается за рулём, машина трогается.

— В бар поедем? Алкоголь предлагаешь? Ну давай. Только выбирай, который поближе.

Тараторю я, стараясь справиться с дрожью в теле.

Отходняк у меня знатный. Потрясывает не только руки. Всё тело ходуном ходит.

А Лёва молчит. Ведёт машину и молчит.

Ну не хочет разговаривать, ладно.

Включаю радио и печку со своей стороны на двадцать пять градусов.

Откидываюсь на сиденье и отворачиваюсь к окошку.

Унылый октябрьский вечер. Ветер. Жёлтые листья. В такой день хочется завернуться в плед, сварить какао и смотреть мелодраму.

А у меня тут триллер... Я какая-то неправильная. Или меня сверху кто-то наказывает? Вот что я делаю не так?

Лев привозит к многоэтажке. Паркуется во дворе, и выходит из машины.

К себе привёз?

Хм... Значит не алкоголь.

Выхожу следом за ним и иду к его подъезду.

Секс? Ну тоже хорошо для разрядки. И глядя на Лёву в лифте, понимаю, что с ним я на любой сценарий согласна.

Или предлагается и то, и другое?

Послушно следую за своим мужчиной. С ним мне не страшно. С ним хорошо.

Пусть будет так, как решил он. Сегодня я кроткая как никогда.

Приезжаем на лифте на девятый этаж. Лёва открывает дверь и пропускает меня в квартиру.

Разувается. Помогает раздеться мне. Провожает на кухню.

Сажусь за стол.

Значит сначала всё же алкоголь...

Лёва достаёт что-то из шкафа.

— Жрать охота — слона бы съел. С утра маковой росинки во рту не было. Чёрт бы побрал этот сезон ОРВИ.

Ставит передо мной большую тарелку. Высыпает на неё гречку.

— Помоги приготовить ужин. Ненавижу мусор в гречке. — И показывая пальцем на тарелку, внятно произносит. — Это. Надо. Перебрать.

И хорошо, что я сижу. А то бы офигевшая рухнула бы на пол.

А? Что?

— Я в душ. Скоро вернусь. — Припечатывает ЗЛО, выходя из комнаты.

А я сижу и хлопаю глазками, смотря на гречку и недоумеваю.

Алкоголь? Секс?

Ага! Наивная дура ты, Ирина Сергеевна!

У Зла свои методы...

Возвращаюсь после душа на кухню. Ира гречку уже варит в сотейнике. Кипит электрический чайник. На столе нарезка из свежих овощей.

Хозяйничает. И уже не трясётся. Ну, кажется терапия отвлечением внимания сработала. Осталось выяснить, что там у неё стряслось.

Я чуть не посидел, когда Нюта сообщила, что королеву запихали какие-то мужики в джип и увезли.

Поднял на уши знакомого следака. Начали пробивать камеры. Тёма мне ещё не отзвонился, что он там нарыл.

Выдохнул только после сообщения от дочери, что Ира рядом с домом.

А я уже был поблизости. После неудавшихся дозвонов хотел дождаться в её квартире. От вида плачущей любимой женщины на качелях хотелось всех повинных посадить на кол.

Подхожу к холодильнику. Достāju куриное филе, яйцо. Из шкафа — панировочные сухари. Отбиваю и солю мясо. Обжариваю на сковороде в панировке. И выкладываю всё на две тарелки.

— Садись. Будем ужинать. — Привлекаю внимание Иры.

Она усаживается за стол напротив меня. И вроде обычные действия совершает. Но на неё почему-то засматриваешься. Её плавные королевские движения завораживают.

— Интересная у тебя успокаивающая методика. — Ехидно замечает Ира.

— Работает на все сто. — Отвечаю ей в том же духе. — Мотай на ус, пока я добрый.

— Можешь описать её в научной работе. Я даже название могу подкинуть — «Золушка в шоке».

— Кстати, зря ёрничаешь. Между прочим, Золушка по тому и была такой доброй и спокойной, что ей приходилось перебирать тонны крупы. А так бы давно уже мачеху с сестрицами мордами об стол расхерачила.

Ира давится мясом, распахивая глаза, как у тюленя. Обожаю её реакции. Она избалована. Ей мало когда прилетает ответочка. Поэтому моим выпадам она искренне удивляется.

Привстаю и хлопаю её по спине.

Какие мы нежные...

Медленно поедаем ужин. Я наконец добрался до нормальной еды. Желудок сегодня уже готов был объявить бойкот от литров выпитого за день кофе.

Но, к счастью, сжалился и отложил месть.

Покончив с едой, веду королеву в гостиную. Включаю подсветку на потолке. Сажусь на диван и устраиваю Иру к себе на колени. Захватываю в свои объятия припечатывая спиной к своей груди.

Зарываюсь носом в волосы. Вдыхаю родной запах.

Всё, что нужно для отличного вечера после трудного рабочего дня.

— Рассказывай, Ир, кто это был и что им надо? — Шепчу в волосы королевы.

Ирина прижимается к моей щеке лицом. Зажмуривается. Жду. И только спустя несколько долгих минут решается поделиться:

— Это муж клиентки, которая подала через меня на развод. Дело было простое. Он в колонии. Она решила развестись. Детей нет. Заявление в суд, и пожалуйста.

Беспроигрышный вариант, даже если супруг против. Но мне с самого начала показалось странным, что она всё делала через меня. Даже доверенность не поленилась оформить, только бы всё сделать чужими руками. А теперь кусочки головоломки складываются.

— И зачем?

— Чтобы дать себе время исчезнуть.

— Получилось?

— Кажется, да. Он её найти не может. Я тоже не дозвонилась.

— Подожди, а он же в колонии. Ты же сама сказала.

— За него сидит подсадная утка. За деньги.

— Даже так?

— Да, бывает и так.

— И что ему надо?

— Отменить развод.

— Хм...

Очень надо поговорить с Тёмой. Посоветоваться, как быть.

— А когда по ним решение будет выноситься?

— Послезавтра.

— Боишься?

— Он сказал, если его разведут, то он женится на моей дочери. Я его боюсь. Он чувствует свою безнаказанность. Что у него на уме, никто не знает. Если Ленка пострадает, я себе не прощу. Это прямая угроза, Лёв. Мне начальнику надо сообщить.

— Иди звони. Я тоже кое с кем побеседую.

Расходимся с Ирой в разные комнаты, чтобы не перебивать друг друга. Созваниваемся с нужными людьми.

Тёма даёт совет увезти Иру куда-нибудь на недельку.

Ну и как мне это организовать? При моей работе и таком аврале в клинике, почти нереально.

Как только Ира возвращается, провожаю её в спальню. Даю выпить успокаивающее. Раздеваю её и себя, оставляя на нас лишь бельё.

Ложусь рядом, обняв крепко-крепко.

Глажу восхитительное тело. Соскучился, жуть! Я обычно спокоен, как удав, но эту рысь хочется завалить и зацеловать... со всеми вытекающими...

Опускаюсь ладонями к её животу. Тут будет развиваться наш малыш. И я в этом уже уверен. Поэтому гробить здоровье ей не позволю.

Какие нахрен сигареты! Удумала!

Пытаюсь помочь ей расслабиться и уснуть, но у Иры на этот счёт совсем другие планы.

Она властно впивается в мои губы. Остервенело стягивает с нас оставшееся бельё. Толкает меня на спину, восседая сверху.

И не тратя время на прелюдии вбирает меня целиком. Практически в сухую.

Морщится, но продолжает двигаться на мне.

Идиотка!

Мне её гнев понятен. Такая, как Ира, не привыкла быть жертвой, которую загоняют в угол.

И сейчас в ней борются два разных человека: мать, обожающая свою дочь, и адвокат, помогающий женщинам в беде.

Она не может выбрать. Не понимает, как поступить правильно. Битва не на жизнь, а на смерть.

Эмоции сжигают её изнутри. Рвутся наружу.

Она насаживается на меня с остервенением. Рычит, не достигая нужной высоты. Царапается.

Сама не понимает, как противоречивые мысли в голове мешают получить удовольствие от секса. Не дают расслабиться и отключиться.

И я, не выдерживая этой агонии, одной рукой хватаю её за горло слегка придушивая, а другой — припечатываю бёдра, направляя так, как нужно, чтобы ей было приятно.

Ира от моих действий перестаёт трепыхаться. Словно затаившаяся в тисках птица. Позволяет вести, смотря мне доверчиво в глаза.

Устала бороться в одиночку. Оно и понятно.

— Отключайся от проблем. Не думай ни о чём. — Командую я. — Давай со мной. Чувствуй. Смотри на меня.

И она поддаётся. Не сразу, но поддаётся.

— Я рядом. Я внутри. Чувствуешь?

Всхлипывает... с протестом.

Но сдаётся...

Я ощущаю увеличивающуюся влагу между нам. Вот так это должно быть.

Пусть даже грубо, если хочет... но в удовольствие...

И доведя Иру до нужной стадии возбуждения, начинаю разгон...

Сам задавая темп...

Не приподнимаю её, а направляю вперёд-назад... вперёд-назад... а затем по кругу...

Глубже...

Быстрее...

Женщина срывается в стон откидываясь слегка назад и высвобождая горло. Облокачивается руками на мои бёдра и продолжает заданные мною движения.

Вперёд-назад... вперёд-назад... по кругу...

Не смотря на желание скорее зафиналить... не смотря на стекающий по вискам пот...

Вперёд-назад... вперёд-назад... по кругу...

Ещё раз... и ещё...

И как только она срывается в оргазм и падает мне на грудь, отпускаю себя, и после парочки резких фрикций кончаю...

На следующий день Лёва отвозит меня в контору.

Утром мы созваниваемся с девочками с Зоринского телефона на Анютин. Мой и Ленкин решили пока отключить. Мало ли какие у этих людей возможности, и кто им помогает.

У девочек всё прекрасно. Родители Лёвы приняли внучку и её подружку с распростёртыми объятиями. Они празднуют незапланированные каникулы.

Как только подъезжаем к работе, разворачиваюсь к своему мужчине и целую его в губы.

— Спасибо, что подвёз. Обрато я на своей.

— Нет. — Безапелляционно заявляет Лёва. — Пока ситуация не прояснится, будешь ездить со мной.

— Но...

— Я сказал — нет!

И я понимаю, что если хочу построить с ним отношения, то мне придётся заткнуть «мужика в юбке» внутри себя, который всё время прёт впереди паровоза.

Сложно. Практически нереализуемо. Но я давлю на горло своему внутреннему демону и торможу порыв сопротивляться мужскому лидерству.

Больше не споря, выхожу из машины и удивлённо наблюдаю, как Лёва делает то же самое.

Подходит ко мне и приобняв за талию ведёт к зданию.

Мы вместе поднимаемся на мой этаж. Я направляюсь не к себе в кабинет, а сразу к начальству на ковёр. Так мы договорились вчера по телефону.

Лёва за мной.

— Ты и к начальнику со мной пойдёшь? — Едко спрашиваю, слегка притормаживая и поворачиваясь к нему.

— Обязательно. — И даже ни капли юмора в голосе.

Держите меня трое! Ну куда это годится?

Заходим вместе в кабинет. И Лёва не дожидаясь представления, сам обрисовывает положение дел и как он видит их решение моему начальнику, Максиму Леонидовичу.

Мне остаётся только слушать и поддакивать. Хотя можно и без последнего обойтись, так как на меня всё равно никто не обращает внимания. Мужчины всё решают между собой.

— Доказать мы пока ничего не можем. Ты же понимаешь, Ир. Кроме тебя Горинова больше никто не видел. Твоё слово против его... — Поясняет мой босс, наконец взглянув на меня и разводя руки в стороны. — А те, кто ему помог «избежать» отсидку срока, обеспечат и железными алиби. Никто не захочет терять свою работу. Тем более, если там прикормлено.

— И что это значит? Под ударом моя дочь.

— Тебе лучше и правда на время уехать. И дочери твоей тоже. Тут я согласен с твоим... эм-м... другом.

— Вот и прекрасно. Все согласны. Уезжаем. — Хлопает ладонями по столу Лёва, как бы ставя точку в дискуссии и нетерпеливо встаёт.

— Подожди. А как же мои клиенты? Текущие дела?

— Я пока возьму их на себя. Часть раскидаю по другим юристам. Недельку-другую

продержимся. А там вернешься в строй. — Успокаивает Максим Леонидович.

Я лишь молча захопываю рот. Мой голос в меньшинстве.

Лёва, подхватывая под локоть, выводит меня из кабинета начальника и снова усаживает в свою машину.

— А как же моя машина? Так и будет здесь стоять? Может к дому отогнать?

— Тёма попросил её не трогать. Будут за ней следить. Вдруг ею заинтересуются, если не найдут тебя. И отдай мне ключи, пожалуйста. Это для дела.

Отдаю ключи и документы на машину своему мужчине. Съезживаюсь на сиденье. Всё это нехило бьёт по нервам. И то, что Ленусик не со мной, меня раздражает. Пока не вижу дочь, мне всё время кажется, что она в опасности.

— Может девочек заберем? — Начинаю я несмело.

— Нет. Если тебя всё же найдут, лучше, чтобы Лена была в другом месте.

А мне даже страшно представить такой исход.

Я хоть и кручусь в этой системе, хоть и стараюсь быть железной и непробиваемой, но внутри я всего лишь женщина...

Как не крути...

Мне тоже бывает страшно...

Но ради дочери надо держаться. Взять себя в руки.

Смирюсь с тем, что Лёва отвезёт меня в безопасное место, известное только ему.

Заезжаем на его работу. Лёва снова меня куда-то ведёт. Перед глазами мельтешат незнакомые люди в медицинской одежде. На меня смотрят с удивлением.

Да уж, сплетен теперь будет про заведующего на месяцы вперёд.

Передо мной открывается услужливо дверь. Захожу в кабинет. Лёва усаживает меня в свое кресло за столом. Наливает чай и достаёт коробку «птичьего молока».

— Откуда? — Удивлённо взираю на любимые сладости.

Неужели для меня купил? Мило...

Сердце от такого жеста готово растаять. Открываю коробку, разворачиваю конфету, но успеваю только донести её до рта, как потрясённо застываю от откровений ЗЛа.

— Пустил слух по отделению, что заведующий любит именно эти конфеты. Теперь мне дарят только такие. — Спокойно поясняет мужчина, не замечая моего ошарашенного вида. — Пациенты всё равно будут носить, а так хоть убьём сразу двух зайцев: мне — экономия, тебе — приятно.

Вот ЗЛО... это просто ЗЛО...

Слов нет — одни эмоции.

Закидываю всё же конфету в рот — она же не виновата. И тушу в себе разгорающийся пожар возмущения. Толстокожее чудовище! Как можно одновременно испытывать к нему и тягу, и ненависть?

Невыносимый!

А Лев преспокойно отправляется решать самые экстренные вопросы.

Я поедаю подаренные сладости и отпаиваюсь чаем.

А через час мы снова в пути.

И меня с новой силой охватывает беспокойство. Мысли так и крутятся вокруг создавшейся ситуации... и моей беспомощности.

Мужчина видя мою нервозность, включает радио, из которого рвутся слова песни, разряжая напряжённую обстановку:

«...Хотела на Канары, а везу тебя за МКАД.

Холодный, как Россия. Красивый, холостой...»*

И меня разбирает истеричный хохот. Лёва снисходительно улыбается.

Как в тему...

Я начинаю двигаться под музыку, насколько позволяет ремень безопасности, и подпевать исполнителю.

Эту песню обожают Ленусик. Постоянно с подружками её крутят на повторе, когда собираются у нас дома. Поэтому слова уже въелись в подкорку.

Музыка расслабляет...

Удивляюсь себе, чего я так себя накрутила.

Не позволю выбить себя из колеи. Пупок развяжется! Человек, который проигрывает, сдаётся сначала внутри. А я не хочу. Я буду бороться!

Долго едем по трассе. Потом по узкой дороге сквозь лес, сменяющийся полями. Проходит два часа. А мне кажется, что целый день.

На подъезде в незнакомый населенный пункт Лёва сворачивает к магазину.

Снова берёт меня за руку и ведёт за покупками. Судя по объёму купленных продуктов, меня собираются спрятать надолго.

А в глубине души просыпается ирония: кому суд вынес приговор, тот ходит на свободе, а я, ни в чём невиноватая, буду сидеть взаперти.

Закидываем сумки в багажник и отправляемся дальше.

Через полчаса съезжаем с асфальта на бездорожье. Дорога засыпана лишь щебнем. На асфальт, видимо, денег уже не хватило. Не грязь, и уже хорошо.

Впереди виднеется какая-то деревня.

Трясаясь на кочках, подъезжаем к одному из домов.

Деревянное строение. Покрашено совсем недавно. Вокруг ни души.

Богом забытое место...

Выхожу из машины. Оглядываюсь вокруг.

Поблизости леса нет. Если меня найдут, даже бежать некуда. Разве только к соседям.

Но не факт, что они откроют и помогут. Обычно незнакомых людей сторонятся.

И мне тут придётся остаться одной. Делаю глубокий вдох.

Страшно, капец!

Но гордость жаловаться не позволяет.

Лёва мне даже машину не сможет оставить, иначе как вообще доберётся до города обратно.

Мужчина молча достаёт пакеты из багажника и идёт открывать дверь.

Проходит первым сразу на кухню. Ставит на стол наши покупки.

Идёт в какую-то тёмную коморку в коридоре. И через несколько минут включается свет.

— Так. Воду, электричество и газ я включил. Отопление прибавил. Скоро тут станет теплее.

А потом... не прощаясь, выходит на улицу.

Неужели вот так и уедет?

Семеню, как бедная родственница, за ним.

Он берёт из багажника ещё какие-то вещи и, видя меня на крыльце, рычит:

— В дом, Ира! Греться! Нечего задницу морозить!

Тут же сбегаю внутрь дома. А как не сбежать? От злого рычащего льва любой сбежит...

Прохаживаюсь по комнатам. Тут целых три спальни. Огромная гостиная совмещённая с кухней.

Мебель недорогая, но новая. Стены обиты резными деревянными панелями. Чисто, красиво, уютно.

Устраиваюсь скромно на диване, складывая руки на коленях.

Это теперь моё убежище на несколько дней. А может недель?

Чёрт! Скорее бы всё закончилось!

Лёва проносит вещи в одну из спален. Потом идёт на кухню и копошится там. Нас разделяет кухонный островок. Мужчина стоит ко мне спиной. Я не вижу, что он там делает. Но зачарованно смотрю на ходящие ходуном мышцы спины.

Через некоторое время по дому разносится дразнящий аромат, Лёва расставляет еду на обеденном столе, что стоит у широкого окна с видом на реку.

— Идём обедать.

— Ты не торопишься вернуться в клинику?

— Нет. Сегодня с больничного вышел коллега. Он прикроет.

Незаметно с облегчением выдыхаю. Хотя бы чуть-чуть побуду не одна.

Молча съедаем приготовленное им блюдо — макароны с тушенкой. В качестве салата — лечо из зимних заготовок.

— Ты уверен, что Лена в безопасности у твоих родителей?

— Да. О её месте нахождения знаем только мы. Её никто не станет там искать. Про меня, кроме твоего начальника и бывшего, никто пока ещё не в курсе. Это нам на руку.

Лёва встаёт и относит посуду в раковину, сразу начиная мыть.

Чувствую себя лентяйкой. Я не привыкла, чтобы мужчина обо мне так заботился.

Обычно я всё сама...

После обеда мы смотрим с ним старую комедию в обнимку. Нам так уютно, что хочется попросить его остаться. Но я не позволяю себе такие вольности.

Он и так сделал для меня очень много. Другой бы на его месте даже не стал морочиться. А бывший бы первый слинял подальше, поджимая хвост.

Когда он запролаживает в одной из спален постель и надевает наволочки на две подушки для нас обоих, моё настроение поднимается ещё выше.

Ночь! У нас есть ещё ночь!

После душа, устраиваясь у Лёвы на плече, решаюсь всё же спросить:

— Когда тебе надо обратно?

— В смысле — когда? Ир, пока этого мудака не поймают, я буду с тобой. Как муж декабристки, буду портить тебе ссылку. Когда Тёма даст добро, вместе вернёмся в город. Так что придётся потерпеть.

И я не могу сказать ни слова. В горле ком, который проглотить не получается. В глазах щиплет.

Терпеть? О чём он?

Я лишь крепче обнимаю своё самое лучшее ЗЛО на свете. Бесценное. Родное.

О лучшем отдыхе я и не мечтал. В тишине, вдали от городской суеты, один на один со своей женщиной.

Пока Горинова ищут, у меня появляется время приручить свою кошечку к себе.

Отсюда ей меня не выгнать и самой не уйти. Идеальные условия для совместной притирки.

Даже если разругаемся в хлам, всё равно остывшие пересечёмся за обеденным столом.

Утром заставляю Иру выходить со мной на пробежку и делать упражнения. Завтраки и обеды готовим всегда вместе. Днём небольшой отдых. После обеда прогулка у реки.

Для разнообразия в ход идут даже настольные игры, привезённые на дачу моими родителями, чтобы развлекать Нюту на каникулах, когда мне приходилось вкалывать в поте лица.

Всё, как в лучшем санатории.

Здесь вся обстановка способствует больше времени проводить на свежем воздухе. Сидеть в доме изо дня в день становится просто скучно.

Поэтому королева легко соглашается с установленным мной порядком.

— Ты даже не споришь? — На всякий случай уточняю я.

— Нет. — Спокойно отвечает Ира.

— Что это вдруг с тобой?

— Ты мне клизмой угрожал. Я впечатлилась. Буду ниже травы, тише воды. — Иронизирует королева.

Улыбаюсь. Язва...

— Как легко вас прижать к стенке, Ирина Сергеевна.

— Против клизмы сложно что-то противопоставить. Звучит действительно устрашающе.

Наши ночи особенно меня радуют. Никто не мешает. Не появляется, как чёрт из табакерки.

Мы медленно узнаём друг друга. Наслаждаемся атмосферой счастья, что витает в воздухе. И хоть оба понимаем, что это лишь временное затишье перед дальнейшими неожиданностями судьбы, но стараемся взять от паузы по максимуму.

Созваниваясь с Тёмой, понимаю, что поймать и прижать Горинова им не удаётся. За офисом и домом Иры ведётся наблюдение.

На днях какие-то подростки нацарапали на капоте её машины нецензурные слова. Люди Тёмыча их скрутили, но на допросе они ничего вразумительного не сказали. Какой-то дяденька за хорошую пачку денег попросил нацарапать какую-то ерунду. Какой дяденька? Зачем? Им фиолетово. Бабло отвалил, и ладно.

Откуда ветер дует — понятно. Но опять получаются лишь наши догадки. А их к делу не пришьешь.

Закрывать малолеток не стали. Отпустили. Ире я ничего не сказал. Она только стала успокаиваться. День, когда по Гориновым должен был состояться суд, прошёл. Из развели. Её начальник подтвердил.

На коллегу, заменившего Иру, никто не выходил.

Всё тихо.

На днях Тёма должен подобрать среди своих сотрудниц ту, что визуально похожа на мою королеву. Она покатается по привычным для адвоката местам на машине Иришки, чтобы подразнить тигра.

Пока ждём новостей, налаживаю контакт со своей дикой несговорчивой рысью.

Приучаю к совместной готовке. Расслабляю натиранием спинки в душе.

Но натура Иры нет-нет, да сопротивляется.

Утром бужу её привычно на пробежку. Она отмахивается. Но моей настойчивости сопротивляться сложно.

Сонная... Тёплая... Гибкая... Такая домашняя...

Помогаю собраться. Веду к двери. Но звонок на моём телефоне путает все мои карты. Звонит Нюта. Просит передать трубку Ире. С ней хочет поболтать Лена.

И моя королева съезжает с пробежки под благовидным предлогом, показывая мне язык и убегаю снова в спальню.

По опыту знаю, что это надолго. Пожалуй, самое сложное для женщин — это оторваться безболезненно от телефона.

Ладно...

Иду один. Дав необходимую нагрузку организму с последующими дыхательными упражнениями, возвращаюсь в дом.

Направляюсь сразу в душ. На встречу мне идёт радостная Ира.

Весело тебе? Кинула меня, засранка?

Мимоходом залепляю ей ладонью по заднице и рычу:

— Завтрак мне приготовь, лентяйка. Сытный.

И вижу в бушующих искрах её кошачьих глаз предвкушение возмездия. Ну невозможно прожить без этих искр. Это будет уже не рысь, а домашняя кошечка. Поэтому держу её в тонусе, время от времени аккуратно поглаживая против шерсти. И с наслаждением наблюдая, как эта самая шерсть встаёт дыбом.

Ну прелесть же! Надо было пойти в дрессировщики.

В приподнятом настроении принимаю душ. Заворачиваю вокруг пояса полотенце. Возвращаюсь на кухню.

Я уже предвкушаю, что же мне приготовила моя строптивая королева.

А то, что она «приготовила», я даже не сомневаюсь. Она игривая и падкая на провокации, как любая из семейства кошачьих.

Захожу в столовую. Сажусь за стол.

— Надеюсь завтрак будет с мясом? — С надеждой спрашиваю я.

Я дяденька большой и питаюсь много. И завтрак для меня важнее любого другого приёма пищи.

— Конечно. — И что-то в её голосе меня настораживает. Пытаюсь сдержать улыбку.

Предсказуемые нотки в голосе.

Ира наигранно важно подаёт мне тарелку и заявляет, как официант:

— Овсянка, сыр, маленькая птица отряда воробьиных. Перемолотая... чтобы вам было легче жевать... возраст — это вам не шутки...

В тарелке овсяная каша. Терпеть эти сопли не могу. Я лучше ещё раз пробежусь, чем запихну в себя эту пакость, будь она хоть трижды полезной.

Зараза! Специально сделала. Знает, что ненавижу из завтраков именно этот. Но я бы удивился, если бы королева меня послушалась.

Поэтому улыбка выходит сама собой.

— А сама чего не ешь? — Знаю, она тоже её не любит.

— Ммм... так я уже сыта по горло... — Опирается попой о столешницу рядом с раковиной. — Ты знаешь, я начинаю серьёзно задумываться над твоим предложением выйти замуж.

— Чего вдруг?

— Нашла один плюс — на пенсии будет кому стакан воды в морду плеснуть.

— Чудненько. Скучать нам с тобой точно не придётся. Я тебя буду веселить, ты меня — умывать. — И ржу над этой перспективой.

Кто-кто, а королева точно плеснёт.

Встаю из-за стола и иду молча к варочной панели.

Нарезаю докторскую колбасу кусочками. Выкладываю на сковородку и разбиваю четыре яйца.

Ира стоит рядом и рисует ногтем по моей голой спине. У меня от её прикосновений волосы на теле встают дыбом. А полотенце на бёдрах нескромно топорщится.

Провокаторша...

Слегка не доводя яичницу до готовности, выключаю конфорку.

Резко разворачиваюсь, перехватываю женщину и нежно укладываю её на стол спиной.

Она лишь в длинной бесформенной футболке и трусиках.

Ныряю пальцами под кружевной кусочек ткани. Мокрая...

Вся для меня! Готовая... ласковая... игривая...

Стягиваю трусики. Придвигаюсь к своей добыче, попутно задирая её футболку и открывая взору соблазнительную картину.

Её вкус и стоны все эти одинокие ночи в размолвке мне снились. И сейчас мне хочется наверстать упущенное.

Ира ловким движением ноги подцепляет узел на поясе, и полотенце падает на пол.

Мои руки добираются до её упругой груди. Наклоняюсь и впиваюсь в сосок ртом, одновременно подаваясь одним мощным движением в неё.

Королева со стоном прогибается в спинке. Настоящая кошка...

Хватает меня за волосы, прижимая сильнее к груди, и тянется бёдрами на встречу.

Пытаюсь выбраться из захвата, но куда уж там...

Эта хищница уже вошла во вкус...

Стараясь перехватить инициативу, буквально натягивает меня на себя. Ну просто напрашивается на наказание.

Прикусываю сосок зубами...

Но она лишь стонет и сильнее впивается в мою шевелюру, царапая ногтями кожу головы.

Зажимаю руками её запястья, но Ира сопротивляется...

Немного поборовшись с ней, меняю тактику.

От такого беспредела резко выхожу и снова вхожу в неё на всю длину, вырывая вскрик.

Ещё раз... Резко... Сбивая ритм и нарастающее удовольствие...

Её глаза закатываются...

Тело подрагивает...

Руки расслабляются...

И как только мои волосы оказываются на свободе, отстраняюсь, снимаю женщину со

стола, и развернув к себе спиной, кладу обратно животом, прижимая для надёжности рукой.

Второй шлёпаю по попе, чтобы знала наших.

Королевна не успевает возмутиться, так как я тут же оказываюсь в горячей бархатной глубине. До самого основания...

И уже вколачиваюсь в неё, не сдерживая себя.

Она уплывает, забыв напрочь об инициативе и лидерстве.

Я веду, она следует...

Захватываю её запястья, заводя за спину и сцепляя одной рукой.

Чтобы без шалостей мне...

И хоть она в первый момент против, но всё же ей нравится. Она ловит кайф. Растворяется в нашем безумстве.

— Какая же ты сволочь... — Вырывается из неё томно.

Наклоняюсь к её плечу, кусая за лопатку.

— Всегда им был...

Здесь нет победителей. В этой борьбе выигрывают оба.

Доходя до пика одновременно...

Жарко... Потно... Сбиваясь с дыхания...

Кусаясь... Царапаясь... Извиваясь...

Но так горячо, что можно сгореть дотла...

Я наслаждаюсь каждым днём, проведённым с Лёвой в изолированном одиночестве.

И, наверное, это именно тот показатель, на который многие обращают внимание при выборе своего партнёра на всю жизнь. Если так, то мой человек нашёлся.

Мне с ним и жарко, и остро, и хорошо...

Пожалуй, это первый представитель мужской фауны, от которого меня не тошнит на второй день.

Его присутствие рядом дополняет и даёт уверенность в будущем, спокойствие в настоящем, забытьё в прошлом.

С ним хочется просто дурачиться, смеяться, троллить, быть самой собой. Иногда резкой, иногда неудобно молчаливой, а порой по-хамски борзой.

Но прижать себя ногтем Зорин не позволяет. Всегда одёргивает, когда оказываюсь на самом краю, не давая сорваться в пропасть негатива и непонимания.

Он словно тонкий кукловод, показывает, как будет правильно и приемлемо для нас двоих существовать рядом. Так, чтобы было удобно и уютно.

Он находит нужные инструменты воздействия, верные рычаги давления. Отсеивая корявое и уродливое. И привнося что-то своё особенное.

С ним любое общение превращается в игру или поединок на остроты.

Мы сами не замечаем, как втягиваемся в этот сценарий по любому поводу.

И если со стороны наши отношения кажутся не очень здоровыми, то нам как раз очень комфортно. А на мнение других уже давно наплевать с высокой колокольни.

Мы достигли того возраста, когда ценится то, что дарит тебе радость и заряжает позитивом на день. А не то, что про это скажут другие, если вдруг увидят и осудят, не поняв мотивы.

Находим счастье там, где его никто не видит. Не в подвигах и показных поступках, а в отношении к тебе и заботе к твоим детям. Не в высоких зарплатах, а в желании ради тебя накопить и потратить.

С ним оказывается легко строить планы, мечтать о несбыточном, спорить о насущном и даже ругаться по нелепому поводу.

Я ловлю каждое его слово, повторяю про себя шутки, копирую жесты. Он стал неотъемлемой частью меня.

Я даже подумать не могла, что такое возможно. Мне казалось, не родилось на свете того мужчины, что мог не только вытерпеть меня, но и свободно жить рядом, занимаясь совместно бытом.

Я была уверена, что полюбить мою дочь так, как я, больше никто не в состоянии. Кому нужны чужие дети? Никому. Своих проблем всегда оказывается выше предельной черты.

Мы так совпали, что другие мужчины воспринимаются мной, как нечто инородное в этом мире... второй сорт.

Они всегда чем-то не дотягивают до идеала.

Зорин задал очень высокую планку. На нём словно стоит клеймо высшего качества, а на другое смотреть даже не хочется.

Он меня чем-то опоил, гад!

Не может нормальная женщина думать так о мужчине. Идеальных не бывает. Было бы

глупо в это поверить и обманываться на протяжении жизни.

Но даже изъяны и недостатки Зорина зачастую поворачиваются его достоинствами. Он их так бесстрашно и гордо выпячивает, что создаётся впечатление, что норма — это как раз поведение Зорина, а все остальные действуют против принятых правил.

Иногда мне даже хочется перенять это его умение.

Нет, я никогда не страдала неуверенностью. Даже наоборот. Всегда знала, какое я создаю впечатление. И я этим пользовалась. Преимущественно для работы.

А вот в личном перебороть свою значимость и самонадеянность было слишком сложно... до появления своего личного ЗЛа.

Он, как та самая специя, без которой блюду не доставало вкуса.

Мой секретный ингредиент женского счастья.

Он так набаловал меня своим вниманием, что проснувшись однажды ночью на его даче совсем одна, я теряюсь и не знаю, что и подумать.

Как воспринимать это его исчезновение без предупреждения?

Не включая свет, обхожу все комнаты... пусто.

Выпиваю стакан воды, чтобы затопить панику, что так и пытается вырваться наружу.

Выглядываю в окно, хотя уже заранее знаю, что там увижу. Машины Зорина на парковочном месте нет. Лишь уныло завывает ветер, пригибая деревья то в одну сторону, то в другую.

Он уехал...

И хоть понимаю, что скорее всего у него была веская причина, но чувство брошенности прогнать не получается.

Мог бы хоть записку оставить...

Возвращаюсь в спальню. Укутываюсь в одеяло. Выстукиваю зубами даже мне непонятный ритм.

А вдруг с ним что-нибудь случилось? А у меня даже телефона нет. И пешком отсюда до нашего города пилить и пилить. За неделю не дойдешь.

И как по всем законам ужасика, я слышу вдали жуткий треск и грохот по крыше, где-то в дальней части дома.

Сердце подскакивает к горлу.

Я одна в запертом доме. Если меня нашёл Горинов и его люди — мне конец.

И есть лишь одна хорошая новость — здесь нет моей дочери.

Встаю тихонечко с кровати и на носочках пытаюсь прокрасться на кухню. Босые ноги с глухими шлепками стучат по деревянному полу. Но я слышу только стук своего сердца.

Добираюсь до заветного островка. Нахожу безошибочно шкафчик с утварью. Достаю сковородку.

Вооружившись, чувствую себя немножко увереннее.

Прохожу к дивану и устраиваюсь на нём поудобнее, повернувшись лицом к двери. По-другому в дом не попасть. Если кто-то попытается ворваться, мимо меня не пройдет.

В темноте вздрагиваю от играющих теней по полу и стенам, что создают качающиеся деревья за окнами.

Сегодня ожил мой самый страшный детский кошмар. Я одна дома. За окном бушует непогода. Снаружи доносятся ужасные пугающие звуки.

Вот только я уже не маленькая девочка, а взрослая тётка, у которой уже почти взрослая дочь. Отгоняю все лишние в данный момент образы из головы. Пытаюсь мыслить

рационально и логично.

Дождь. Ветер. Никакого движа снаружи не наблюдается. Просто испугалась стука ветки об крышу.

Взрослые такого не боятся! Не боятся же?

Нет, конечно.

Но на всякий случай поджимаю босые ноги под себя. На спинке дивана лежит свитер Лёвы. Его вещи всё время где-нибудь лежат, только не на своих местах.

Натягиваю свитер прямо на сорочку и поджатые ноги. Сковородку из руки стараюсь не выпускать.

Но мерный звук дождя по окну и завывания ветра сводят мою воинственность к нулю.

Я постепенно сворачиваюсь калачиком, примостившись щекой к подлокотнику и холодному металлу.

Сон всё же побеждает страх. Так оно и понятно, чего тут бояться? Просто испугалась резкого шума. Бывает.

Но рукоятку своего «орудия» сжимаю покрепче, проверяя не выронила ли я его.

И успокоившись погружаюсь в забытье...

Уже ближе к полуночи мне приходит сообщение, что девушка, выдающая себя за Иру, попала на её машине в аварию. Не без помощи людей Горинова. Машина восстановлению не подлежит.

Тихо выбравшись из-под одеяла и Ириной руки, выхожу в гостиную.

Набираю Тёму.

— Его поймали? — Без приветствий спрашиваю я, как только слышу глухое «Слушаю!»

— Нет. Ушли.

— Камеры?

— Без зацепок. Выбран участок без камер. Наши пасли и видели слежку, но на какое-то время потеряли машину Морозовой из виду. В этот самый момент всё и случилось.

— Твою ж мать!

— Ага. Мне ещё завтра на ковёр. Отчитываться начальству. Сотрудник пострадал. Кстати, к тебе отвезли, чтоб её эти гниды в клинике не достали.

— Сильно пострадала?

— Жить будет. Она обучена. Проходила курсы экстремального вождения. Но всё же на несколько месяцев её вывели из строя.

— И что теперь?

— Не знаю, Лев. Пока не знаю. Но Ире твоей лучше не высовываться. Уж больно жёсткая игра началась.

Завершив разговор, застываю с телефоном в руках, смотря на разбушевавшуюся непогоду за окном.

Перспективы вырисовываются не очень красивые. Тёма с ситуацией явно не справляется. Поселиться тут навечно — тоже не вариант. Нужно что-то срочно придумать.

У меня есть один туз в рукаве. Вот только воспользоваться им означает продать душу дьяволу. К чему я не был готов до сегодняшнего дня. Но, похоже, без жертв не обойтись.

Нужно ставить точку в этом деле. И закон, к сожалению, нам тут не помощник. Поэтому будем действовать вне закона.

Действую быстро и решительно. Не даю себе даже секунды на передумать.

Одеваюсь. Хватаю ключи от машины. Невесомо целую Иру в макушку. Она сонно тянется руками на встречу и обнимает подушку, устраиваясь поудобнее.

И мне очень хочется оказаться сейчас на месте этой подушки, но дело не терпит. Если смотаться сейчас в город, то к утру как раз вернусь. Королевна даже не заметит моего отсутствия.

Закрываю двери. Сажусь в машину. Прогреваю движок и трогаюсь с места. В город.

Через пару часов оказываюсь у запасного входа в свою клинику.

Выхожу и набираю коллегу, который, если верить общему чату в мессенджере, сегодня должен дежурить.

Выясняю у него, в какой палате лежит сотрудник полиции. Вряд ли их сейчас много в нашем отделении. Обхожусь без имён.

Поднимаюсь сразу же на нужный этаж, минуя свой кабинет и ординаторскую. Тихо здороваюсь с дежурной медсестрой на посту.

У палаты охрана. Показываю документы. Мужчина отходит в сторону.

Перед самой дверью на секунду застываю. Сам не знаю, почему. Ведь понимаю, что Ира в порядке. Сейчас на моей даче. Вдали от этого беспредела. И здесь совсем чужой мне человек. Но всё равно сердце сбивается с ритма, выдавая неожиданные помехи.

Вхожу в палату и застываю около кровати с пациенткой. Она почти вся забинтована. Одна нога в подвесе.

И для меня, хирурга со стажем, сразу становится понятно, что женщину в аварии потрепало знатно, не смотря на её навыки опасного вождения.

А ещё я понимаю, что будь на её месте Ира, ей бы так вряд ли повезло. Скорее всего всё закончилось бы летальным исходом.

Подхожу ближе, нащупываю ладонь девушки и легонько сжимаю в знак благодарности, что взяла удар на себя, отведя опасность от моей любимой женщины.

Пациентка спит. На моё пожатие не реагирует. И я незаметно выхожу из палаты, стирая холодный пот со лба.

После увиденного ещё сильнее убеждаюсь, что других вариантов, кроме как обращения к «дьяволу», не остаётся. Что эти люди придумают в следующий раз, проверять не хочется.

Выхожу из клиники так же решительно и молниеносно, как и появился.

Сажусь в машину и топлю в сторону своего дома. В квартиру забегаю на пару минут, чтобы найти «ту самую» визитку. Нахожу с трудом. Уже и не думал, что когда-нибудь понадобится. Но судьба, сука, непредсказуемая штука. Иной раз так выстроит путь, что свернуть не получается. И вроде видишь — вот он поворот — а руль заклинило. И ты летишь по прямой. Куда совсем не собирался, но в данный момент ничего другого не остаётся. И уже не до принципов и законов. Тут бы выжить...

И снова еду по ночному городу. По дороге в элитный посёлок набираю на телефоне заветный номер с визитки.

Долгие длинные гудки...

За окнами темень. Очертания зданий видны выборочно кусками, кода на них падает свет фар. Поэтому от гудков, что раздаются в салоне автомобиля через бортовой компьютер, полное ощущение нереальности. Словно и правда в канцелярию ада звоню.

На пятый гудок всё же снимают трубку.

— Слушаю.

— Доброй ночи, Арсений Эльдарович. Это Зорин вас беспокоит. Хирург, что вас оперировал.

— Доктор Зорин? Светила медицины? Судя по времени, звоните не для того, чтобы узнать, как у меня дела? — Раздаётся бодрый мужской голос.

Как будто сейчас не два часа ночи, а разгар дня.

— Вы совершенно правы. Мне бы с вами поговорить. И лучше не по телефону. Это срочно.

— Ну приезжай.

— Я в пятнадцати минутах от вашего дома.

— Принято. Скажу своим парням, чтобы тебя сразу пропустили.

— Спасибо.

Сбрасываю вызов и вжимаю педаль газа в пол. Дорога скользкая, но ползти не получается, адреналин требует выхода.

Я еду на встречу к человеку, которому собираюсь сдать в рабство. Добровольно. Это будет плата за мирную жизнь моей женщины. Всё по-честному. За её жизнь заложу свою.

Такого расклада я для себя даже не рассматривал.

Но иногда приходится выбирать из двух зол меньшее. Это как раз тот случай.

Выбор без выбора. Но главное, чтобы помогло. Сейчас слишком многое стоит на карте.

Вот так обычно и бывает. Чего-то больше всего не хочешь, а жизнь тебя нагибает так, что другого варианта просто не остаётся.

Раньше про других на своём месте, я бы подумал — продажная тварь. А сейчас при новых вводных всё выглядит совсем в другом цвете, смешиваясь по краям и расплываясь в оттенки.

Как же там любит говорить мама? Хочешь насмешить Бога, расскажи о своих планах?

Но что-то мне совсем не до смеха.

Все планы к чертям...

Ранним утром просыпаюсь от того, что меня едва ощутимо гладят по щеке.

Приятно...

Хочется понежиться ещё...

Лениво открываю глаза. И сначала даже не понимаю, где я, и почему Зорин не лежит рядом.

Лёва сидит у дивана на корточках, и совсем без улыбки, но с, бередящей душу, нежностью водит по моей щеке подушечками пальцев. Они у него мягкие. Без шероховатостей и мозолей. И мне немножко щекотно.

Непроизвольно прижимаю плечо к щеке, защищаясь от щекотки.

И от моего движения в глазах Зорина появляется какая-то осмысленность. Словно до этого мгновения он был в трансе, поглаживая меня и успокаивая себя.

Он был так далеко в своих мыслях, что даже не заметил, когда я проснулась.

— Прости. Я тебя разбудил?

— Привет! — Резво сажусь я, не обращая внимания на головокружение от резкой перемены положения тела.

Тяну руку к лицу, но что-то тяжёлое не позволяет это сделать быстро.

— Воу-воу! — Закрывается от меня рукой Лёва, падая пятой точкой на пол. — Это расценивать как заявление?

С удивлением замечаю в своей руке сковородку. И не сразу вспоминаю, как она у меня оказалась.

Но постепенно память возвращается. А дурман сна уходит.

— Ты где был? — С упрёком и обидой спрашиваю я.

— Ну нет. Я отказываюсь отвечать на вопросы под прицелом сковородки без каких-либо гарантий с твоей стороны.

— Что? — Не догоняю я спросонья.

— Проверить на себе всю силу данного девайса я согласен только будучи честным женатым человеком. — Показывает указательным пальцем Зорин на инструмент в моей руке, сияясь улыбнуться. Но получается плохо. А я, как дурочка, сижу с поднятой рукой и удивленными, как у совы, глазами. — А то какая-то бессмысленная жертва получается. Вот если бы так меня утром встречала жена... это другой разговор.

— То есть, чтобы припечатать тебя сковородкой, мне нужно дать согласие поставить в свой паспорт штамп?

— Именно. И не какой-нибудь. А с указанием в нём моего имени.

Я тут же отбрасываю нервно в другую сторону дивана не пригодившуюся утварь, как шипящую на меня змею.

— Так я это случайно. Ночью что-то послышалось. Зачем из-за такой ерунды документ портить?

— Господи, женщина! Как же с тобой трудно! — Закрывает лицо ладонью Зорин.

Ну нет, в ЗАГС только через мой труп. Зачем ставить всё государство в известность, что мы спим вместе? Кому какое дело? Живут же люди годами без штампа. И всё тип-топ.

Никаких хлопот со свадьбой... потом с разводом...

Но ЗЛЮ мне явно зубы заговаривает.

— Лёв, где ты был?! — Спрашиваю ещё раз повышая тон.

— Там машину твою малость «подрихтовали». Поездишь пока на моей. — Задумчиво потирая пальцем подбородок, говорит Лёва невпопад.

Причём тут моя машина? И что с ней могло ночью случиться? Но мысли цепляются за другое.

— А нам уже можно уезжать? Всё решилось?

— Ну почти. — Так же загадочно отвечает Зорин.

Непонятное поведение мужчины меня взвинчивает быстрее, чем пуля в тире обычно достигает мишени.

— Что это значит? С Леной всё хорошо?

— С Леной всё хорошо. Не волнуйся. Она завтра с Аней и моими родителями приедет сюда. Обратно все вместе поедem. Вопрос решился. Можно возвращаться.

Уставшим жестом Лёва смахивает упавшие на лоб волосы назад.

Ну я же вижу, что не всё в порядке! Чего он молчит? Я имею право знать. Даже если эта самая правда мне не понравится.

— Лёв? Что произошло ночью? Ты ведь что-то не договариваешь, да?

А он приподнимается, и кладёт руки мне на плечи, прислоняясь лбом к моему лбу.

— Всё закончилось. Или закончится сегодня-завтра. Увидишь в новостях. Нашли управу на Горинова. Тебя больше никто не тронет.

— Это твой друг-следователь помог?

— Ну можно сказать и так.

Да что ж он вокруг да около! Я же переживаю!

— Лёва! — Не выдерживают нервы.

— Всё хорошо, Ир. — Устало прикрывает глаза мужчина. — Я просто не выспался. Мотался в город, чтобы понять, что там происходит. Спать хочу жутко.

Эх, что ж я за человек такой? Он ведь и правда всю ночь не спал. А я тут с расспросами.

В конце концов, раз он говорит, что всё решилось, значит так оно и есть. Вот Фома неверующая!

По привычке жду доказательств, и чтоб всё по полочкам логично разложили.

А тут радоваться надо, что всё закончилось. Просто радоваться. Скоро всё вернётся на свои места. И мы забудем об этих Гориновых*, как о ночном кошмаре.

Встаю на ноги, помогая встать Зорину. И веду его в спальню.

Укладываю в постель, снимая штаны и свитер. Укрываю одеялом. И целую в висок.

Главное, что он вернулся. Он рядом. Всё остальное — мелочи жизни.

Сейчас пойду и приготовлю нам завтрак. Потом обед. Испеку пирог.

А уже завтра приедут наши девочки. Мы такой пир устроим. Ещё и уезжать не захочется.

Стоп! С кем, он сказал, они приедут? С его родителями?

Это как понимать? Меня знакомить собираются?

А спросить? А приготовиться?!

Зорин! Мы же так не договаривались!

Мечусь по кухне, забыв про завтрак.

И будить ЗЛО жалко... и очень хочется встряхнуть... аж руки чешутся.

Но делаю глубокий вдох и завариваю себе кофе.

Сейчас позавтракаю и что-нибудь придумаю. Ленюк уже с его родителями

познакомилась. Чего бы и мне не познакомиться.

Так и скажу: я — мама Лены.

Или как он собрался меня представить?

От разбегающихся мыслей сдаюсь и усаживаюсь на стул, кладя голову на ладони.

Вот не было печали...

*Про судьбу Гориновой будет отдельная книга, поэтому тут о них лишь в общих чертах, без деталей.

Просыпаюсь резко, словно в голове тумблер включили. Мысли ясные и чёткие.

План действий выстроился сам собой. Просто делай всё по порядку — и будет тебе счастье.

Что мы имеем в итоге?

Ира осталась без машины. Придётся отдать свою. Я за неё только-только кредит выплатил. Взял паркетник, когда Ньюта на права сдала. В качестве первого авто решил отдать ей нашу старую машину. Пока осваивается на дороге, чтоб не сильно жалко было от царапин и вмятин.

А себе давно собирался покупать новую. Вот и случай как раз подтолкнул.

А теперь снова — здорово. Но ничего. Прорвёмся.

Королевна без колёс не сможет. Я собственно тоже. Придётся опять влезать в кредит. Но денег на новую пока нет. Надо подкопить на первый взнос.

Учитывая, что моё «рабство» будет хорошо оплачиваться — через два-три месяца смогу взять себе другую «красавицу».

Осталось что-то придумать на эти месяцы ожидания. Надо переговорить с Ньютой и отцом.

Мысли о «делке с дьяволом» после сна уже не такие скверные и шальные.

На свежую голову всё видится вполне цивилизованно и решаемо. Или это я просто смирился? Хрен знает. Главное, что совесть в доле и не зудит.

Но ночной разговор вышел напряженный. До сих пор при воспоминании о нём, холодок бежит по спине.

Хомский — главный криминальный авторитет. Так называемый, «смотрящий за городом».

Он как-то попал ко мне на операционный стол с тяжёлым ножевым ранением. Я его вернул буквально с того света. Взамен получил приглашение на должность «их врача» и визитку с обещанием вернуть долг.

В тот момент от такого «счастья» я отказался. Но визитку зачем-то сохранил. Связываться с криминалом никогда не планировал. Это против моих внутренних правил.

Лечить в своей клинике, как Хомского тогда — пожалуйста. А выезжать отдельно — нет уж, увольте.

Но сейчас пришлось переступить через себя.

И в глазах Хомского я видел, что эта ситуация его забавляет.

Хладнокровная беспринципная мразь...но, надо отдать должное, справедливая.

Лишь будучи уверенным в последнем я решился на разговор с ним.

— С чем пришел, Лев Олегович? — Встретил меня Хомский восседа в широком кожаном кресле.

Выглядел он так, как я его и запомнил несколько лет назад. У этого человека, похоже, время течёт по-иному. Он явно владеет секретом вечной молодости.

— У меня к вам предложение, Арсений Эльдарович. — Меня проводили в кабинет босса, но он ждал не за столом, а у окна, где стоят диван и два кресла.

Как будто встреча старых друзей. Но обманываться себе не даю. С таким человеком это опасно.

— Очень интересно. В последний раз ты был решительно настроен против каких-либо дел со мной. Ты же у нас вроде слишком правильный.

— Времена меняются. А понятие «правильно» напрямую зависит от условий, которые подбрасывает жизнь.

— И что же так резко могло поменяться в твоей жизни, доктор?

Со странной спокойной улыбкой смотрит на меня этот бессмертный.

— Горинов. Вам о чём-то говорит эта фамилия?

Хомский хмурится.

— Говорит, доктор. О многом говорит. Ты как-то связан с его женой?

— Не я. Моя супруга — тот самый адвокат, к которой обратилась Горинова, чтобы развестись с мужем. А теперь её преследуют. Угрожают. Сегодня разбили машину, создав аварийную ситуацию.

— Сильно пострадала?

— Не она была в машине. Но девушка, ехавшая за рулём, сейчас в интенсивной терапии.

Хомский задумчиво потирает подбородок, смотря в сторону. Он явно что-то знает.

Вижу. Чувствую.

— А я и не знал, что ты женат, Лев Олегович. — Неожиданно улыбается «смотрящий».

— Пока нет, но я работаю над этим.

Усиленно. Аж пар из ушей валит.

— Слышал, адвокатов по бракоразводным делам очень сложно уговорить расписаться.

А моя и не уговаривается. Ни в какую, зараза упрямая.

— Ничего. Я что-нибудь придумаю. Вопрос времени.

— Так в чём состоит твоё предложение, доктор?

— Вы, пользуясь своим влиянием, утихомириваете Горинова. Чтобы он вообще забыл о существовании моей женщины. Даже близко к ней не приближался. Даже случайно. А я на пять лет становлюсь «вашим врачом».

— Даже так? — Брови Хомского ползут вверх. — Это интересно. Это очень интересно.

Арсений Эльдарович встаёт с кресла и идёт к огромному окну. Долго всматриваясь в даль. Что он там видит, не понятно. На улице темень, хоть глаз выколи.

Но я терпеливо жду решения «смотрящего».

И он меня не разочаровывает.

— Я согласен, доктор. — Поворачивается ко мне Хомский. — Но один год тебе скостим за моё возвращение с того света. Я же обещал вернуть долг. И ещё один год — в качестве морального ущерба твоей женщины за всю эту ситуацию. Горинову помогли при одном условии, что он сидит тихо и не отсвечивает. А он из-за какой-то бабы наследил так, что хорошие люди век не отмоются. Так что, я решаю твой вопрос, а ты на три года «наш». По рукам?

И вроде я должен чувствовать облегчение, что всё получилось. Но то, на что я подписываюсь, не даёт порадоваться скорейшей свободе Иры. Наверное, потому что я сам взамен её, этой свободы, лишаюсь.

Но всё же три года, не пять. Это тоже огромный плюс.

Одёргиваю себя и жму руку Хомского.

— Ты, скорее всего, захочешь подписать договор с точными сроками? — Даже не спрашивает, а утверждает криминальный авторитет.

— Хотелось бы.

Хомский кому-то звонит, даёт указания и снова усаживается в кресло, подавая мне чистый лист бумаги и ручку, взятые со стола.

— Напиши всё, что тебе пригодится для оказания услуг в эти три года.

И я не стесняюсь описываю. Стерильную комнату под операционную, весь инструмент, медикаменты... всё-всё до мельчайших деталей. Список получается знатный. И даже одного листа не хватает.

Когда передаю Хомскому, смотрю нагло, ожидая, что он сейчас меня пошлёт. Но тот удивляет, кивая головой.

Согласен? Серьёзно?

В этот момент человек «смотрящего» приносит договор на моё трёхлетнее «рабство».

Внимательно читаю и ставлю размашистую подпись внизу. Следом за мной расписывается и Арсений Эльдарович.

Всё! Я в кандалах!

Вот так я и стал ручным псом криминального авторитета. И стоит ему только дёрнуть за поводок — в смысле позвонить — и я в течение трёх лет буду обязан примчаться по специально оговоренному адресу и лечить того, на кого укажет мне «смотрящий».

Без права голоса. Без права протеста. Без права отказаться.

Позвонили, приехал, лечишь. Позвонили, приехал, лечишь.

А лечить придётся много. Я не понаслышке знаю, что Хомский устраивает подпольные бои без правил. Туда любят приходить большие шишки, делая огромные ставки на бойцов. И парни, которых он там выставляет, возвращаются едва живые — просто мясо.

Когда-то люди развлекались, устраивая петушиные бои. Сейчас человечество шагнуло вперёд — теперь в фаворе бои среди живых людей.

Выжил — молодец, повезло. Нет — ну бывает, естественный отбор.

Мне как врачу, это противоестественно. Я каждый день борюсь за чужую жизнь. И мне непонятно, как можно добровольно идти в эту мясорубку в здравом уме.

Кроме прочего, у блатных частенько случаются разборки. И их окончание тоже не всегда мирное.

Моё дежурство будет круглосуточным. Без выходных и праздничных дней.

Три года...

И вроде мне будут хорошо за это платить. Но чувствую себя, как ни крути, в неволе.

В клинику люди попадают, желая жить. И я борюсь на пару с ними самими. А тут мне придётся тащить всё одному. Это вдвойне тяжелее. Удачный исход в таких случаях минимален. А каждая потеря пациента будет знатно бить по психике и по врачебной уверенности.

Но назвавшись груздем, поздно притворяться мухомором...

Лишь приехав домой и увидев свою воинственную валькирию со сковородкой под щекой и в моём свитере, я смогу успокоиться и усвоить новую реальность для себя.

Рядом с ней я отчётливо разглядел то, ради чего я всё это делаю.

И ни капли не жалея, провалился в глубокий сон. Из которого вынырываю словно из-под толщи воды.

Когда Лев просыпается и выходит в гостиную, я окружаю его домашней заботой. Кормлю. Подаю кофе. Подношу полотенце в душ.

На радостях, что возвращаемся в город, мы вместе прибираем дом, собираем вещи, оставляя только самое нужное на пару оставшихся дней и придумываем, что приготовить девочкам и родителям Лёвы.

Мужчина вызывается сделать настоящую лазанью. С меня — салат и десерт к чаю.

День пролетает словно миг.

Пока Лёва отсыпался, у меня было достаточно времени всё обдумать и понять, что прошлая ночь, когда он неожиданно исчез, показала мне, как серьёзно я вляпалась в этого мужчину.

И свет не мил, и руки опускаются — теперь это про меня. Полная зависимость на лицо.

Я дорожу его присутствием рядом со мной. Мне не хочется его отпускать.

Слежу за каждым его жестом. Ловлю каждое его слово. И спорные вопросы мне хочется обсудить с ним и услышать его мнение.

Ну или на крайний случай едкие замечания в стиле мистера ЗЛа.

Это тоже моё любимое...

По ним я тоже скучаю, когда долго не вижу Зорина.

Мне все его шутки заходят. Хочется смеяться до упаду.

Это ведь диагноз — когда женщину прёт от тупых мужских шуток?

Знаю точно, что тест на совместимость мы прошли. Раз не поубивали друг друга за эти две недели в изоляции... дальше будет легче...

Ну или сложно... но весело...

— Ты всегда, когда одна, спишь со сковородкой? — Неожиданно спрашивает Зорин за ужином, когда мы уже приступили к чаю.

И я давлюсь печеньем, вспоминая, как проснулась с кухонным тяжёлым девайсом в руке.

А Лёва как всегда спасает меня от удушья, хлопая по спине.

— Да что ж ты у меня такая хилая. Слова тебе не скажи.

Нет, он нормальный? Под руку о таком спрашивать?

— Ночью был странный шум и треск. Я подумала, Горинов меня нашел.

— Он тебя здесь никогда не найдет. Задача не для его молочных зубок. Дача эта записана не на меня. И даже не на моих родителей. А на двоюродную тётку по линии отца. Она в своё время попала под раздачу бесплатных соток. По принципу «раз дают, надо брать» отхватила себе кусок, но деревенская жизнь ей не зашла. Отдала участок моему отцу, а сама укатила в Ближнее зарубежье, вот только переоформить у нас никак руки не доходят. Чтобы эту связь отследить, придётся копать очень глубоко. Но для начала надо хотя бы понимать, где копать. Так что сюда Горинов не сунется. А шум — это сломанная ветка яблони, упавшая на крышу с той стороны дома. Я заметил, когда подъезжал утром. Надо будет спилить.

— А завтра твои родители приезжают, да? — Осторожно задаю мучающий меня весь день вопрос.

— Ага. Они девчонок привезут. Заодно познакомлю вас всех. — Проговаривает как ни в чем не бывало Лёва, намазывая варенье на батон.

А я тут вся извелась. Места не нахожу.

— А что ты им скажешь?

— Как есть, так и скажу. Вот вам невестка, но она напрочь отказывается идти со мной в ЗАГС.

— Лёва! — Возмущаюсь я.

Ну а как не возмущаться? Нельзя такое родителям говорить. Тем более если они старой закалки. А судя по характеру Лёвы, мне кажется там не просто закалка, а старые уставы домостроения в действии. И не удивлюсь, если до сих пор практикуются.

— А что? Ты уже согласна?

— Дался тебе этот штамп. — Съезжаю я со скользкой темы. — Ну хорошо же живём.

— Хорошо. — Довольно соглашается Зорин, поглощая попеременно то печенье, то бутерброд с вареньем. — Но мама у меня женщина верующая, поэтому она быстро до тебя донесёт, что наши отношения — это блуд. А блуд — это смертный грех.

— Как же ты ещё не женат-то при такой маме?

— Так я никого не знакомил с ней. Лишь ты, моя королевна, удостоена такой чести.

Цени!

— Ой, я ценю, Лёва. Очень ценю. А давай, чтобы побережь нервы твоей мамы, скажем ей, что я просто друг. — Мне только сердобольных мамочек и не хватало для полного счастья, ага.

— С которым я сплю.

— Лёва!

— Ох, снова ты меня, безбожница, на смертный грех подговариваешь — соврать родной матери. И это мне советует правозащитник.

Падлас Радригис! Слушая ЗЛО и вспоминая, как я обычно провожу своё свободное время, получается, что я каждые выходные отдыхаю так, что потом к церкви можно даже не приближаться. Лучше сразу идти топиться. Душа уже всё равно трижды проклята.

А если об этом узнает его мама...

— А ты прям весь такой праведный и честный? Ну да, ну да. Сделаю вид, что поверила.

— А ты можешь сей факт оспорить? — И ведь так эмоционально возмущается, как будто я его и правда обидела. — Не пойман — не вор. Или как там у вас... презумпция невиновности.

Как-то наш разговор меня совсем не успокаивает. А, я бы даже сказала, наоборот. Градус диалога подсакивает к максимальным значениям.

И я никак не могу уложить в голове, как у глубоко верующей матери мог вырасти такой тип? И какой же там папа?

И если предположить, что в Лёве это все смешалось, а затем отсеять из этого комбо праведную сторону его матери, то остаётся... о, Боже... короче, что-то нехорошее остаётся. И мне уже страшно!

Но Лёва уводит меня от беспокойных мыслей, заставляя помочь ему убрать кухню. А затем вместе завалиться пораньше спать.

Наша крайняя уединённая ночь проходит жарко и насыщенно. Не зная, что нас ждёт завтра, мы стараемся набраться впечатлений с запасом. Наслаждаемся каждой секундой.

Нырнем в омут с головой. Без страха и оглядки. Полностью доверяя друг другу.

И такое растворение в друг друга для меня внове. Необычные ощущения затапливают с ног до головы. Ощущение нужности. Желание угодить. Чувство страха за близкого.

Всё то, что когда-то было за гранью моего понимания, стало логичным и повседневным. И почему я раньше всё это отвергала и запрещала себе, ставит в тупик.

Я словно и не жила в полную силу. Так, существовала в сберегающем режиме. Отгораживалась от семейных ценностей, видя к чему приводит брак.

Сама прошла через постыдные, ничего не принесшие мне отношения.

Хотя, нет. Вру. Всё же один плюс был.

Я родила Ленусика.

Пожалуй, лишь это может оправдать меня на сегодняшний день. Только это перекрывает все допущенные ошибки. Только так я могу оправдать свой первый брак.

Наверное, каждый из нас должен пройти свою собственную дорогу к счастью. У каждого свои кочки и ямы на этом пути, а иногда и битое стекло, и ржавые гвозди.

Я натерпелась сполна. Пора дать себе право жить так, как хочется простой девушке Ире, что прячется где-то глубоко внутри. А ей хочется простого женского счастья.

И чтобы было, кому в старости вылить стакан воды в лицо...

И в случае с Лёвой, я бы не стала зарекаться, кто именно из нас будет облит...

Ира с утра, как на иголках. Вчера, рассказывая про матушку, я слегка преувеличил. Но ни капельки не жалею. Мне хочется посмотреть на выражение лица своей королевы, когда она поймёт, что всё совсем не так.

Наблюдаю за её суетой с улыбкой.

Мне нравится, что она переживает, какое создаст впечатление. Одно то, что она вообще об этом думает, уже о многом говорит.

Значит, я всё же пробился под её скорлупу. Ещё чуть-чуть, и она пойдёт трещинами, а потом и вовсе падёт под моим напором.

Пока готовим еду, в фоновом режиме работает телевизор.

И вдруг Ира бросается через всю комнату к дивану за пультом и делает громче.

«Вчера ночью при попытке к бегству был пойман Горинов Виталий Александрович. Известный бизнесмен, недавно приговорённый к семи годам лишения свободы за финансовые махинации. При задержании Горинов оказал сопротивление, из-за чего сотрудникам колонии пришлось применить силу. В данный момент бывший бизнесмен находится в лазарете под охраной. О состоянии осужденного пока ничего не сообщается. Но с полной уверенностью можно сказать, что своим поведением Горинов прибавил ещё один год к своему сроку.» — Вещает диктор.

Ира замирает перед экраном.

— Неужели нашли?

По телевизору мелькает видео с Гориновым.

— Вряд ли эта ситуация была бы широко освещена, если бы речь шла о подсадной утке. Мне и Тёма написал, что всё решилось. Можно возвращаться. Его взяли.

Тёма и правда час назад отписался. Просто для меня эта информация уже не актуально. У меня другой источник. Более надёжный. И от него пришло сообщение ещё в шесть утра «Горинова утихомирил. Твоя женщина в безопасности». Коротко и по существу.

Для меня эта тема уже закрыта. Хомский — человек слова. Иначе не был бы «смотрящим».

Родители приезжают ближе к обеду. Встречаю их на улице. Помогаю занести сумки в дом. Мама, конечно же, заранее наготовила и привезла всю провизию с собой. Ну как без этого?

Нюта трещит без умолку, рассказывая все новости из «внешнего мира». Ленчик прижимается к боку, обхватив меня за пояс.

Родители с нетерпением проходят домой. Мы замыкаем процессию. Там их встречает королева.

Моя гордая рысь...

— Принимай гостей, хозяйюшка. — Говорит добродушно отец, широко улыбаясь Ире.

Нюта, конечно, им уже все уши прожужжала про то, что мы вместе.

— Добрый день. — Отвечает настороженно и скованно королева.

Но мой отец не церемонится. Сразу подходит, крепко обнимает и целует по-русски в обе щёки. Три раза! Всё по-честному!

От такой встречи Ира теряет. Не такого ожидала моя королева. С моей нескромной

подачи, надо признать.

— Будем знакомы, дочка! Я — Олег Геннадьевич. — И только Ира делает вдох, чтобы ответить, но моего отца не так-то легко перебить. — Про тебя мы, Иронька, уже всё знаем. Девчонки все уши за эти две недели прожужжали. Умница. Красавица. Мы только с матерью удивляемся, как ты нашего оболтуса терпишь. Но что бы там у вас ни было, дай бог тебе здоровья за нашего Лёвчика. До тебя никто его к рукам прибрать не смог. Ото всех сбегал, поганец. Колобок перезрелый. А тут, смотри, как пригрелся. Гвоздодёром не оторвешь.

Стою, тихо ржу. Ира не знает, что и думать. А мой отец уже взял её в оборот. Обнял за плечи, развернул по направлению к обеденному столу в гостиной. Подсесть на уши он умеет знатно, были бы свободны.

— Ну что ты к девочке пристал, Олежа. — Семенит за ними мать. И как только они останавливаются и к ней разворачиваются, Ира вновь достаивается крепких объятий и трёхкратного приветственного поцелуя. — Дай мне-то её рассмотреть. Ой, хороша! И впрямь, красавица! Вот же повезло нашему Лёвочке. И Леночка наша вся в маму пошла. Глаз не отвести. Золото, а не девочка.

Ира снова порывается вставить хоть слово, но моим родителям собеседник нужен лишь для того, чтобы их послушали. У неё просто нет шансов. И меня это веселит ещё больше.

Кн_иг_о_ед_.нет

Смотрю с умилением, как моя Ира просто теряется в этом водовороте родительской любви и заботы.

Мама расставляет вкусности на столе. Даёт команду Нюте и Лене принести на всех тарелки, бокалы и приборы. Девочки беспрекословно исполняют всё, что им говорит Евгения Вадимовна. Моя мама профессиональный педагог на заслуженном отдыхе. Никто не умеет так общаться с молодёжью, как моя мама. Они у неё все ходят по струнке. Даже моя Нюта.

Магия, не иначе.

У меня так не получается.

Она мне столько советов давала — не перечить. И я им честно пытался следовать, чтобы наладить диалог с дочерью. Но на мне, видимо, природа отдохнула. Не могу найти подходящие слова. Мой мозг просто зависает в процессе поиска вежливых и доходчивых оборотов речи. Одна нецензурная лексика в эти мгновения на языке вертится. Хочется просто что-то разбить или сломать.

А мама — нет, у неё всё построено на вежливости и уважении. Она даже с маленькими детьми разговаривает, как с равными себе. И это их цепляет. Они просто ходят за ней гуськом и заглядывают в рот. До сих пор на день учителя к ней приходят толпы бывших учеников с цветами, подарками, тортами.

— Вот мы сейчас все вместе отметим воссоединение нашей большой семьей. Мать, где наша настойка? Доставай давай.

Мама достаёт бутылку домашней настойки. Разливает по четырём рюмкам. Мы все рассаживаемся за столом. Я рядом с Ирой. По другую от неё сторону — мой отец. Девочки предсказуемо рядом с моей матерью.

Батя пододвигает рюмку к Ире.

— Домашняя. Из черноплодки. Давай за вас со Львом. За твоё железобетонное терпение. Пусть оно становится с каждым годом только крепче.

И снова королева пытается вступить в разговор, но безуспешно.

— Иронька, ты не подумай. — Пускается в объяснения мама, беря тарелку Иры и подкладывая самые вкусные кусочки. — Лёвочка у нас замечательный. Врач от бога. Но с тяжелым характером, чего уж скрывать. Но раз вы вместе, значит, что-то же тебе в нём понравилось, и эта особенность стала просто незначительным нюансом на фоне остальных достоинств.

Ира открывает беззвучно рот, пытаясь вклиниться в монолог матери, но ей никто не даёт такой возможности.

Я глядя на всё это, просто улыбаюсь. Королевна видя моё настроение, сверкает кошачьими глазами. Злится...

— Я так рада, что вы нашли друг друга. — Продолжает как ни в чем не бывало мама. — Просто замечательная пара. Осталось нам всем согласовать дату вашей росписи. У меня в ЗАГСе подруга работает, она нам любое время согласует. Давайте выберем, и я всё устрою. Отметим у нас дома. Я всё приготовлю. Наши девочки мне помогут.

И мама достаёт телефон, открывая на нём календарь. У моей мамы слово с делом не расходится.

— Вот через две недели хорошая дата. — Показывает нам экран. — В субботу, да? Чего тянуть. Вам же не двадцать. Пышных платьев и фаты не будет. Всё сделаем по-семейному.

— Ой, Ба, отличная дата. — Моя Нюта всегда умела пробиться в монологи моих родителей. Гены... — Мы успеем всё организовать. А отметить можно и в кафе.

— Зачем в кафе, когда я сама могу накрыть прекрасный стол. Будет вкуснее любой ресторанной еды. — Не соглашается мама.

— Правильно. — Тут же вступает отец. — Настойки у нас после лета достаточно. На праздник хватит. Звони, Жень.

И мама уходит звонить подруге из ЗАГСа.

Ира в шоке...

А я в нирване...

Это моя тяжёлая артиллерия, да. А куда без неё, если другие способы не работают?

— Ну всё. Галина ждёт вас через две недели. — Возвращаясь, объявляет мама.

— Ура! — Синхронно голосят девчонки.

Они уже продумывают детали праздника...

А Ира...

Ира просто молча опрокидывает в себя рюмку настойки. Отец, видя пустую тару, тут же хватается бутылку, чтобы подлить ещё. Но я успеваю закрыть рюмку рукой.

— Ей больше нельзя. Может навредить. — Поясняю я сразу всем.

И родители понимают меня правильно. Мы, может, уже пацана заделали. Всё же две недели один на один в замкнутом пространстве. И про защиту никто не вспоминал. Даже в голову не пришло.

Ну а мне, как врачу, если и заглядывало, то я тут же отгонял эту ненужную мысль подальше...

Родители счастливы. Девчонки радостно начинают подбирать имена. Причем почему-то мужские...

Это знак! Точно говорю!

Вскоре, конечно, всё сходит к шуткам и смеху. Вспоминаются уже самые старые варианты имён: Сидор, Афиноген, Распугай, Ипатий, Ануфрий...

Девчонки входят в раж. Их уже не уговорить.

А королева просто упирается подбородком в свои руки и смотрит в одну точку...

Глажу её по спине, стараясь снять напряжение в мышцах. Ей сегодня досталось. Выдержать такой натиск моих родителей не каждый способен. Но моя рысь сильная. Сейчас немного оклемается и вернётся к нам обратно.

По завершению выходных мы дружно собираемся в город. Назад домой. Девочки в этот раз едут с нами.

Родители укатили на час раньше нас. У них дома кот не кормленный.

Оба дня Ира довольно молчалива. Всё никак не переварит новую информацию. Но я стараюсь не нагнетать. Тут главное не перегнуть палку. Мои родители её уже достаточно накренили.

Ленчик садится позади меня. Обвивает меня сзади через водительское сиденье за шею. Кладу свою руку на её сцепленные ладошки.

Эта девочка попала мне сразу в сердце. Прямиком. Её просто невозможно не любить. Моя младшенькая принцесса.

Целую ладошки и нежно сжимаю хрупкие пальчики в своей ладони.

Нюта сидит, уставившись в свой смартфон. Она уже давно приняла новую сестру в семью. И меня радует, что между ними полное понимание и никакой ревности. Нюте больше интересно общение с Ирой. С ней она может общаться часами.

Когда подъезжаем к городу, Ира оживает.

— Подбрось сначала ко мне. — И от её фразы внутри всё сворачивается в узел.

Всё же перегнул?

Но послушно рулю в её район. Девчонки притихли.

Напротив Ириноного подъезда как раз есть свободное место. Паркуюсь.

Ира открывает дверь. Но я даже не делаю попытки, чтобы выйти или остановить её. Тут силой не возьмёшь. Решение должно быть за ней.

Молча смотрю вперёд через лобовое стекло. Я напряжён так, что даже мышцы сводит.

— Ленусь, Анют, пойдёмте. Надо вещи собрать. — Говорит уверенно Ира. — Быстрее соберём, быстрее домой приедем.

И от облегчения меня аж ведёт. Сердце начинает биться быстрее. От счастья, однозначно...

Мои девчонки уже заходят в подъезд. А я всё не могу сдвинуться с места. Им же надо будет с чемоданами помочь. Ире вообще нельзя тяжёлое поднимать.

А меня как гвоздями к водительскому сиденью прибили. Ноги стали тяжёлыми. Не двигаются.

Вот это я стресс словил...

Прихожу в себя лишь спустя минут десять. И, наконец, плетусь следом за своей семьёй.

Чтобы помочь собраться и отвезти домой...

Слова Лёвы оказались пророческими.

Я залетела.

И я даже себе самой не могу объяснить, как это случилось. Чтобы вот так обо всём забыть и погрузиться в отношения с мужчиной... ну это не про меня.

Вернувшись в город работа снова занимает большую часть нашего времени. Но от свадьбы отмазаться не получается. У мамы Лёвы просто зверская хватка.

Я даже моргнуть не успела, а меня уже собрали, отвели и расписали, а после всей семьёй это безобразие отметили.

И вроде понимаю, что я тут хозяйка. Как я скажу, так и будет. Но посмотрев в эти любящие и ясные глаза Зориной старшей сердце сжимается и язык немеет. Вот как её можно обидеть в лучших чувствах? Я же не садистка какая-нибудь.

Вот так я и становлюсь Зориной Ириной Сергеевной. И даже моя дочь взяла фамилию папы Лёвы, как она теперь мило его называет.

Что думает об этом бывший, узнать мне не дают. Все встречи и переговоры с ним Лёва взял на себя. Каждый раз он лично сопровождает Ленусика, когда Макс хочет с ней увидеться.

Лена расцветает и оживает на глазах. Новая жена Макса носа не показывает, себя не навязывает — дочь счастлива. И что-то мне подсказывает, что тут не обошлось без ЗЛа.

Но в мирных целях и в небольших дозах позволительно. Одобряю.

Не сказать, что каждый раз Лёва рад и рвется поехать встречаться с Максом... но возвращается он с них точно в приподнятом настроении. Искренне надеюсь, что у бывшего всё хорошо. Но если нет — это уже не мои проблемы.

Мои беременные месяцы пролетают словно птицы над головой... благо полёт нормальный и никто на тебя сверху «не серит».

Живём и радуемся в ожидании нового члена семьи.

Девочки просто сошли с ума. Наглаживают мой живот каждые пять минут. Мне кажется наш с Лёвой ребёнок уже заранее залюбленный и избалованный.

Все с нетерпением ждут мальчика. Лёва в этом просто уверен.

А наш малыш ни в какую не хочет раскрывать свой секрет. Каждый раз на УЗИ отворачивается. Скромняга... Пол определить невозможно.

Лёва гордо заявляет, что «мужикам негоже свои достоинства на всеобщее обозрение выставлять».

Ну мальчик, так мальчик — я смирилась. Главное, чтобы здоровенький и счастливый.

Девчонок у нас и правда много. Будет даже интересно — каково это, когда у тебя сын.

Мне бы очень хотелось, чтобы он был похож на Лёву. Вот только характер я бы слегка подкорректировала, чтобы ему было легче устроиться в жизни.

Всё же Лёва очень специфический человек. С ним не каждый может общаться нормально.

Сегодня выдался напряженный день на работе.

Всё утро у меня тянет поясницу.

Лёву вызвали в ночи. Утром я его не видела. Ухожу пораньше из конторы и еду к мужу на работу.

Мужу...

До сих пор привыкнуть не могу, что мы женаты. Кажется это всё нереальностью. Словно с кем-то другим происходит.

Захожу в хирургическое отделение Зорина. Старшая медсестра уже знает меня в лицо.

За время беременности я тут примелькалась, да. То ли в силу возраста, то ли из-за гормонов, мне всё время кажется, что с моим малышом что-то не так. То где-то ноет, то как-то колит...

Поэтому, когда вхожу в кабинет мужа, он меня встречает уставшим:

— Опять?

Лев вымотавшийся, с красными от недосыпа глазами, смотрит на меня настороженно.

— Лёвочка, у меня всё утро поясницу тянет.

— Ты когда ещё должна была в декрет выйти?

Ну да. Я до сих пор работаю. Несмотря на большой срок. Но ведь я не могу бросить клиентов на половине пути. Они пришли именно ко мне.

Молча сажусь в кресло напротив Зорина с кислой миной на лице.

Деспот и тиран! Никакого сострадания к беременной женщине! Вот сам бы выносил...

Лёва набирает по внутреннему телефону несколько цифр.

— Ивановна, привет! Мою посмотришь? Говорит, поясница ноет. Сейчас будем.

Спокойно встаёт из-за стола. Огибает его. Подойдя, клюёт меня в нос своими тёплыми губами.

— Пошли.

Встаю и иду за Лёвой.

Уже со счастливой улыбкой...

Мы идём к лифту. Доезжаем до нужного этажа. Лёва сопровождает меня до смотровой. Там нас поджидает акушерка.

Осматривает меня. Лёва, конечно же, из кабинета не выходит. Все осмотры и УЗИ только при нём. Я сначала возмущалась. А теперь так привыкла, что от его присутствия получаю какую-то подзарядку.

— Лев Олегович, а вы рожаете. Раскрытие, правда, совсем небольшое, но вам прямая дорога в родблок.

— А кто у вас сегодня из врачей дежурит?

— Марина Константиновна.

— Ладно. Давай. Оформляй нас в родблок.

— Можно подумать, если бы тебе врач не понравился, что-то бы изменилось. — Фыркает Ивановна. — Прямо ребёнок так вас всех и подождал... Ага. Бежит и спотыкается.

Уже через десять минут мы оказываемся с Лёвой в родблоке. Тянущие ощущения в пояснице переходят в более частые схватки. Но пока достаточно терпимые. Я хожу по блоку, сижу на фитболе...

Лёва от моих мельтешений перед глазами засыпает. Прямо на стуле.

Удивительная мужская способность — спать везде и при любых окружающих условиях.

Я продолжаю бродить, как раненная бегемотиха...

Когда схватки переходят в тянущие спазмы, что уже не можешь не тужиться — звоню акушерке по телефону, что она оставила.

Ивановна появляется быстро. Видя спящего Зорина, снова смешно фыркает.

— Мужчины...

— Он просто устал, с ночной смены сегодня. — Защищаю своё ЗЛО. Какое бы оно ни было, но своё же. А мы своё в обиду не даём.

Ивановна, никак не комментируя мои слова, помогает забраться на кушетку. Дальше идут мучительные потуги, когда все мои силы уходят на то, чтобы правильно тужиться и дышать.

Про Лёву все забывают. Когда рожаю головку, акушерка зовёт врача. Самый ответственный и болезненный момент проходит под её чутким контролем.

Вторые роды проходят в разы легче, чем первые. По моим ощущениям — даже очень быстро. Но на самом деле с момента моего приезда в клинику прошло уже несколько часов.

Ребёнка мне сразу прикладывают к груди. Я хоть и уставшая, но самая счастливая мама на свете.

Зацеловываю кряхтящий сморщенный комочек.

— Папашу-то будить будем? — Спрашивает с улыбкой Ивановна.

— Будите. — Вздыхаю я. Сейчас лев будет рычать, что его не разбудили вовремя.

Акушерка аккуратно толкает плечо Зорина.

— Лев Олегович. Принимай плод своих стараний.

Лёва недоумённо распахивает глаза. Непонимающе оглядывается, а когда находит глазами меня с малюткой вскакивает, как ужаленный, и пытается отобрать.

— Как? Уже? Почему не разбудили?

— Ты так сладко спал и сопел... — Издевается Ивановна.

— Неважно. Надо было разбудить. Рождение сына я бы ни на что не променял.

— Какого сына, Лев Олегович. — Смеётся Ивановна. — У вас дочка.

— Как дочка? Не может быть.

— Точно вам говорю.

— Да ты просто плохо смотрела. Дай мне. — Отбирает Лёва у меня ребёнка.

Кладёт на пеленальник и пытается распутать पिщащего от недовольства малыша.

— Уж поверь моему опыту. Я ошибиться не могла. Девочка.

Но Лёва упорно отказывается верить. И только развернув наконец малышку, сокрушенно выдыхает.

— Твою ж мать. И впрямь девка.

Ивановна уже откровенно хохоча, снова пеленает нашу с Лёвой дочку.

— Застудишь, папаша. Какие недоверчивые нынче папы пошлы, да, принцесса?

— Ир, как же так-то. — Чешет затылок растерянный Лёва. — Мы же сына ждали.

А я настолько устала, что кроме улыбки выдать уже больше ничего не в состоянии.

— Ну так как, берёшь? Или кому другому предложить? — Провоцирует Ивановна.

— Я тебе предложу! — Рычит Лев, устраивая малышку в своих руках и покачивая. А она, глядя на папу, притихла. — Значит опять девчонка. Ну что с вами делать? Где ж мне столько нервов найти?

— Мужчины всех больше хотят мальчиков, но любят сильнее девочек. — Шепчет мне акушерка.

А я несколько не расстраиваюсь. Так моему ЗЛу и надо. Сам напросился.

Эпилог 1

Шесть лет спустя...

Берег реки. Круглая белая беседка. Женщины в воздушных платьях всех цветов радуги. Мужчины в костюмах. Арка и периметр беседки украшены цветами. Их тут столько, что можно открывать торговую точку. Уверен, отбил бы ползарплаты.

И в центре всего этого беспредела моя старшая дочь и тощий абориген. Она — в белом, он — в черном.

Смотрю на это безобразие и поражаюсь. Что Нюта в нём нашла? Ни рожи, ни кожи.

Но все от него без ума. Даже моя Ира. Сюсюкают. Улыбаются. Шутят.

Меня прям ведёт, когда вижу их междусобойчики.

Хотя, чему я удивляюсь. Он же их коллега по цеху. Тоже адвокат.

Зануда и задрот, каких ещё поискать. Вот нафига двум адвокатам жениться? Чтобы и дома, и на работе о законах и клиентах болтать?

Но Нюта, если в голову себе что-то вбила, то прёт как танк. Одно радует, что если кого и придётся жалеть в этом браке, то точно не мою дочь.

— Сделай морду лица попроще. — Тихо доносится справа голос королевны. — Ты смотришь на жениха так, как будто мечтаешь увидеть его на своём операционном столе.

А что не так? Нормально я смотрю.

— Как подумаю, что этот хмырь будет делать с моей дочерью после свадьбы...

Поворачиваюсь и натываюсь на сверлящий взгляд разъярённой рыси. Ну что я опять сказал-то?

— Что? — Удивляюсь. Веду ладонью по щеке. — Я побрился, как ты и просила. Чего так смотришь?

— Да вот думаю, рассказать тебе или позволить и дальше жить в наивном неведении? — Издевательски заявляет моя интриганка.

— Рассказывай давай!

— А ты у меня с сердечным приступом не свалишься прямо тут?

— А всё так ужасно? — Хуже-то, мне кажется, уже некуда.

— Ну как сказать... — Отворачивается от меня жена.

И вроде пытается съехать с темы. Но я хватаю её ладонь, лежащую на моём предплечье, которая вот-вот ускользнёт.

— Ир-ра!

— Анютка беременна. Ты скоро станешь дедом. — Выпаливает женщина.

Вот они меня без скальпеля режут.

— Твою ж мать. Так она из-за этого за него? — Пытаюсь сложить два и два.

И судя по реакции жены, получаю «пять».

— Я тебя сейчас стукну! Сумкой! При всех! Она по любви замуж выходит! Всю остальную ересь просто выброси из головы.

— Ты уверена? — Сомнения никуда не уходят. Тем более при новых данных. — Разве «это» можно полюбить?

— Мне ещё и каблуком на ногу тебе наступить? Исключительно для прояснения рассудка.

Отхожу на шаг в сторону. Она может.

— Просто с таким характером, как у Нюты, всё время думается, что её скорее терпят, чем искренне любят.

— Я же тебя люблю. Люблю и терплю. Так и живу... — Задумчиво разглядывает Ира гостей.

А меня как пришибли. Смотрю на неё и не могу оторваться.

— Что? — Вдруг замечает мой безумный взгляд жена.

— А я думал, просто любишь.

— Наивная простота. — Улыбается королевна.

— Значит ещё и терпишь?

— А как же.

Ехидна. Не иначе.

— Надо было на Надюхе жениться. Молодая. Влюблена в меня без памяти.

— Так надо было. Это ж сколько б нервов мне сэкономил.

Отворачивается, пряча от меня улыбку.

А меня цепляет. Вот понимаю, что дразнит. А меня передёргивает, как от звука, когда гвоздём по железу скребёшь.

— Ир, ты сейчас серьёзно?

— Зорин, ну вот что за фигня у тебя в голове? Возрастной кризис? Кто тебя кроме меня больше недели выдержит, а? А ты? Сам же на вторые сутки сбежишь... ко мне.

В этом, пожалуй, есть доля правды. Выдыхаю.

— И ты этим пользуешься...

— Да. — Улыбается во все свои тридцать два зуба. — И буду продолжать пользоваться. Чтобы ты не расслаблялся.

— Жестокая женщина.

— Так у меня ЗЛО под боком. Надо же как-то соответствовать. Побывать иногда демонессой.

— Ты самая лучшая, знаешь?

— Ещё бы!

Смеюсь и лезу целоваться.

Настроение поднимается. Королевна умеет меня взбодрить.

А ещё у неё отлично всегда получается переключить и отвлечь мой мозг. Потому что, пока мы тут выясняли, кто кого и как сильно любит, молодые уже расписались, обменялись кольцами и вышли к машинам, чтобы ехать в ресторан.

А мне уже не хочется выпотрошить жениха.

Хотя, я думаю, через лет пять захочется его пожалеть...

К нам подбегает наша младшая Варюша. Всё это время она сидела в другом ряду вместе с моими родителями и Леной.

А я смотрю на нашу принцессу и понимаю, что пережить вот таких внутренних мучений мне предстоит ещё, как минимум, дважды.

Не хочется их никому отдавать, что готов завывать в голос. От Ленки с Варькой вообще всех метлой гнать буду. Не родился ещё тот парень, который был бы достоин моих маленьких принцесс.

Ленку даже на практику через пару лет к себе заберу, чтобы была всегда на виду. Хорошо, что она тоже решила пойти в хирургию. Моя гордость!

Смотрю на то, как Ира поправляет бантики у Варюшки на голове и радуюсь, что семе

лет назад у неё воспалился аппендицит и рядом оказалась моя Ньюта, а я задержался на работе. Из таких вот незначительных мелочей сложилась моя счастливая жизнь.

И даже три года рабства у Хомского не могут изменить моё мнение. Награда достойна той платы, что мне пришлось заплатить. Ни жена, ни дочери ничего про эту историю не знают. Все просто думали, что мне пришлось жёстко работать на протяжении этого времени. Варька отвлекала их внимание своими истериками и бессонными ночами. И никогда не узнают. Это не для их слабых нервов.

Жертва всегда кажется незначительной, когда есть те, ради кого приходится жертвовать.

А у меня их целых четверо. И мне даже страшно представить, что было бы если всё сложилось по-другому.

Без них бы точно ничего хорошего!

Эпилог 2

Свадебный банкет у Анюты проходит весело и шумно. Ресторан стоит на ушах. Стол ломится от еды. Тамада оказался на высоте. От конкурсов все хохочут.

Потом начинаются танцы до упаду... в прямом и переносном смысле.

Я весь вечер зажигаю с Анюткой в середине круга.

На утро глаза не разлипаются. Свадьба удалась. Ноги гудят. В голове звучит набат. Хочется свернуться в комочек за плинтусом.

Лёва снова будит меня, чтобы уговорить на пробежку. Домашний садист. Вот откуда в человеке столько энергии? В его-то возрасте?

— Я позавчера вознаграждение получила за удачный развод. Плюс ежеквартальная премия. — Сонно мычу я. — Давай, ты от меня отстанешь и дашь поспать, а я закрою твой кредит на машину.

— Хм. Да ты у нас сегодня золотая рыбка.

— Ага. Исполню любое ваше желание в пределах разумного... когда проснусь.

— Я запомню.

И Лёва, чмокнув меня в затылок, уходит, позволяя мне досматривать сны.

К слову сказать, я так и езжу на его паркетнике. И даже уже влюбилась в эту машину, и давно считаю её своей. Лёва, поездив полгода на автомобиле отца, взял себе другую модель. Но жутко в ней разочаровался. Поломка на поломке, он просто не вылезал из автосервиса. Поэтому пару лет назад приобрел снова такой же паркетник, как у меня, только другого цвета и в новой модификации. За что до сих пор расплачивается.

Просыпаюсь я гораздо позже от девчачьего щебета. Лёва до сих пор не вернулся.

Выползаю на кухню, слыша смех дочерей. Ленусик замешивает на завтрак творог со сметаной для себя и младшей сестры.

Варя пытается всячески помочь и лезет в шкаф за сахаром. И нечаянно задев за край стола опрокидывает берестяной туесок и высыпает сахарный песок на пол.

— Ой. Прости. — Смотрит на меня наша красавица испуганными глазами.

— Ничего страшного. — Говорю я, хотя очень хочется выругаться.

Не так я себе утро представляла. И, тяжело вздыхая, бреду за веником и совком. Убрал с пола сыпучий продукт, протираю окончательно влажной тряпкой, чтобы собрать все песчинки.

Но когда пытаюсь подняться с корточек, в спине что-то щёлкает, и меня клинит в полусогнутом состоянии.

— Ой... — Тихо шепчу я, хватаясь за спину. Разогнуться не могу. Больно. — Ой-ой-ой...

— Мам, тебе нехорошо? — Подскакивает Ленусик, видя неладное.

— Кажется, спину защемило. Не могу разогнуться. Больно.

Ленусик пытается помочь, но от лишних движений мне ещё хуже. Боль жуткая...

— Ох. Лучше не трогай. Дай так постою. Может отпустит.

Облокачиваюсь на кухонный стол и медленно выдыхаю. Боль немного успокаивается, но полностью не проходит.

В коридоре хлопает дверь.

— Папа пришёл! — Несётся встречать Лёву Варюша. — Это мне цветочки?

— Нет, это для золотой рыбки. — Доносится голос Зорина из другого конца квартиры.

— Для кого? — Недоумённо спрашивает наша младшенькая.

— А мама где?

— Здесь. — Забегает вихрем ребёнок и одновременно рассказывает новость отцу. — У неё спина сломалась!

Следом за ней в комнату входит Лёва. С букетом цветов. Красивые...

Подпираю рукой подбородок, выпятив попу. Как будто так и задумано.

Но Зорина не проведёшь. От его зоркого глаза ничего не скроешь.

— Что случилось? — Строго спрашивает Лёва, осматривая мою позу с внимательностью хирурга.

— Спину защемило. — Пищу я.

— Напрыгалась вчера?

И снова мой тяжёлый вздох.

— Свадьба же была. Как не танцевать-то по такому случаю?

А дальше в ответ следует крепкое словцо из русского мата.

— Это диагноз? Кстати, красивые цветочки.

— Мхм. — Строго без улыбки мычит Лев.

И передаёт букет Ленчику. Отрывает лист из блокнота, где я обычно составляю список продуктов, что надо купить. Что-то задумчиво пишет.

— Разогнуться совсем не можешь? — Подозрительно смотрит на меня ЗЛЮ.

Вот точно сейчас начнет читать лекцию о пользе бега по утрам.

— Неа. Совсем. — И хватаюсь за поясницу. — Тут сразу простреливает.

— Понятно. — Продолжает что-то писать Зорин. А потом передаёт листок Лене. — Пулей в аптеку. Что купить, я написал.

И Лена тут же убегает собираться.

А меня прямо бомбит от его приказного тона. Вот опять он «заведующего» дома включает.

— А ещё жалуешься, что у тебя дочь такая язва. Если ты её также тренировал, как сейчас раздаёшь приказы Ленусику, словно собаку дрессируешь: «Сидеть!», «Стоять!» — то ничего удивительного. А она — девочка. С девочками так нельзя.

— Ну поучи меня ещё, как с девочками общаться. — И подходит ко мне. — Давай помогу до кровати добраться, килька моя несчастная.

Фыркаю недовольно. «Золотая рыбка» мне нравилась больше. Но сдерживаюсь. Ему ещё меня лечить.

Облокачиваюсь на предплечье Лёвы, чтобы кое-как доковылять до спальни. Забираюсь на кровать, укладываясь осторожно бочком.

Лёва садится рядом, разминая поясницу. Варя маячит где-то за его спиной.

Как только Лена прибегает обратно, Лев достаёт из пакета укол и лекарство в ампулах. Наполняет шприц прозрачной жидкостью.

— оголяйте вашу красивую задницу, Ира Батьковна.

Отворачиваюсь, морщась в подушку.

Ойкаю, когда мне всаживают в нежную попу иглу. Почти незаметно. Но рефлексы... Куда их деть? Не люблю уколы.

В следующую минуту прижимает к месту укола вату.

Поворачиваюсь обратно лицом к своему ЗЛЮ.

— Я знаю, за что ты мне достался.

— Ну давай удивляй меня. — Улыбается это чудовище.

— Это кара. За всех обиженных в суде мужиков, Падлас Радригис. Вот только не понимаю, почему. Я же помогала восторжествовать справедливости.

— Это за твой язык без костей. — Шлёпает меня легонько по заднице Лёва. — Воздаяние за то, что постоянно перечишь мужу.

А я со стоном снова падаю на подушку, слегка распрямляясь. Зорин начинает втирать какую-то мазь в мою поясницу. Кажется, отпускает.

С появлением Лёвы в моей жизни, судьба мне всё время подкидывает испытания, когда я предстаю перед этим мужчиной хрупкой, распадающейся на атомы, кисейной барышней.

В то время, как я привыкла быть в броне и на коне. Порой с шашкой наперевес.

Но рядом со ЗЛОм быть слабой мне приятно... большую часть времени. Потому что несмотря на его едкие замечания, он заботится обо мне и носит на руках. Как и своих дочек. Не в каждого мужчину эта опция заложена, поэтому я пользуюсь ею по максимуму. Сложно от такого не поплыть.

А иногда просто не хочется...

Смакую. Наслаждаюсь. Кайфую.

Ведь за что-то я его заслужила...

Больше книг на сайте - Knigoed.net